
ПОЛИТИКА
Адам Тёрнвелл

Политика
Адам Тёрлвелл

Аннотация
Адам Тёрлвелл. Политика
I
1. Пролог
1
2
3
4
5
6
2. Действующие лица
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

12
II
3. Они влюбились
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
4. Любовь
1
2
3
4
5
6
7
8
9

10
11
12
13
14
15
16
5. Интрига
1
2
3
4
5
6
7
6. Они любят
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
7. Они разлюбили
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

16
17
18
19
20
8. Любовь
1
2
3
4
5
6
7
8
9
9. Интрига
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

11
12
13
14
15
10. Конец любви
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
III
11. Финал
1
2
3
4

5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
Благодарности

Аннотация

Человек сделан из любви. Все поступки человека диктуются любовью, а также — непонимание и нелепицы, альтруизм и нежность, юмор и суета. Миром правит любовь. И в первом романе современного английского прозаика Адама Тёрлвелла “Политика” все — тираны и злодеи, мученики и праведники, шлюхи и ханжи — хотят любить и быть любимыми. А как же секс, спросит читатель. Секс — всего лишь тоска по любви.

В 2003 году Адам Тёрлвелл был признан “лучшим молодым писателем Великобритании”. На русском языке издается впервые.

Адам Тёрлвелл
Политика

Посвящается Джун Голдман 1921-1998

I

1. Пролог
1

Моше осторожно пытался затянуть потуже пушистые розовые наручники на запястьях своей подружки, и вдруг заметил, что ее лицо помрачнело.

Думаю, Моше вам понравится. Его подружку звали Нана. Думаю, она вам тоже понравится.

— Киска! — сказал он. — В чем дело?

Он склонился над ее шеей. Она лежала на животе. Ее руки были вытянуты над головой, словно у ныряльщицы.

Вот в чем дело. Руки Наны были слишком тонки для этих наручников. Вот отчего она хмурилась. Проблема логистики. А Нана беспокоилась о логистике. Она подходила к сексу со всей серьезностью. Но трудно сохранять серьезное отношение к сексу, если при каждом движении твои руки почти выскальзывают из наручников. Ситуация, объяснила она, далека от идеальной. Ведь вся суть как раз в попытках ускользнуть.

Подняв глаза, она увидела унылое лицо Моше.

— Котя! — сказала она. — В чем дело?

И невозмутимо объяснила, что ей просто придется немного притвориться. Она будет лежать неподвижно и притворяться, что борется. Она была к нему так ласкова. Действительно, сказала она задумчиво, уткнувшись лицом в постель, план был другим. Нана должна была быть беззащитна, попав в его западню, в то время как безжалостный деспот Моше, ликуя, изображал бы потерю ключей от наручников, включая запасные. Но главное удовольствие — в импровизации.

Мне нравится эта парочка. Они всегда что-нибудь да придумают, и мне это нравится.

Придумала все Нана. Она набросала краткий сценарий. Нану свяжут и грубо оттрахают в жопу. Ей хотелось, чтобы ее могучий властелин доказал свою мощь. На что Моше — поскольку они были парой, которая пыталась все делать вместе — предложил поход в хокстонский секс-бутик с названием “Шшш!” и фейс-контролем.

С фейс-контролем? Да-да. Мужчин без сопровождения женщин туда не пускали.

Моше и Нана четыре минуты нервно рассматривали внутренности “Шшш!”. В магазине пахло благовониями. Моше решил, что пора уходить. Потом передумал. Если они сейчас уйдут, подумал Моше, это будет выглядеть, как будто они

неуютно себя чувствуют в окружении секс-принадлежностей. Как будто они боятся секса.

Не знаю, отчего это так волновало Моше. В конце концов, так оно и было. Моше боялся. Он боялся секс-игрушек. Особенно его пугал двенадцатидюймовый фаллоимитатор, покрытый толстыми венами и с дополнительным отростком для ануса. Но Моше не хотел выглядеть испуганным. Ему хотелось казаться равнодушным.

Они купили небольшой, гладкий фаллоимитатор леопардовой расцветки — для него или для нее — и теперь он выглядывал из-под кровати краешком картонной коробки. Они купили веревку. Для Наны они купили черный кожаный лифчик в стиле садо-мазо. Он был ей мал на три размера. Он скорее напоминал детский лифчик. Грудь Наны в нем совершенно сплющивалась. В ее подчиненной роли груди тринадцатилетней девочки шли ей как нельзя лучше. Моше выступал в роли господина. Для этого он купил пушистые розовые наручники, и использовал бы их по назначению, если бы застежки, защелки, или как их там, не оказались слишком широки для изящно сложенной Наны.

Но наручники были широки. Ей пришлось бы притворяться.

Отложив наручники, Моше сгреб с тумбочки моток розовой секс-веревки. Он обмотал ее восьмеркой вокруг как бы скованных наручниками запястий Наны и привязал другой конец к раме кровати. Ее руки образовали гибкий крест флуоресцентной раскраски.

Нане было больно и удобно. Идеально, подумала она. То самое ощущение. Она хотела получить кайф от боли.

Моше развел в стороны ее ягодицы.

Сначала Нана ощутила стыд. Однако вскоре стыд сменился ликованием. Моше сопел, уткнувшись в ее жопу. В этом было что-то пленительное. Моше без устали лизал и по-собачьи лакал ее. Он проникал кончиком языка в ее темнеющую морщинистую дырочку.

Возможно, мне надо кое-что уточнить. Нана была блондинкой. Натуральной блондинкой. Поэтому, сказав “темнеющая”, я не имел в виду “темного цвета”. Анус у Наны был очень светлого оттенка. Анус-альбинос.

Моше нравилось растягивать языком ее розовую дырочку, крепко разведя руками ее ягодицы. Вот новое ощущение, подумала Нана, смущенно поддаваясь ему. Так вот какой он, “римминг”, подумала она. Не то что возбуждает, но очень ин-

тересно. От этих мыслей она снова вздрогнула.

И сказала: “Поговори со мной”. Если быть более точным, по всем порнографическим канонам она протянула: “Прри сной”.

2

Есть много разных подходов к разговору во время секса. Есть много вариантов разговора во время секса. Некоторые любят приказывать. “Соси мой член”, говорят они. Иногда это приводит к парадоксам. Например, мальчик может сказать: “Проси дать тебе в рот”, приказывая, заставляя просить себя. А то девочка или мальчик может сказать: “Заставь меня сосать свой член”. Это уже приказ приказать, который фактически превратился в просьбу. Другие предпочитают, чтобы их партнер болтал. Они хотят, чтобы их осыпали гортанными непристойностями. Это особенно возбуждает, когда ты подозреваешь, что твой партнер подавлен. С другой стороны, есть люди, которых разговор в постели попросту подбадривает. Иногда им даже не нужно, чтобы с ними на самом деле говорили. Достаточно издавать какие-нибудь звуки. Для них звуки партнера во время секса то же самое, что разговор. На другом

конце спектра, полагаю, любители ролевых игр и альтернативной реальности. Множество людей желают во время секса стать кем-нибудь другим. Множество людей любят воображать, что кто-то во время секса стал кем-то другим.

Как раз сегодня Нана хотела пофантазировать. Ей нужен был сюжет. Ей нужна была игра.

В обычных обстоятельствах Нана презирала разговоры во время секса. Ее раздражал даже шепот. Но здесь и сейчас, в квартирке в потрепанной части Финзбери, поглядывая то на женщину в кожаной сбруе на коробочке фаллоимитатора, то на черный шнур хабитатовской прикроватной лампы, Нане хотелось поговорить. Фантазия, подумала она, развлечет Моше. Дела закрутятся.

Она заботилась о Моше. Ей хотелось успокоить его. Но просьба Наны не успокоила Моше. Сказать по правде, она заставила его занервничать еще больше. Моше был просто комок нервов.

Почему обычной непристойности всегда недостаточно? Вот что думал в это время Моше. Но он не дал себе скатиться в депрессию, нет. Он задумался. И придумал план. Ему казалось — и так оно и было на самом деле — что Нане хочется представления. Ей хочется фантазии, разыгранной в деталях. Ей хочется пощекотать воображение.

Тут Моше представилась антисемитская фантазия. Знаю, вы этого не ожидали, но так уж сработало его воображение.

Лакая и вылизывая свою подружку из пригорода, единственную дочь богатенького гоя, Моше то и дело отрывался от нее, чтобы продолжить рассказ о своей еврейской родословной. То был рассказ о торжестве неудачника. Вернее сказать, неудачником его могла посчитать Нана, но у Моше были и сила, и хорошее происхождение. Отец Моше был на борту “Шалома”, когда тот совершал свой первый рейс в 1964 году. Лайнер “Шалом” — гордость Израиля, эталон роскоши, вплоть до модернистской обивки эргономичного имсовского кожаного кресла в каждой каюте. На нем была даже синагога.

У любовника Наны были могучие предки. Возьмем, к примеру, прадеда Моше, героя Ист-Энда. Он был профессиональный боксер. На ринге его звали Юсель-Мускул. В то время как Нана была просто Папочкиной дочкой. Неженкой из пригородов. Из Эджвера, сказал Моше с отвращением.

Так оно и было. Это уже не фантазия. Нана росла в пригороде. Она жила в Эджвере со своим отцом. Эджвер — это пригород северного Лондона.

Дойдя в своем рассказе до этого места, Моше

решил, что пришло время воспитательных мер. Его фантазия истощилась. Так что он шлепнул Нану, несильно. Она застонала и выгнула шею вверх, потом снова опустила голову. Он шлепнул ее снова, уже сильнее, но поскольку Моше был возбужден, его рука неловко соскользнула, и шлепок пришелся в то место, где ягодица переходит в верхнюю часть бедра.

Он разозлился на себя за собственную неуклюжесть. Он вдруг ощутил уязвимость своей позиции, на коленях между ног Наны, с занесенной правой рукой. Он не чувствовал себя тираном и деспотом. Он не чувствовал себя султаном. Он чувствовал себя Моше.

Ребенок в квартире наверху споткнулся, упал и заорал благим матом.

Моше смутился еще больше.

Бедный Моше. Боязливый садист, робкий содомит. Ему не хватало опыта. Это его тревожило. Еще его тревожило то, что он не знал, насколько опытна Нана. Два этих ощущения были неразделимы.

Непохожий на себя, Моше ударил Нану. Ударил изо всей силы. Нана издала непонятный звук.

3

Затем Моше приготовился к действию. Стоя на коленях, он вставил два пальца в ее влагалище, а большим пальцем проник в анус. Обычно пальцы так сгибают, чтобы взять шар для боулинга. Потом он смазал свой член и, пригнув его вниз правой рукой, попытался вставить туда, где, как он полагал, находился ее анус.

Нана сказала, чтобы он остановился. Ей очень больно, сказала она.

Для Моше это был знак продолжать.

Все шиксы любят, когда их ебут настоящие еврейские парни, сказал Моше с нажимом.

Завидное упорство! Поколебавшись, Моше все же продолжал игру. Я считаю, что упорство — выдающееся качество, я серьезно. Кто-то усмехнется. Кто-то может заметить, что в сексе важно только умение — но я так не думаю. Упорство тоже достойно восхищения. Моше достоин восхищения.

Опираясь на левую руку, правой он манерно направлял головку своего члена, пальцем отыскивая вход в анус Наны и пытаясь войти. Но в этой композиции была некая загадка. Его левая рука беспомощно дрожала, ей явно не хватало

сил. Все же трудно это, подумал Моше, — трахать в задницу абсолютно неподвижную девушку. Можно было сказать что-нибудь вроде: “Эй, куколка! Может приподнимешься чуть-чуть?” Но он знал, что Нана ему не поможет. Он знал, что она не поднимет свою послушную ждущую попку. Весь кайф был в том, чтобы не выдать свой кайф.

Он на секунду остановился. Нана заметила паузу. Ее лицо было прижато к постели. Чуть прищурившись, она смогла бы прочитать ярлык “Данлопилло” на матрасе, просвечивавший сквозь простыню.

В жизни бывают моменты озарения, и один из них как раз наступил.

Моше сообразил, вытянулся и цапнул с тумбочки тюбик крема — ванильное молочко для рук и тела “Рен Таитиан”. Большим и указательным пальцами открыл его и, измученный, размазал содержимое по головке члена, уздечке, стволу, по всему стоящему члену. Потом бросил тюбик на постель рядом со светлыми волосами Наны. Там он и остался валяться.

От крема член защипало и стало горячо. Он снова надавил, почувствовал непривычную теплую тесноту и остановился. *Моше захлестнула волна облегчения.* Он позволил себе мгновение самодо-

вольства. А кто бы на его месте не позволил? Не будем лицемерами. Наконец-то он трахал свою девочку в задницу. Моше не двигался, но чувствовал, как его медленно затягивает все глубже и глубже.

Для Моше это было *кульминацией* всего вечера.

Он потянул член на себя, немного, еще немного, и тот вдруг сам по себе скользнул дальше, вниз, и выскользнул совсем. В панике от ужаса и стыда он попытался засадить его обратно, в непривычное место, но оказался во влагалище ничего не подозревающей Наны.

Не теряя оптимизма, он все же продолжил ее трахать. Он убеждал себя в том, что секс в позиции сзади почти то же самое, что анальный секс. Он выгибался. Он проникал. Он менял угол.

Но нет.

Это был совсем не анальный секс. И Моше это знал. Это была противоположность анальному сексу. Стандартное гетеросексуальное вагинальное сношение.

Он расслабился и подумал об Израиле.

Вы, должно быть, подумали, что это было *худшей минутой.* Нет. Стало еще хуже. Он лежал на спине Наны и думал. От раздумий у него началась

легкая истерика. Да-да, Моше мог делать все, что захочет, но впал в истерику.

Должно быть, думал Моше, это самый нервирующий способ секса. Самая нервозная сцена за всю историю секса. Он представил себе другие пары, пресыщенные сексом пары всего мира. Спальни, одна за другой, в них мальчики и девочки, парами и тройками и может, кто знает, четверками, кричат в экстазе. Они скачут друг на друге, думал недвижный Моше. Они в экстазе. И он в этом уверен.

4

Я хочу раскрыть проблему Моше чуть шире. Это глобальная проблема. Это глобальный страх оказаться “не как все”.

В своем трактате “О любви” великий французский романист Стендаль так объясняет свою теорию о том, почему мы любим читать: “Подобно тому, как человек может получить большинство сведений о собственной физиологии только с помощью изучения сравнительной анатомии, так и тщеславие вкупе с прочими источниками обмана чувств не позволяют нам трезво судить о собственных чувствах, кроме как изучая слабости

других. Если этому сочинению посчастливится стать в чем-либо полезным, так это в обучении нашего ума подобным сопоставлениям".

Позвольте объяснить. Вы не знаете, как выглядит ваш желудок, и точно так же вы не знаете, как выглядят ваши чувства. Разглядеть свой желудок вам мешает кожа. Разглядеть свои чувства вам мешают тщеславие и прочие иллюзии. Чтобы одолеть проблему кожи, существуют учебники анатомии. Чтобы одолеть проблему тщеславия и прочих иллюзий, существуют романы.

Пока Моше лежит на спине у Наны, возьмем для примера его чрезмерное беспокойство. Ему кажется, что у всех секс получается лучше, чем у него. Он страдает от уязвленного самолюбия. Единственное средство от уязвленного самолюбия — честно и непредвзято сравнить себя с другими людьми. Тогда вы поймете, что каждый из нас в некий момент становится столь же неуклюж. Лишь немногие избранные всякий раз успешны в анальном сексе. Вы вновь обретете душевное спокойствие.

Моше нужен был роман (именно этот роман, роман, который вы читаете). Моше страдал из-за того, что у него не было под рукой романа. Весь этот роман — попытка свести общее к частному,

крохотному случаю. Думаю, если бы Моше прочитал его, он был бы счастлив.

Эта проблема встает перед каждым. Возьмите, к примеру, себя. Возможно, поначалу вы хотели просто отмахнуться от захватившего Моше беспокойства. Вы подумали, что он как-то неестественно слаб. Вы просто не могли представить себе парня, который так нервничает из-за секса. Может быть, вы даже решили, что этот текст непристоен. Что ж, именно так вы и могли подумать вначале. Вас заставило так думать ваше тщеславие и прочие иллюзии. Но на мой взгляд, в глубине души вы вовсе так не думаете. Мне кажется, что вы, в сущности, чувствуете то же самое. Может быть, это и не так. Но я почти уверен, что в тот или иной момент жизни с вами случалось что-то очень похожее.

Конечно, случалось! Замысел этой книги был в том, чтобы обнадежить. Это универсальная книга. В ней опыт сравнительного изучения. Мне совсем не хотелось написать книгу только о себе самом.

Для того чтобы книга была универсальной, в ней не должно быть мелких помех. Например, вам может показаться трудным имя Моше. Это очень еврейское имя. Отец Моше выбрал это имя

в качестве единственной уступки своей еврейской семье после того, как женился на нееврейке. Может, вы не знаете, как правильно произносится это имя. Может, вы не воспитывались в еврейской семье. Ну так я скажу вам. Имя Моше правильно произносится как “Мойша”. Вот так и произносится. Ясно? Я вовсе не хочу скрывать этого.

5

Нане было немного неудобно. Она натерла запястья о металл наручников, когда притворялась, что не может вырваться. Кроме того, Моше оцарапал ее неровно остриженным ногтем.

— Атпсти, — сказала она.

Моше потянулся, развязал розовую веревку, потом перекатился на спину и стал смотреть, как его член сжимается, укорачивается, сморщивается. Нана потерла запястья. Она обратила внимание на смиренное молчание Моше и перевернулась на спину, чтобы посмотреть на него. Она боялась, что он печален. Она боялась, что он впал в уныние. Чтобы вывести его из уныния, рассудила она здраво, надо поговорить.

Ах, Нана, если бы только все было так просто.

Если бы только Моше проявил нужное самообладание, хотя бы в этот миг. Но нет. Вместо этого Моше стал театральным. В глубине души он любил все делать напоказ.

У приятеля Наны остались лишь два чувства. Оба бесполезные. Как мы показали выше, оба были связаны с истерикой. Моше испытывал страх и стыд. Стыд от того, что подвел ее. Он не смог обеспечить ей правдоподобную фантазию. Не смог осуществить ее. И потому он думал, что она злится на него за то, что он ее подвел. Не может не злиться. Он знал, что от злости она может стать язвительной или разочарованной, и это его пугало. Особенно его пугало то, что Нана в самом деле разочарована, и это было еще постыдней.

Получалось, что стыд был сильнее страха.

Но Нана, ничуть не обозленная и не расстроенная, была сама внимательность. Она была дружелюбна и вообще в духе.

— Ты в порядке? — спросила Нана.

Она само сочувствие! Она беспокоится обо мне! — забеспокоился Моше.

Его реакция, однако, была проста — он надел маску спокойного успеха. Все прошло хорошо, решил он. Моше — самоуверенный соблазнитель. Только что произошла восхитительная сексуаль-

ная сцена, и теперь, когда они, удовлетворенные, лежали на постели, он решил вновь завоевать Нану, выложив ей все секреты своего подсознания. Именно для этого люди и занимаются сексом — тихая близость после него, разговоры на подушке.

Незабываемая ночь. О господи.

Моше не ответил на вопрос Наны. Он не рассказал ей о своем физическом и душевном состоянии. Точнее говоря, не ответил прямо. Он прочитал ей маленькую лекцию.

Отведя взгляд — не от смущения, нет, но в знак откровенности — Моше сказал:

— Однажды я был с родителями в маленьком ресторане, где-то в Нормандии, и увидел из окна, как люди в форме времен войны маршировали по улице, разыгрывая Освобождение.

Хотя возможно, это была форма оккупационных войск. Возможно, они представляли Оккупацию, сказал Моше. Остался лишь образ замка, стоявшего в верхней части селения, и рядом с ним медленно идущие светловолосые мужчины в военной форме. У маленького Моше в памяти все смешалось.

Вот, собственно, и все. Его вклад в катастрофу — история из детства, тайный страх, мелочевка.

Что пытался сказать Моше? Я вам расскажу. Он пытался попросить у нее прощения. Он просил Нану не сердиться на него. Он просил, чтобы она его пожалела. Он хотел сказать, что боится нацистов.

Но Нана не сердилась на него. Она не была нацисткой. Она была просто сбита с толку. Что с Моше? Он сконфужен? Как еще можно объяснить эту ситуацию — Моше, рассказывающий ей в постели о своих детских страхах, в окружении секс-причиндалов?

6

У Наны саднило в анусе, там, где Моше оцарапал ее ногтем. Она дернулась и попыталась улечься поудобнее. Интересно, насколько глубоко Моше вошел в ее анус, прежде чем?.. Значит ли это, что в ссадину попала инфекция?

Он видел, что она смотрит на него — обнаженного, лежащего на спине. Беззащитного. Моше боялся, что Нана посмотрит на его живот, переведет взгляд пониже, и увидит его член. Его глупый и скользкий член. Унылый член. Из-за этого Моше встал, чтобы что-нибудь надеть. Было только девять вечера, но все, чего ему хотелось — найти

свою пижаму.

Моше вернулся к своему карикатурному еврейству. Он спросил:

— Тебе не понравилось “по-еврейски”? Ничего лучше не пришло в голову.

И уныло улыбнулся.

Она молча смотрела на него. Он пытался развеселить, развлечь ее.

— Да? — спросил он.

И она улыбнулась.

— Ангел мой, — сказала она, — ты же только наполовину еврей.

Моше стоял перед ней, чуть покачиваясь. Он перенес свой вес на правую ногу, теперь облаченную в клетчатую пижамную штанину. Стопа его левой ноги была немного выставлена вперед, а колено чуть согнуто. Он надевал пижаму.

Отчего мне так хорошо, подумала Нана, когда за окном один за другим начали зажигаться уличные фонари.

— Ты даже не обрезанный, — сказала она.

— Не будем ссориться по пустякам, — урезонил он ее, прыгая по комнате в погоне за левой штаниной.

2. Действующие лица
1

Я чувствую, что все это зашло слишком далеко.

До своего эксперимента с анальным сексом и садомазохизмом Моше и Нана встретились и влюбились друг в друга. После этого (но до анального секса) они попробовали миссионерскую позицию, эякуляцию налицо Наны, оральный секс, смену имиджа, лесбийский секс, ундинизм, любовь втроем и фистинг. Не все было удачно. По правде говоря, удач было немного.

Если этот список вас напугал, объясню вам одну вещь. Эта книга — не о сексе. Вовсе нет. Она о доброте. О том, что такое быть добрым. В этой книге мои персонажи занимаются сексом, да и всем остальным, из нравственных соображений.

После того как они влюбились друг в друга, но до лесбийского эксперимента и до секса втроем, один из них влюбляется в другую девушку.

К концу этой истории один из персонажей умрет от опухоли мозга.

Ах, если бы все было так просто, как кажется. Если бы у событий не было предыстории.

2

Итак, вот с чего все началось, и продолжилось.

Спектакль.

Папа взял Нану с собой на постановку, возобновленную в театре Донмар-Уэрхаус. Единственное представление. Спектакль был по пьесе Оскара Уайльда “Вера, или Нигилисты”. Этот спектакль, объяснил Папа, открывает Неделю пьес Оскара Уайльда. Идея проведения Недели принадлежала знаменитому политическому драматургу Дэвиду Хэару. Он хотел показать, что Оскар Уайльд был нашим современником. Человеком двадцать первого века. Гомосексуалист Уайльд понимал, что политика пронизывает все и вся.

Папа входил в правление Донмар-Уэрхауса, так что ему надо было смотреть спектакль. Это моя работа, сказал он. Волей-неволей, а смотреть надо. Ему не хотелось идти одному. Он хотел пойти с Наной. Это доставит нам удовольствие, сказал он. Современная постановка классической пьесы. Дэвид Хэар назвал пьесу *классикой.*

Однако Нану убедил не Дэвид Хэар. Ее убедил Папа. Она пошла с ним, потому что любила его.

Тут надо кое-что объяснить. Папа был вдовцом.

Мама Наны умерла, когда той было четыре года. Мамы Наны в этой истории нет. Вот почему мама Наны отсутствует и в отношениях между — Наной и Папой. Безмолвно отсутствует. Нана всегда считала ее лучшим другом (вернее, подругой) Папы. Когда Нана представляла себе маму, она представляла ее беседующей с Папой. Нана не хотела прерывать разговора между мамой и Папой. Она предпочитала, чтобы они разговаривали вдвоем, без нее.

Именно поэтому Нана и Папа составляли такую прекрасную пару. Поэтому они пошли на "Веру" вдвоем.

С этого все и началось, думала Нана позже. Спектакль стал началом. Когда в зале вновь загорелся свет, Папа провел Нану за кулисы, пользуясь своим положением. Там верхом на пластмассовом стуле сидел Моше, что означало, что он, да-да, звезда этой постановки. Но он так устал от всего этого. Устал от всей этой суеты.

Моше был актером.

В первый раз Нана увидела его на сцене, освещенного огнями рампы и такого театрального. Потом, когда они были уже влюблены, она дразнила его и говорила, что на самом деле не разглядела его в тот раз. Нана почти дремала.

Оскар Уайльд навевал на нее скуку. Взамен она глядела по сторонам — на будку осветителя, на тискавшуюся эффектную парочку слева. Ее раздражала вертикальная спинка сиденья и глухое покашливание за спиной.

Вот почему когда Моше — актер, который играл князя Павла Мараловского — встал со своего стула за кулисами и улыбнулся фирменной княжеской улыбкой, она не поняла намека. Она увидела лишь налет зубного камня на верхних зубах Моше. Один его глаз был чуть меньше другого.

Это могло показаться придиркой с ее стороны, но вовсе ею не было. Некоторые люди красивы всегда, некоторые — только временами, но Моше был особенным. Он был мастером эпизода. В частности, из-за небольшого роста в пять футов семь дюймов, и мягкого животика. Но по большей части из-за комичной подвижности мясистого лица и больших карих глаз разного размера. Небрежный персонаж, язвительный персонаж, невозмутимый чудак. Стесняясь своих запущенных зубов, Моше пожевывал правую сторону нижней губы.

Это придавало ему нечто чарующее. И застенчивое обаяние.

Моше не был смазлив, но он был очарователен.

Он был игриво-изящен.

3

Часто свою любовь в первый раз встречают в самых заурядных и даже банальных обстоятельствах. Некоторым трудно это признать. Все кажется чересчур банальным. Особенно тяжко приходится тем, кто верит в космические штуки вроде предопределения, судьбы и родства душ.

Тяжело было, к примеру, Надежде Мандельштам. Она была женой советского поэта Осипа Мандельштама, сгинувшего в ГУЛАГе. Надежда верила в космические штуки. Она верила в предопределение. Вот как она описывала своего мужа: “В своем назначении он не усомнился и принял его так же легко, как впоследствии судьбу”.

Позвольте мне на секунду отклониться от своего отступления. Какая ложь! “В своем назначении он не усомнился и принял его так же легко, как впоследствии судьбу”! Это просто аморально. Надежда подразумевает, что Осип принял свою смерть в Гулаге, как свою судьбу. Он был, говорит она, счастлив погибнуть в Гулаге как поэт. Я не понимаю подобного позерства. Похоже, что быть мужем Надежды Мандельштам было непросто.

Похоже, что с ней было непросто даже спокойно поесть макарон. Разве что это не роковые макароны.

Ну да ладно. В первом томе своей автобиографии и воспоминаний о муже “Утраченная надежда”, Надежда Мандельштам описывает свою встречу с великим поэтом-романтиком Осипом Мандельштамом:

По вечерам мы собирались в “Хламе” — ночном клубе художников, литераторов, артистов, музыкантов. “Хлам” помещался в подвале главной гостиницы города, куда поселили приехавших из Харькова правителей второго и третьего ранга. Мандельштаму удалось пристроиться в их поезде, и ему по недоразумению отвели отличный номер в той же гостинице. В первый же вечер он появился в “Хламе”, и мы легко и бездумно сошлись. Своей датой мы считали первое мая девятнадцатого года, хотя потом нам пришлось жить в разлуке полтора года.

Попробуйте пересказать этот отрывок, и увидите, что произошло на самом деле. Примерно так: Осип появляется в гостинице случайно. Он заходит в подвальный бар и болтает там с девушками. Одна из них ему очень нравится. Потом он год или два ее не видит, и забывает о ней. Когда

они снова неожиданно сталкиваются, она его не узнает. Ему приходится напомнить ей о первой встрече. Потакая своим желаниям, они говорят друг другу: “раз мы снова нашли друг друга, значит это судьба”.

Нет, мои персонажи вовсе не так романтичны. Однако они, как и все мы, немного романтики. Как грустно, думали они, что первая встреча оказалась такой заурядной. Как грустно, думали они, что мы не влюбились друг в друга.

4

Папа обворожительно улыбался. Он расспрашивал Моше о князе Кропоткине. Вы можете подумать, что Папа был весьма эрудирован. Вы можете подумать, что Папа разбирался в русском анархизме, который был исторической основой пьесы Уайльда “Вера, или Нигилисты”. На самом деле Папа не был так уж сведущ. Он просто внимательно прочитал театральную программку.

Папа восхищался глубинами, которые он обнаружил в том, как Моше интерпретировал роль князя Павла Мараловского.

Моше скромно глядел в пол, рассматривая Папины двухцветные туфли, их текстуру и изгибы

кожи и ткани.

— О да, — сказал Моше, — эта сцена нелегко далась.

Но был ли Моше на самом деле столь скромен? Нет. На кончиках и обратной стороне пальцев Моше проступала красноватая экзема, и он пытался скрыть ее, сложив руки особым образом. Он прятал руки за спину. Это сильно ограничивало его возможности жестикуляции. Поэтому Моше стоял, слегка склонив голову, сложив руки за спиной, как бы подтверждая утонченность Папы-мецената.

Папу восхищала его степенность, очевидная *savoir-faire*[1] столь величавой позы.

5

Моше был усталым профессионалом. Он устал от закулисных разговоров. Его угнетала безвкусица. Я могу его понять. Поддельная пышность угнетает. Но легкой депрессии Моше была еще одна причина. На спектакле не было ни одного члена королевской семьи.

При чем тут королевская семья?

---

[1] Примечания: 1
Учтивость (фр.).

Однажды субботним утром, не очень давно, Моше читал в Барбикан-Холле текст к “Юношескому путеводителю по симфонической музыке” Бенджамина Бриттена. На представлении присутствовала королева-мать. И Моше понравилась встреча с Ее Величеством. Очень понравилась.

Вначале исполнители выстроились за кулисами полукругом. Моше, новичок, оказался с краю. Он услышал голос королевы-матери, разговаривавшей с кем-то в коридоре. По крайней мере, он полагал, что это голос королевы. Слегка гнусавый. Аристократический. Потом она наконец вошла.

Моше стоял ближе всех к двери. Это была катастрофа. Это означало, что Моше представят королеве-матери первым. Не зная королевского этикета, Моше собирался скопировать чье-нибудь поведение. Особые надежды он возлагал на первую скрипку. Первая скрипка был в вечернем костюме с гофрированной кружевной манишкой. Остальные были в обычных белых рубашках от “Маркс-энд-Спенсер”. Первая скрипка, думал Моше, должен знать, как отвечать королеве-матери.

Но сейчас от первой скрипки толку не было. Елизавета непреклонно ковыляла в сторону Моше. Взгляд примерно на уровне его сосков. Роста

в ней на четыре фута два дюйма, прикинул он. Это лишило его последних остатков духа. И Моше просто стоял столбом. Он не поклонился.

Моше пожал ей руку и сказал: “Здрасте”.

Королева-мать изобразила на лице улыбку. Ее фрейлина, леди Энн Скричи, оледенела.

По всем меркам это была небольшая катастрофа.

Вот в чем суть королевской семьи, подумал изумленный Моше. Они держат себя по-королевски. И он был прав. Королева-мать вела себя в точности как королева-мать. Она держала себя по-королевски.

Потом началась беседа. Королева-мать сидела в одном конце комнаты на величественном кресле, рядом с которым стояли два кресла поменьше. Кандидатов в кресла поменьше отбирал лично директор Барбикан-Холла. Все остальные глазели. Они притворялись, что не смотрят, а просто едят канапе с икрой, но на самом деле глазели. С тщательно продуманными директором интервалами одно из кресел освобождалось и немедленно занималось вновь.

Вторым собеседником Моше оказался третий кларнет. Его звали Санджив, и он жил в Хэрроу-Уилде. Моше заскучал. Санджив спросил

у королевы-матери, многое ли изменилось за прожитые ею сто лет. Она ответила, о да, конечно. Она думала, что даже к трамваям никогда не привыкнет. Потом она повернулась к Моше, взглянула в его большие карие глаза и спросила:

— Но ведь привыкнуть можно ко всему, не так ли?

Что это, кокетство? — подумал Моше, неожиданно сраженный наповал очарованием этой меланхоличной светской дамы. Он взглянул на нее и стал решать, привлекательна она или нет.

Вполне.

Ах, что за подружка, подумал Моше. Королева-мать принялась описывать свое недавнее знакомство с электронной почтой, но Моше уже не слышал ее. Его унесли мечты.

Он будет ее игрушкой. Станет утешением ее последних лет. Он представил себе разворот в “Хелло!” с фотографиями королевы-матери и ее спутника. Да что там “Хелло!” или “Хола!” — про них напишут в “Пари-Матч”. Елизавета и Моше будут вместе путешествовать по свету, в уютном любовном гнездышке на борту ее яхты. Их отношения нельзя будет назвать “только сексом”, признал он. Хотя и такое возможно. Он был бы не прочь. Но он предполагал, что скорее всего это

будет *взаимная одержимость.* И когда откроется, что она изменила завещание в его пользу и бульварная пресса разразится нападками, те, кто будет с ней рядом, все поймут. Поймет ее фрейлина, леди Энн Скричи.

Моше с нежностью глядел на Елизавету Виндзорскую. Он снисходительно отметил побитые носы ее разношенных небесно-голубых туфель. “Бег времени не остановить”, подумал он. Погадал о соблазнах, кроющихся под искусно уложенным шифоном ее платья. Ноги у нее, отметил он, довольно странные. Отекшие изъязвленные голени казались сделанными из пластика. У королевы были ноги странноватой куклы Барби. Руки были в морщинах и в синяках.

Внезапно Моше представил себе, как королева-мать варит героин в увесистой серебряной ложке, затягивая зубами шелковый жгут на руке. Или, может быть, жгут затягивает леди Энн Скричи — может быть, леди Энн во всем ей помогает.

Все это казалось маловероятным.

Я думаю, он был прав. Гипотеза о том, что королева-мать — нимфоманка на героине, вовсе не кажется мне правдоподобной. Однако Моше был прав, обдумывая такое. Полезно представлять себе жизни сильных мира сего в новом свете.

Так можно тренироваться в доброте. Это дает возможность сопереживания.

О, думал Моше. О, бедняжка.

А потом, словно этой радости было мало, пришло собственноручное благодарственное письмо. Оно было адресовано директору Барбикан-Холла, написано на шести листах in-octavo[2] с тисненым королевским вензелем с короной, и гласило:

> Когда я получаю приглашение в Барбикан, наслаждение и трепет наполняют меня. Каждый концерт здесь само совершенство. Но это совершенство также заставляет меня трепетать! Каждый год я так волнуюсь за новых исполнителей. Я опасаюсь, что не смогу наслаждаться музыкой столь же полно, как и годом прежде.
>
> Но я получила удовольствие!
>
> Возможно, вы не читали сэра Макса Бирбома, но он один из моих любимых писателей. В своей книге “Зулейка Добсон” он описывает юную девушку по имени Зулейка, в которую влюбляются

[2] Примечания: 2
В одну восьмую листа (лат.).

все вокруг, поскольку она так прекрасна. Разумеется, было бы неправильно называть вас всех Зулейками, ведь вас так много, и все вы так талантливы. Но я должна вам сказать, что каждый раз, когда я слышу вашу музыку, я благоговею так же, как любой из поклонников Зулейки.

Возможно, вы найдете тон этого письма слишком легкомысленным, но когда я покинула Барбикан в субботу, я была необычайно воодушевлена, и боюсь, что это чувство воодушевления еще живет во мне.

С самыми теплыми благодарностями, искренне ваша,

К. Елизавета.

Что за чаровница, думал Моше, изучая свою личную фотокопию письма. Какая женщина! И потом, думал Моше, в учтивости нет ничего предосудительного. И тут я с ним соглашусь. В конце концов, даже в добродетели ничего предосудительного нет.

6

Вот почему бедный усталый нетерпеливый Моше, разговаривая с Папой, тосковал по королевской учтивости.

Слишком хорошо он знал все эти закулисные сборища. Он томился ими. Если под рукой не оказывалось сексуальной вдовушки, на таких вечеринках он только злился. Нет, не из-за шампанского, и не из-за бутербродов с икрой — из-за людей. Его раздражало правление театра. Тоже мне, ворчал Моше про себя, они еще хотят благодарностей. Думают, что мне ох как интересно их понимание сути театральной игры.

У Моше были проблемы, как и у всех нас. Временами он бывал довольно груб. Особенно в моменты усталости или испуга. Не будем слушать его ворчание. Простим ему, что он не замечает Папиной учтивости.

У Папы был собственный этикет, пусть и не королевский. В нем было что-то задушевное. Хоть мне и не нравится слово “задушевный”, но Папе оно было по душе. Так что я буду называть его задушевным. Я даже пойду дальше. В знак уважения к Папе и его нездешней интуиции я

дам ему образ. Папа станет ангелом-благодетелем этого романа.

Папиной разговорчивости касательно князя Кропоткина было две причины. Это было первое представление, на котором Папа выступал в роли члена правления. Поэтому он был столь тонок. Правление впечатлилось папиной преданностью делу. К тому же он хотел быть добросердечным. Разговаривая с Моше о князе Кропоткине, он хотел польстить ему. Это была никакая не лекция. Он хотел показать, насколько очарован игрой Моше. Он хотел сделать комплимент.

7

Пока Моше изнывал, разговаривая с Папой, Нана потихоньку отошла. Неприятный Моше делал ее робкой. Она робела перед человеком, который впечатлил ее Папу. Но тут рядом возникла милая разговорчивая девушка по имени Анджали, которую заинтересовал зеленый бисерный браслет Наны. С правого уха Анджали свисал пластмассовый бриллиант. Нана сказала что браслет, ох, такой неудобный. Смотрится ничего себе, но так сдавил запястье. Она взглянула на Анджали, и Анджали улыбнулась в ответ. Нана сняла свои

черные очечки, взявшись двумя пальцами за правую дужку.

Анджали — еще одна героиня нашего рассказа.

Нану особенно восхитил макияж на лице Анджали. Я опишу его. Скулы Анджали были покрыты розовыми румянами, нежно растушеванными до самого нижнего века. Глаза подведены дымчато-черным. Края глазных впадин она заштриховала тепло-коричневыми тенями, постепенно растворяющимися в цвете ее кожи.

Нане это понравилось. У Анджали был стиль.

Нана взяла бокал шампанского. Потом блинчик с красной икрой и сметаной. Потом еще один блинчик с мини-рогаликом мини-креветки сверху. А шаткий бокал она зажала между средним и безымянным пальцем.

— Хорошш имя, Анджли, — сказала она. — Мня звут Нана.

Может, мне следует объяснить, почему Нану звали Наной. Я понимаю, что ее имя звучит немного странно. Ее настоящее имя Нина. Но в детстве Нина не могла сказать “Нина”, и говорила “Нана”. Поэтому Нану звали Наной.

Они помолчали. Анджали порылась в карманах в поисках сигареты. Она нашла сигарету и зажала ее губами. Нана спросила:

— А в кких стаклях вы еще играли?

Это был просто разговор. Но, разговаривая, люди не всегда оказываются в равном положении. Никогда не знаешь, что получишь в ответ. Бывает, что на вопрос размером в обед Гаргантюа получаешь в ответ простое “да”. А иногда на простой вопрос, который вы задали просто чтобы поддержать разговор, вы получаете ответ величиной в обед Гаргантюа.

В ответ на вопрос Наны “А в кких стаклях вы еще играли?” Анджали изложила историю своей театральной карьеры. Итак, Анджали была актрисой. Но где начало всего? Кто скажет, с чего все начинается? Театр был только началом. Потом Анджали встретила, недавно встретила одну девушку, полячку, педагога по вокалу. Вернее, не девушку, а женщину. Банальная встреча с женщиной постарше. Со страстной женщиной, которая любила оперу, любила бельканто девятнадцатого века и предпочитала певиц актрисам. Анджали не хотела быть певицей. В театральном училище ей предлагали попробовать себя в вокале. Но она не решалась. Не решалась, пока не влюбилась. И вот вам грустная ирония судьбы — да, это грустная, очень грустная история, усмехнулась Анджали — она оказалась прекрасной

певицей, просто волшебной певицей. На самом деле. У нее было идеальное меццо-сопрано. Ее голос звенел, как лунный колокольчик. Кто б мог подумать? Лунно-колокольчиковый голос. Но Зося — полячку звали Зося — любила только Беллини, итальянского композитора Беллини. А Беллини не интересовали меццо-сопрано. В его произведениях сольные партии всегда достаются сопрано. И Зося хотела романтическую соло-героиню. Она хотела услышать Анджали-сопрано, грудное, с ароматом мускуса. А Анджали, ну, та была влюблена в Зосю. Она упражнялась все время. Но у нее выходило только что-то среднее между сопрано и меццо-сопрано. Такое интермеццо, пошутила одинокая Анджали. И полячка ушла от нее к другой девушке. Вот так, сказала она. По крайней мере, голос для того, чтобы говорить, у нее остался. И вот к чему она пришла — опять актриса. Так что все отлично. Собственно, я все это говорю, засмеялась Анджали, только чтобы сказать, что не занята в театре последнее время. Сейчас в основном снимаюсь. Да. Честно говоря, в основном в рекламе. В рекламе, сказала она, больше платят. В этой пьесе она просто играла вместе с Моше, ну, просто. Вы с ним знакомы? О, он мой хороший друг. Мы с ним так давно

знакомы. Вот, просто по дружбе.

Господи. Боже ж ты мой.

Как тяжело быть неразговорчивой.

8

А Нана была неразговорчива.

Возможно, вы удивитесь, что Нана не прерывала Анджали. Не зондировала ее вопросами. Когда симпатичная девушка по имени Анджали рассказывает вам о своей лесбийской любви, вопросы возникают сами собой. Я могу даже представить себе, что некоторые приняли бы рассказ Анджали за приглашение к расспросам.

Но Нана не любила расспрашивать. Она была замкнутой. Она была прекрасна и стеснительна.

Нана была неразговорчива.

Большинство некрасивых людей — а большинство людей некрасивы — считают, что красивые девушки надменны и властны. Мне кажется, что это не так. Красивые девушки гораздо чаще бывают стеснительны. Они неловки, боязливы, плохо одеты. Часто они удивляются, что их вообще считают красивыми.

Я думаю, что красивых девушек считают надменными, потому что люди думают, будто

красивые девушки красивы все время. Это отличает их от некрасивых людей, которые красивы лишь изредка. Но красота тоже непостоянна. Ни одна красивая девушка не выглядит красивой двадцать четыре часа в сутки. Кроме того, красота приходит и уходит с возрастом. Одни красивы в четырнадцать, другие восхитительны в шестьдесят семь. Некоторые красивы только в четыре года, и это так трагично.

Нана была красива. Она была прекрасна.

Но насколько прекрасна она была на самом деле?

Нана не могла не быть красивой. Она даже пыталась стать некрасивой, но все равно оставалась красивой. Вот как красива она была. Нана носила длинные волосы, волосы покороче, воздушную челку, короткую круглую стрижку, короткую стрижку “торчком”, полубокс, подбритый затылок, волосы, собранные в пучок, “перышки”, и вот теперь короткую асимметричную челку. Однажды, поддавшись обаянию ретро, она даже ходила месяц с “марсельской волной”.

Она не умела не быть красивой.

В салоне “Кинофасон” на Эджвер-Хай-стрит парикмахеры бросали других клиентов, мокрых и несчастных, чтобы только дать Нане совет.

Назовем этих парикмахеров, скажем, Анжело и Пауло. Нана околдовала их обоих. У Анжело были маленькие усики и масса черных кудрей. Это все ваша бледность, сказал он. Пауло считал, что дело в бледности и цвете волос. Они спросили, красит ли она волосы. Нана сказала “нет”. Они сказали, чтобы она никогда не красила волосы. Ее волосы удивительного, редкого оттенка. Необыкновенная смесь золота и платины.

У нее были прекрасные волосы. Высокая, стройная, бледная, светловолосая, большегрудая. Нана носила очки — два черных прямоугольничка — и все же была прекрасна.

Однако — и в этом было все дело — в детстве Нана была уродлива. В школе она была самой высокой в классе, долговязая, очкастая. Она была резка и неженственна. Это имело последствия. Все детство Нана считала себя уродиной. Все говорили, что она уродина. Поэтому ей перестали нравиться красивые люди. Вернее, она не считала красоту важным качеством. Она стала умной, она стала старательной, она стала тихой.

В четырнадцать лет девочка долговяза и неуклюжа. В двадцать пять она длинноногa и элегантна. Такова ирония судьбы. Такова психологическая проблема.

Теперь, когда она стала красивой, ее красоту захваливали. Нану смущали эти похвалы. Анжело и Пауло ее расстраивали. Похвалы казались ей нелепостью. Она ненавидела свою красоту. Красота давала Нане власть, и это выбивало ее из колеи. Но что она могла поделать? Людей не остановишь, если они нахваливают вашу красоту. И нельзя ответить, что ты считаешь красоту несущественной. Это прозвучит претенциозно. Это прозвучит лицемерием.

Вот отчего Нана стала неразговорчивой. Теперь, когда она была красива, это могло показаться высокомерием или эксцентричностью. Но это было не так.

Неловкая красота — вот как я могу описать Нану.

9

А Моше и Папа все болтали.

— Значит, вы занимаетесь финансами. Верно? То есть вы ими занимаетесь? — спросил Моше.

— Зависит от того, что вы понимаете под финансами, — ответил Папа.

— Ну, не знаю, — сказал Моше.

— Скорее не столько финансами, как оценкой

рисков, — сказал Папа.

— Ага, — сказал Моше.

— Управление рисками в глобальном контексте, — сказал Папа. — А также чистота накопленных данных. Моделирование рисков кредитования. Новые методики GARP.

Моше вытаращил глаза.

— Гарп? — спросил он.

— GARP, — ответил Папа, — "Общие принципы оценки рисков". Не путать с GAAP — "Общими принципами бухгалтерского учета". Их очень часто путают.

— Знаю, — сказал Моше. — GARP, GAAP. Терпеть не могу, когда их путают.

Папа не засмеялся.

Моше попробовал еще раз.

— Я знаю анекдот про финансы, — сказал он.

Папа взял еще бокал шампанского.

— Знаете разницу между английским и сицилийским бухгалтером? — спросил Моше.

Он сделал паузу.

— Нет? Рассказать вам? Рассказать?

— Расскажите, — сказал Папа.

— Английский бухгалтер, — сказал Моше, — знает, сколько людей умрет за год. Сицилийский может сообщить вам имя и адрес каждого.

Папа рассмеялся. Папа вежливо рассмеялся.

Потом сказал, что на самом деле это не смешно. С грустью в голосе он объяснил Моше, что занятие финансами — верный путь к саморазрушению.

— Знаете, как в Нью-Йорке? — спросил Папа. — Нью-Йорк — это безумие, сплошное безумие. Мне казалось, что придется принести на работу подушку с одеялом и что умру я прямо в зале совещаний. Я работал в “Бэнкерз Траст”, и один мой друг, Чарли Бороковски, милейший человек, всегда носил странные галстуки с египетским орнаментом. С египетским орнаментом… О чем это я? Да, безумие, Нью-Йорк — это сплошное безумие. А, Чарли Бороковски! Он два дня и две ночи не разгибался, готовился к аудиту, что-то там с поглощением капиталов. Пришел на работу утром в понедельник, а в среду я практически вынес его на руках. Он даже не помнил потом, что был на том совещании. У него были очень белые зубы, — сказал Папа. — Он говорил, что это от яблок. Знаете, как можно понять, что клиент готов заключить сделку? — спросил Папа. — Они звонят по телефону и говорят: “Эй, привет, дружище!” Сразу понятно, что он готов. “Эй, привет, дружище!”

— Это здорово, — сказал Моше, — мне это нра-

вится.

— И мне, — сказал Папа.

Папе понравился этот актер. Моше очень понравился Папе.

10

— Вы знакомы с моим отцом? — спросила Нана. — Пойдемте, я вас познакомлю.

— Э-э-э, ну, да, — ответила Анджали.

— Пойдем, пойдем, — сказала Нана.

Она подвела Анджали к Папе. Она представила Папу Анджали. Папа представил Нану Моше.

Папа и Анджали принялись обсуждать Папин эффектный галстук.

Нана сказала: “Этбыло хршо, вы довольны?” — на что Моше ответил: “А, эт все картонные замки”.

Он хотел отшутиться. Он хотел дать милый, — чуть самоуничижительный ответ. К сожалению, получилось совсем непонятно. Нана понятия не имела, при чем тут замки и бумага. Она смущенно подняла на него взгляд.

— Что значит “картонные замки”? — спросила она.

Нана отпила шампанского и лишь тогда заме-

тила, что ее бокал пуст. Моше сделал вид, что не заметил этого. Он описал ей театральные интриги, рассказал про двойное дно, про подкупы и взятки.

— Вот как, — удивилась она.

Потом ее мысли приняли практический оборот:

— Как этджно быть утомительно — заучивать все эти тексты. Ненавижу учить наизусть, — и вновь надела очки. Моше был очарован дважды. Во-первых, она была одной из самых красивых девушек, которых он когда-либо видел. Во-вторых, она была — ну, это. Она была милой. И беспокоилась за здоровье Моше.

У нее наверняка кто-то есть, подумал Моше.

И он попытался произвести на нее впечатление. Скажем, интеллектуальное.

— Но это так, в этой пьесе было так интересно играть, — сказал он. Она кивнула. — На самделе, такая, в общем, превосходная роль, текст не проблема, — продолжал он.

Нана задумчиво спросила:

— А эти постоянные шуточки? И некоторые места — просто ужасные. “Кажется мне, что призрак Шарлотты Корде вошел в мою душу”. Ужасно, ужасно. Это так романтично.

Моше уже и сам был не рад, что так нахваливал роль. Ему хотелось соглашаться с Наной.

Он сменил курс.

— Да, это так, — ответил Моше. — Я имею в виду, Уайльд превращает классовые различия в стиль. Он романтизирует понятие класса.

Оба остановились. Разговор остановился. Никто из них не понял сказанного. Моше уж точно не понимал. Он покачнулся. Он устоял на ногах. Нана уставилась в свой пустой бокал из-под шампанского.

Паузы в разговоре ужасно сложная вещь. Они требуют непринужденности. К сожалению, ни Нана, ни Моше не чувствовали себя непринужденно.

— Ну тойсть это вроде как узаконенная пропаганда? — нервно добавил Моше, а Нана ответила, будто в замедленной съемке, повторив:

— Романтизирует понятие класса.

Моше наморщил лоб и немного выпятил губы, чтобы показать, что он интеллектуально озадачен. Потом Моше искоса взглянул на Папу.

Папа болтал с Анджали о театральной расовой политике. Он обещал реформы.

11

Таким было начало. Этот разговор и стал началом романа Наны и Моше. Но Нана этого не знала.

Как жаль, подумала бы Надежда Мандельштам, как жаль, но, возвращаясь с Папой в Эджвер, она не думала о Моше. Она почти забыла о нем. Она думала о театрах.

Театры ставили ее в тупик.

Сначала фойе. Папа непринужденно болтал в фойе, задирая голову, чтобы взглянуть на своих солидных высоких собеседников. А Нана его слушала, и участливо поглядывала на парнишку с лотком программок и мороженого “Лосли Дэри” на шее. Нана сострадательно обратила внимание на то, что его аккуратно закрепленная гелем челка прикрывает прыщи.

И потом зрительный зал, помпезный зрительный зал. Она наблюдала за тем, как гаснут огни в зале. Зрители закругляли разговоры хриплым шепотом. Нана пересчитала белые стрелки пожарных выходов, потом белых бегущих человечков на подсвеченном зеленом поле.

Папа коснулся ее руки. Он напомнил ей про

очки, лежавшие у нее на коленях. Улыбнулся ей.

Потом на сцене появилась звезда программы в обличье князя Павла Мараловского. Его зовут э-э-э, Моше как его там, бормотал про себя Папа, пытаясь разглядеть программку в тусклом свете указателей выхода. Моше, великосветский социалист, тянул свои избитые остроты. “При настоящей демократии каждый станет аристократом”. Никто не смеялся. Князь Мараловский зачитывал свои эпиграммы. “Культура полностью зависит от кулинарии. Единственный желанный для меня способ заслужить бессмертие — это изобрести новый соус”.

Нану удивил финал “Веры, или Нигилистов”. Она была поражена его сентиментальностью. Вера, в муках любви, спасает Россию, но убивает себя. Нана повернулась к своему милому Папе. Она надеялась, что он тоже улыбается.

Папа не улыбался. Папа был просто ангел. Финал пьесы тронул его. Он чуть не плачет, подумала Нана. Но она любила своего Папу, любила его больше всего на свете, и ее не смутили его слезы. Нет, ей просто захотелось о нем позаботиться.

— Все в порядке, Папа, все хршо, — прошептала Нана. — Не беспокойся. Она еще дышит.

Нана просто *не понимала* театров.

12

Анджали вернулась домой около полуночи. Она жила со своим братом на квартире в Кентиш-тауне. Ее брата звали Викрам. В этой истории Викрам больше не появится. Я рассказал о нем просто, чтобы вы не волновались. Чтобы вы поняли, что Анджали не совсем уж одинока.

Анджали зашла на кухню и заглянула в холодильник. Потом закрыла холодильник. Она сняла джинсовую куртку и села в гостиной на диван. Сходила в туалет пописать. Зашла на кухню и открыла морозильник. Достала оттуда картонный стаканчик мороженого “Бен-энд-Джеррис Фиш Фуд”. Открыла его и оставила наверху морозильника. Потом села на диван и взяла скрепленную зажимом пачку бумаги, экземпляр нового сценария Гуриндера Чадхи. Она почти прочитала свои четырнадцать реплик. О том, что она этого не сделала, говорил так и не снятый зажим. Она посмотрела на письмо с просьбой мисс Синха принять этот рабочий вариант сценария. Посидела на диване. Посмотрела на выключенный телевизор.

Анджали вспомнила про мороженое.

Она поднялась и достала из ящика ложку. Мороженое было все еще твердым. И все же она вернулась на диван с мороженым и ложкой. Анджали устало потыкала ложкой в твердое мороженое. Облизала ложку. Потом скатилась на четвереньки и достала присланную ее мамой кассету с записью “Шоли”. Подумала, стоит ли смотреть четырехчасовой фильм. Поразмышляла, как ей не нравятся серьезные болливудские фильмы. Она любила веселые, легкомысленные фильмы. Потом посмеялась над вкусами своей матери, громко, во весь голос. Смеяться вслух было довольно странно. Она вставила кассету в видеомагнитофон и нажала кнопку “Play”. Включила телевизор и нашла нулевой канал.

Ей не хватало бывшей подружки. Ей не хватало Зоси. Она вспоминала, как ходила на последние сеансы смотреть фильмы на хинди в кинотеатр “Белль-вью” в Эджвере. “Белль-вью” был расположен рядом с домом Наны и Папы, но Анджали этого еще не знала. Семья Анджали жила в Кэнонс-парке, и они ходили в киношку все вместе. Почему-то они всегда называли кино “киношкой”. Она вспоминала, что Мадхури Диксит нравилась ей больше, чем Амитабх Бакчан.

Она вспоминала, как они ели самосу в “Белльвью” и мама заправляла щекотную салфетку ей за футболку. Анджали вспоминала, как любила маленького комика по имени Джонни Уокер. Она вспоминала, как он играл в фильме Гуру Дутта “Мистер и Миссис-1955”, особенно шлягер “Диль пар хуа айса джаду” в исполнении влюбленного Гуру Дутта, который Джонни слушал в баре, по дороге на автобус, и в автобусе, в дороге. Или Мадхури Диксит в фильме “Девдас”, с маленьким золотым ромбиком на лбу между глаз. Анджали подумала, что болливудские фильмы-масала нельзя назвать по-настоящему техничными. Их притягательность сложно объяснить.

Анджали была сравнительно успешной актрисой, со сравнительно неуспешной личной жизнью.

Это не так уж необычно, я думаю.

В конце концов, секс — это еще не все.

II

3. Они влюбились
1

Нана влюбилась в Моше 28 апреля.

Так предполагал Моше. Он запомнил именно эту дату. В этот день, думал Моше, Нана потеряла голову, увидев его представление в гостиной.

Это может показаться не слишком правдоподобным. Так это и было неправдоподобно. Вот узнаете, что это было за представление, и вся история покажется вам и вовсе неправдоподобной.

Они были на квартире у Моше в Финзбери, на втором этаже викторианского дома. Моше объявил кунштюк с подушкой.

— Кун што? — спросила Нана.

— Трюк с подушкой, — ответил Моше.

Трюк с подушкой состоял в следующем. Моше распахнул окно и взял в руки подушку. Его бабушка украсила ее большим красным бархатным сердцем. Он сжал подушку в объятиях. Потом прошелся по комнате, баюкая ее, сюсюкал и целовал подушку, подкидывал малютку в воздух и снова ловил его. Подушка взмахивала своей золотой бахромой. Нана смотрела на Моше не отрываясь.

Он был на седьмом небе от счастья отцовства. Но вдруг дитя выскользнуло из рук Моше и вылетело в окно, гулко шлепнувшись на тротуар. Оно лежало там, рядом с пустым ящиком от “Хайнекена”. А Моше изображал горе, оплакивая своего ребенка. Разумеется, Нана полюбила его вовсе не тогда. В минуты высокого искусства такого не случается. Да если бы и случилось, то уж точно не в этот раз. Но таково было умозаключение Моше. Он умозаключил, что Нану очаровал его талант.

Не подумайте, что Моше не был талантлив. Он был хорошим актером. Просто Нану очаровал вовсе не талант.

Знаете, когда Моше показывал свой трюк, или кунштюк, с подушкой, Нана даже не смотрела на него. Вернее, смотрела, но не осознавала этого. Она размышляла о том, почему этим воскресным днем она здесь, а не готовится к защите диплома. К тому же странности в поведении Моше совершенно сбили ее с толку.

Нет, Моше ошибался. Она была очарована, но его талант был тут ни при чем.

2

На самом деле люди часто приходят к неверным выводам. У меня есть теория на этот счет. Люди делают неверные выводы, потому что у людей плохая память.

Например, в первый раз, когда Моше позвонил ей на мобильный, Нана увидела, что это он. Она неправильно записала его имя. “Мойша моб”, сказала ей “Нокиа 6210э”. Но она не ответила. Она слушала звонки и не отвечала, потому что сидела враскоряку на унитазе в “Блумсбери Пицца-экспресс” — расставив ноги, свесив голову, склонившись вперед. Она не запомнила этот звонок, хоть это и был первый раз, когда он ей позвонил. Этот ключевой момент в истории их любви был таким стыдным, таким *неромантическим,* что Нана не запомнила его.

Но все мы немного романтики. У всех у нас плохая память. Моше тоже был романтиком.

Моше помнил так мало, что относительно начала их романа он заблуждался дважды. Оба раза он заблуждался абсолютно.

Заблуждение номер один заключалось в том, что он считал, будто *соблазнил* ее. Что она соблаз-

нилась его талантом. Он так решил сразу, как только поцеловал Нану. Заблуждение номер два: он был уверен в том, что их любовь *чиста.* Он так решил сразу после того, как они расстались. Оба заблуждения возможны, лишь если забыть все мелочи. Первое — забыть о том, что Нана не смотрела на его трюк в гостиной, и о том, как он нервничал. Второе — забыть их нервную болтовню за кулисами в Донмаре.

Первое заблуждение, насчет *соблазнения,* придавало Моше романтический ореол. Второе, о *чистой любви,* придавало романтический ореол им обоим.

3

В следующий раз Моше поступил хитрее. Он позвонил из театра. “Номер не определен”, сказала ее “Нокиа 6210э”. Нана решила, что это Папа. Это был не Папа. Моше пригласил ее куда-нибудь выпить. Довольная, но оробевшая Нана ответила:

— Н-нет нет нет я нет. Не севодня.

Потом она сказала:

— Пришлиимейл.

Но он не прислал ей е-мэйл. Он тоже оробел.

Вначале, допускал он, его актерские приемы

лишь подавляли Нану. Но он был неизменно остроумен. Он отменно чихал и рыгал. Он посвящал ее в секреты сценического мастерства. Но для Моше оставалось загадкой, что заставляло Нану сидеть рядом и слушать его. Не такой уж он был интересный.

Вообще-то я считаю, что Моше был к себе несправедлив. Нет, он и правда не “ах, как интересен”. Вообще-то мои персонажи вовсе не такие. Этим они мне и нравятся. И все же Моше был жутко интересный.

Однако у него была одна занудная черта. Актерство. У Моше была масса умных мыслей по поводу актерской игры. Куча умных теорий. Он постоянно учился играть. К примеру, он изучал игру великого актера XVIII века Дэвида Гаррика. Трюк с подушкой Моше умыкнул именно у него.

А вот еще одна покража. Моше рассказал Нане, что в финальной сцене “Ромео и Джульетты” Джульетта должна очнуться слишком рано и слишком поздно, и увидеть, как Ромео умирает. Это ключевой момент. Джульетта, пробуждаясь от наркотического сна, должна увидеть, разлепляя веки, как Ромео подносит отравленный напиток к своим накрашенным губам. Это сделает сцену в полном смысле слова трагичной.

Потому что зрители подумают, что Ромео и Джульетта могли бы жить вместе долго и счастливо, и что пьеса могла бы иметь счастливый конец. Душераздирающий финал. О да, актерское искусство состоит в знании мельчайших подробностей человеческой души, а Моше был в этом настоящим экспертом.

В следующий раз Моше позвонил ей, когда она спускалась в метро на Гудж-стрит, и она пообещала перезвонить. И не перезвонила.

Но у Моше оставалось кое-что в запасе. Он умел просунуть голову в дверной проем и за четыре или пять секунд сменить выражение лица с безумной радости на умеренную, с умеренной радости на спокойное удовлетворение, с удовлетворения на потрясение, с потрясения на изумление, с изумления на уныние, с уныния на изнеможение, с изнеможения на страх, со страха на ужас, с ужаса на отчаяние. Он мог отразить на лице все что угодно. Моше продемонстрировал ей свое мастерство в “Алфабет-баре” на Бик-стрит. Ей вроде понравилось. Он предложил показать еще.

Она листала его книги, и когда нашла на полке томик стихов Ника Кейва, он с улыбкой попытался отобрать его — “О, нет нет нет, этот нет” — но не раньше, чем непослушная Нана успела

прочитать дарственную надпись от “К.”, которая будет всегда любить своего “щеночка”.

А он решительный, подумала Нана. В решительности есть притягательность. В конце концов, было понятно, что она ему нравится. Настойчивость имеет свои приятные стороны. Потом, вспоминали они позже, он позвонил ей и застал с кем-то из подруг.

— Ну, помнишь, — сказал Моше, — с Клео или Наоми. А может, с Биффом или Скутером.

— С Клео, — ответила Нана, — а, нет, с Тамсин, мы как раз мерили с Тамсин лифчики в “Маркс-энд-Спенсер”.

— Ты мне этого не говорила, — сказал Моше. — Ты сказала про туфли. Вы мерили туфли в “Л.К Беннет”.

— Ну не рассказывать же тебе про лифчик, — сказала Нана.

Она как раз надевала лифчик, и была немного взвинчена. Поэтому она сказала “да”. И они отправились выпить.

Однажды Нана спросила:

— Так ты любишь Дарио Фо?

— Дарио? — спросил Моше.

— Дарио Фо. У тебя куча его пьес.

— А, этого Дарио, — ответил Моше. — Нет, нет,

на самом деле не очень.

— А, — сказала Нана, — я просто думала, он тебе нравится. Он хороший, по-моему.

— Правда? — спросил Моше. — Ну, может быть.

Мы так подходим друг другу, блаженно подумала она.

4

Сексуальная история Наны и Моше началась с нервного смеха. Вот уже второй вечер они сидели рядом. Смирненько сидели на диване и обсуждали ситуацию в современном театре. Потом Моше встал, чтобы отлить. Было два часа ночи. Когда он вернулся, Нана уже не сидела смирно. Нет, не сидела. Она прилегла. Вытянулась горизонтально.

Это мой шанс, подумал Моше. Но не спешил. Моше так медлил. Он не хотел ничего испортить. Он не хотел неверно понять Нану.

Он не мог ее неправильно понять! Нана же легла!

Он поцеловал ее. Она поцеловала его. Она поцеловала его. Он поцеловал ее.

— Ты чудо, — сказала она.

— Ты тоже чудо, — ответил он.

Они нервно засмеялись.

Как вы уже могли понять, Моше время от времени нервничал.

— Тыпскала нет? — спросил он.

— Кгда? — спросила Нана.

— Если б я спросил разрешения?

— Есип я скаала нет, — ответила Нана, — тыпдумал, что я тебя ну боюсь. И я тебя поцеловала.

Хотя это и было похоже на правду, подумал Моше, упивающийся своей победой Моше Великолепный, но скорее всего она врет. И поцеловал ее еще раз.

5

Я хочу вернуться немного назад. Вернуться туда, где Нана еще одна.

Нана сидела в кафе Ассоциации архитекторов на Бедфорд-сквер. Она уже познакомилась с Моше, но еще не поцеловала его. Ей еще предстояло в него влюбиться. Вскоре Нана влюбится в Моше, а пока она о нем и вовсе не думала. Она не размышляла о природе любви, подобно героине романа.

Она думала об архитекторе по имени Мис ван дер Роэ.

Это вам может показаться неожиданностью. Но не стоит удивляться. Тому, что Нана думала об архитекторе, а не о Моше, была серьезная причина. Нана училась в Архитектурном училище при Ассоциации архитекторов, заканчивая годичный курс истории и теории архитектуры. Она готовилась к защите диплома. Предметом диплома был Мис ван дер Роэ.

Нана была девушка мягкая, знаете ли. Она хотела заниматься наукой. Точнее, историей архитектуры. Мис ван дер Роэ был архитектор-авангардист, и в 1921 году придумал стеклянный небоскреб. Он был революционером. Он участвовал в движении “Баухаус”. “Баухаус” был создан, чтобы обновить дизайн и стиль, в соответствии с запросами новой социалистической демократии. “Баухаус” отвергал украшательство. В 1930-м Мис ван дер Роэ стал последним руководителем движения. Он запретил всякую политическую деятельность. В 1933-м “Баухаус” был распущен новоизбранным нацистским правительством Германии. В 1937-м Мис уехал в Америку.

Это роман, а не эссе о революционной архитектуре. Архитектура часто бывает революционной, и мне это нравится. Мне нравится “Баухаус”. Но сейчас мне интересен вовсе не “Баухаус”. Мне

интересна Нана.

Нана, как историк, ценила точность. Конечно, если бы вы попросили ее припомнить некоторые подробности их отношений с Моше, она вряд ли смогла бы их вспомнить. И это понятно. Но быть точной во всем и всегда так трудно. И все же она, по крайней мере, пыталась.

Диплом Наны был посвящен критическому обзору американского периода Миса ван дер Роэ. Ей не нравились те, кто его идеализировал. Нана любила ван дер Роэ, что за вопрос, но точность она тоже любила.

Во-первых, переход от революционных жилых домов Миса в Берлине к его американским небоскребам был явной непоследовательностью и, стало быть, не укладывался в демократическую теорию. Связь между ними была эстетической, а вовсе не политической. Во-вторых, она не могла принять политические аспекты в творчестве самого Миса. К примеру, Мис всегда использовал плоские крыши в соответствии с генеральной линией “Баухауса”. Островерхие крыши, утверждал “Баухаус”, были буржуазны. Они символизировали остроконечную корону кайзера. В то время как Нана считала, что островерхие крыши необходимы. Просто с практической точки зрения. С них

хорошо стекает дождь. А в Германии дождливо.

Она вспоминала свое посещение Новой Национальной галереи в Берлине, главного достижения Миса ван дер Роэ, где стратегически расставленные ведерки и сочащиеся водой тряпки заслоняли открытые чистые линии всех помещений. Понятно, что Нана может показаться занудой, но мне она нравится. Мне нравится ее внимание к мелочам. Иногда мне кажется, что фактам уделяют так мало внимания. В том, чтобы уважать исторические факты, нет ничего плохого.

Видите ли, общительному Человеку всегда есть с кем поделиться своими мыслями об архитектуре. Когда у общительного человека рождается новая теория о сущности дизайна веймарской Германии, у него найдется восприимчивая аудитория. С другой стороны, тот, кто сидит в углу, и читает, и размышляет — он может быть интересен единственно себе самому. Нана была именно такой. Она была тихоней.

Что за долбаное разгильдяйство, думала она, имея в виду попытки Миса политизировать проект картинной галереи в 1962 году. Долбаный анахронизм. Целых тридцать лет упираться в одну-единственную теорию, думала Нана, да это просто интеллектуальная лень. Или форма

ностальгии.

Чуете? Она зануда, но до чего очаровательна.

6

Для секса, однако, нужно время. Для секса нужна практика.

К примеру, вот как это было в первый раз. Прошла неделя после того, как они впервые поцеловались. Через три недели после 28 апреля.

В полночь, в отеле “Ковент-гарден”, Моше и Нана разделись. Разделись догола перед опустевшим мини-баром.

В отеле?..

Отель, в представлении Моше, был чем-то вроде угощения. Ему казалось, что все ценят угощение. К сожалению, он не смог проверить эту гипотезу. Потому что был пьян. Возможно, он был слишком пьян, чтобы есть. И он уж точно был слишком пьян, чтобы получить удовольствие от секса.

Пустая мини-бутылочка от “Столичной” упала с кровати с глухим мини-стуком.

Это еще не сцена секса. Я бы не хотел вас дурачить.

Моше нависал, покачиваясь, над стройным, высоким телом Наны. Он нежно поглаживал

ее живот тыльной стороной ладони. Тыльная сторона ладони может показаться вам нетрадиционным подходом к сексу. И это *было* нетрадиционным подходом к сексу. Но Моше так и задумал. Во-первых, тыльная сторона его ладони была нетрадиционно нежна. Вторая причина была более печальной. Он поглаживал ее живот обратной стороной руки, чтобы Нана не почувствовала корку экземы на грубых розовых пальцах Моше. Нана сжимала в руке его член. Его мягкий член. Они смотрели друг на друга так, как, им казалось, они должны смотреть друг на друга — искренним, решительным взглядом. Это были очень серьезные взгляды. Моше опустил глаза. Он пытался понять, что поделывает его член. Вместо этого он увидел веснушки на правой руке Наны. Он с интересом изучал их, опираясь на руки, выгнув спину; опираясь на руки, он изучал веснушки. Потом он заметил свой висящий животик. Моше попытался втянуть живот, наблюдая вместе с Наной за своим неизящным членом. Первая сцена секса Наны и Моше не была сексуальной сценой. Она только казалась сексуальной. На самом деле она обернулась фарсом.

Моше встал с кровати, — взять еще что-нибудь выпить, или загадочно постоять у окна, или про-

сто сменить позу, чтобы отвлечь внимание от своего висящего животика и не менее висящего члена, — и трагически ступил на скользкую минибаночку “Швеппса”. Он покачнулся. Его колени подкосились. Его челюсть отвисла. Наконец, пытаясь удержаться на неверных ногах, дрожащим голосом, задыхаясь, он выпалил: “Хоспди-еппн-врот”.

Все еще нервно хихикая, Нана и Моше закутали друг друга в одеяло и уютно устроились в односпальной кровати.

Я знаю, что односпальная кровать — это странно. По крайней мере, Нану она удивила. Но имеется объяснение. Финансовое объяснение. Моше грустно объяснил ей, что номер с двуспальной кроватью стоит просто *астрономических* денег.

7

Нана проснулась в четыре утра. Ее мучило похмелье. Она зевнула, потом еще зевнула, встала. Взяла стакан с водой, но он выскользнул из пальцев и вода намочила постель.

Она была влюблена. Знаю, это звучит по-детски, но это правда. Испытывая легкую тошноту, она подумала, как чудесно быть здесь, в одноместном

номере, оплаченном Моше. Моше спит, а Нана нет, и это так восхитительно, решила она.

Я хочу описать этот момент. Описать эту ночную идиллию.

Взглянув на комнату сверху, вы бы увидели кровать, стоящую перед ней Нану и спящего Моше. Над кроватью репродукция картины Рауля Дюфи в рамке, с солнечным пейзажем и горшком красной герани на подоконнике. Рядом с репродукцией в рамке окна шел дождь. Однако Нана не замечала ни этой эффектной композиции, ни аквариума в заднем углу с рыбами, что двигались, касаясь друг друга. Она не видела золотую рыбку, уныло проплывавшую мимо, или сквозь ее голову. В списке ее приоритетов интерьер был не на первом месте.

После двух бутылок вина, четырех мини-“Столичных”, трех мини-“Джим-Бимов” и одного мини-джина “Гордоне”, Нане страстно хотелось писать.

8

Следующим событием нашего романа будет минет.

Можно относиться к этому по-разному. Я-то

считаю, что это было хорошо. Не потому, что я считаю, будто минет — это хорошо. Ну я, разумеется, считаю, что минет по сути своей вещь хорошая, и редко отказываюсь от минета, но думаю, что в случае Моше и Наны минет был хорош не только как таковой. У меня есть другое объяснение. В любви многое зависит от секса. Любви бывает трудно выжить без секса. Так что если Нана и Моше и вправду собирались любить друг друга, им надо было заняться сексом. Такова моя теория.

Этой теории придерживалась и Нана.

Кроме того, на действия Наны тем утром повлиял еще один мотив, мотив коварства. Она представила себе бесконечную процессию прошлых, необычайно опытных любовниц Моше. Никаких сомнений, все они были гораздо опытнее Наны. Нана не могла соревноваться с этими лощеными девицами из прошлого Моше. Все они расхаживали на пятидюймовых каблуках, а Нана — нет. Их груди были высоки безо всяких лифчиков. Не было сексуальной позы, недоступной их гибким, тренированным йогой телам.

Это урок всем нам. “Лощеные девицы из прошлого Моше”. Я уж прямо и не знаю. Умозаключение девушки, которая не верит в свою

притягательность. Типичное умозаключение девушки, не признающей собственную сексуальную притягательность.

Если бы только люди никогда не делали умозаключений!

Нана сделала несколько глотков воды. Потом ее отягощенная сном голова начала клониться от черного грибовидного облака мягких волос на груди Моше вниз, вдоль темной вертикальной линии от пупка к лобку, пока не достигла члена. Тут она разлепила свои неуверенные губы, все в гигиенической помаде, и нежно прихватила его. Он вырос, и еще вырос. Моше сонно завозился. Сквозь дрему он чувствовал стекающую по яичкам теплую, быстро остывающую слюну. Это было очень приятно.

Кое-кто может подумать, и я могу их понять, что фелляция до первого коитуса — это нарушение всех правил обычного сексуального этикета. Этот отсос — небольшой сюрприз, я готов это признать. Он и меня самого немного удивил. Но сексуальный этикет может меняться. Его следует приспосабливать к ситуации, которая в нашем случае сдобрена тревогой. В сексуальных ситуациях, сдобренных тревогой, люди ищут спасения в куда более экстремальных практиках, чем

нежный минет. Предварительный акт фелляции был еще достаточно пресным вариантом. К тому же Нана не хотела, чтобы Моше кончил ей в рот. Ей не хотелось доводить дело до оргазма. Просто легкий отсос на пробу.

Нана попыталась подстегнуть события. Они нервничали, они оба хотели секса. Вообще-то им обоим втайне хотелось, чтобы секс уже закончился. Они оба так нервничали. Моше нервничал, лежа на постели. Нана, лежа на Моше, нервничала, что заставляет его нервничать.

Она медленно подняла голову, вытянув изо рта член Моше. Потом встала над ним на четвереньки и провела кончиком языка по его плоским плотным соскам, розовым по розовому. Думаю, что Нана вела себя очень отважно. Это так трудно — молча импровизировать. И Моше сказал ей:

— Скажи шоб я ття трахнул.

Нана только хитро улыбнулась.

— Попроси меня, — сказал он.

Все знают, что секс — это игра в подчинение.

Нана смотрела на Моше. Она подумала, не слишком ли он торопит события. Но ей хотелось, чтобы ее коренастый возлюбленный тоже был счастлив, и она произнесла:

— Трахни меня.

Она эротично протянула эти слова:

— Трааахни меня. Траахнимня.

И тут наступила очередь Моше дразнить Нану. Он снизил темп. Жестом профессионала он неторопливо коснулся ее пальцем и медленно ввел его внутрь.

И она умиротворенно закрыла глаза.

9

Нана умиротворенно закрыла глаза. Она приказала себе не думать ни о чем, кроме этого. Но эта попытка вызвала разные мысли. Она подумала о мини-баре. И вместо того чтобы ни о чем не думать, открыла глаза. Она открыла глаза и посмотрела на губы Моше. Она посмотрела на его приоткрытые губы, готовые к поцелую, и вспомнила, что ей нужна новая губная помада, и еще вспомнила про то, что совсем уже заканчивается охряного цвета карандаш, без которого ее брови выглядят абсолютно неестественно, а таких карандашей последнее время нигде не видно, даже в “Пьюр Бьюти”.

Потом Моше повернул ее, перевернул ее на спину. Он вошел в нее. И замер. Нана издала подходящий к случаю стон, она стонала сквозь

плотно сжатые губы и задыхалась. Он продвинулся глубже. Она опять застонала.

Вот он, секс! Настоящий секс!

Через некоторое время секс закончился. Надо сказать, довольно быстро. Как и большинство мужчин, Моше был перевозбужден. К несчастью, Моше, не желая *испытывать судьбу*, не принял меры предосторожности и не спустил разок до того.

Нана не кончила. Я должен признать, что это не было неожиданностью. Для Наны тут не было никакой неожиданности.

Но это маленькое неравенство породило кучу лихорадочных мыслей. Особенно много лихорадочных мыслей оно заронило в голову Моше. Когда довольная Нана с облегчением прижала его к себе, Моше пытался понять, что она ощущает. Разумеется, ожидать от нее комплимента было бы слишком, но ее молчание встревожило Моше. Почему она молчит и только обнимает его, думал Моше раздраженно.

Ах, Моше. Моше, Моше, Моше. Ну отчего бы и не помолчать в такой миг? Ну отчего бы не помолчать вдвоем? Неужели ты всегда будешь так труслив?

К несчастью, Моше всегда будет так труслив.

Он почувствовал, как съеживается его член. Чтобы сократить этот неприятный момент, Моше скатился с Наны, улегшись на ее вытянутую левую руку, которую она тут же из-под него извлекла. А чувства Наны в это время были смесью довольства и неловкости. Чувство довольства пришло из-за секса. А неловко было из-за того, что между ног щекотно стекало и было липко. Она подумала было, не сходить ли в туалет, чтобы вытереться, но решила, что лучше остаться. Если она вытрется, это будет выглядеть грубо. И потом, ей нравилась и эта липкость, и ощущение, которое она вызывала. Ощущение пресыщенности, разврата, распущенности.

Ей нравилась “распущенность”.

Она свела свои влажные бедра и спросила:

— Думаешь, мы скоро пресытимся? Думаешь, мы станем вроде тех, кто может заниматься сексом только в автокатастрофах? Как в той книжке Балларда, помнишь, как ее, “Автокатастрофа”?

Моше пустил в ход свое обаяние. Он на мгновение задумался, потом посмотрел на нее. И успокоил ее.

— Я не вожу машину, — сказал он.

10

Я знаю, это было остроумно, а когда мальчик остроумен, он кажется беспечным, кажется уверенным в себе. Но все было не так. Моше вовсе не был беззаботен. В мыслях он был резок и сердит.

Мальчикам вообще тяжело приходится во время секса. У полового акта есть одна неопровержимо объективная сторона. К сожалению, его продолжительность абсолютно объективна. Это либо семнадцать секунд, либо пятьдесят пять минут. Никогда не бывает и то и другое сразу. Вот почему Моше размышлял о безжалостно объективной природе времени, вот почему в мыслях он был резок и сердит.

У Моше оставалась последняя надежда — на то, что Нана была так увлечена сексом, что совершенно потеряла чувство времени. Если ее чувство времени было при ней, думал он, сейчас она думает о нем с издевкой. Это было бы естественно. Моше не хотелось, чтобы Нана думала о нем с издевкой.

Конечно же, у Наны и в мыслях не было издеваться. Она испытывала довольство от того, что вагинальный акт закончился обычным образом.

Нана была совершенно довольна.

Недоволен был Моше. В номере отеля “Ковент-гарден” Моше начинал понимать, *что* некоторые находят в гомосексуальности. Положительная сторона гомосексуализма, думал он, в том, что ты точно знаешь средние мужские показатели. Нет этой преследующей тебя неопределенности. Проблема гетеросексуальности, думал Моше, в закрытости. В отсутствии прозрачности. Мальчики познают мальчиков через девочек. А девочки в этой роли никуда не годятся. Они такие добродетельные, что им нельзя верить. Они так великодушны. Возможно, с другими это не так, допустил он. Но в постели с Моше, глядя на поэтичный дождь за окном, они всегда вели себя так любезно и успокоительно. Они говорили ему, что секс был восхитителен. Они превозносили его нежность и выносливость.

Поэтому Моше хотел быть с мальчиками. Он хотел обсудить с ними все без обиняков. Он был несчастен. Несчастен, потому что не знал, возможно ли такое.

Может, это и несущественно, но однажды такая идеальная беседа все же состоялась. Это было очень давно, но все-таки было. 3 марта 1928 года Антонен Арто, Андре Бретон, Марсель Дюамель,

Бенжамен Пере, Жак Превер, Реймон Кено, Ив Танги и Пьер Юник сидели и говорили о сексе. Я знаю, не все они знамениты. Но все были в некотором роде влиятельны. Их мнение имело вес. Они были основателями сюрреализма. Они считали, что этот честный и открытый разговор о сексе станет началом создания нового, справедливого и совершенного общества. Они считали этот разговор своим первым политическим шагом.

Окажись тогда Моше среди них, он бы, думаю, успокоился. И думаю, что этот разговор успокоил бы многих мальчиков.

11

Реймон Кено: Представьте, что вы некоторое время не занимались любовью. Через сколько времени вы кончите, считая с того момента, как вы остались с женщиной наедине?

Жак Превер: Может, через пять минут, может, через час.

Марсель Дюамель: У меня так же.

Бенжамен Пере: Надо различать две части. Период до собственно полового акта может быть довольно долгим, возможно, полчаса, в зависимости от степени моего желания. Сам акт — около

пяти минут.

Андре Бретон: Первая часть — гораздо дольше получаса. Почти бесконечно. Вторая часть — не больше двадцати секунд.

Марсель Дюамель: Чтобы быть абсолютно точным, вторая часть — минимум пять минут.

Реймон Кено: Предварительный акт — максимум двадцать минут. Вторая часть — меньше минуты.

Ив Танги: Первая — два часа. Вторая — две минуты.

Пьер Юник: Первая — час. Вторая — от пятнадцати до сорока секунд.

Андре Бретон: А во второй раз? Предполагая, что второй раз следует за первым как можно скорее? У меня от трех до пяти минут на половой акт.

Бенжамен Пере: Половой акт — с четверть часа.

Ив Танги: Десять минут.

Марсель Дюамель: У меня так же.

Пьер Юник: Бывает по-всякому, от двух до пяти минут.

Реймон Кено: Четверть часа.

Жак Превер: Три минуты, а то и двадцать. Что вы думаете о женщине с гладко выбритыми ге-

ниталиями?

Андре Бретон: Прекрасно, невыразимо восхитительно. Никогда такого не видел, но это должно быть великолепно.

12

И правда, Моше не стоило так волноваться. Андре Бретон, основатель движения сюрреалистов, кончал максимум через двадцать секунд. Романист Реймон Кено, автор “Зази в метро”, не мог продержаться и минуты.

А Моше кончил через шесть минут сорок семь секунд. По сравнению с Андре Бретоном и Реймоном Кено он просто супермен. Пусть он был евреем только наполовину, пусть даже это была не та половина, что надо, но он все равно принадлежал к избранному народу.

И не только по причине своей сексуальной выносливости. Он также был ценителем гладко выбритых гениталий. Да, Моше видел лысую вагину. Когда ему исполнилось семнадцать, его самая первая подружка по имени Джейд в подарок ко дню его рождения удалила все волосы со своего лобка и ниже. Она использовала для этого крем “Иммак-сенситив”. Она затащила его

в женский туалет в кафе-мороженом в Брикстоне и просунула его руку в свои штаны, чтобы Моше ощутил ее гладкость и неудержимую влажность.

Моше был половым виртуозом. У Моше был талант.

13

Однако мы совсем позабыли про Папу. А я бы не хотел забывать про него. Теперь, когда Моше и Нана наконец трахнулись, мы можем позабыть о них ненадолго.

Пока неортодоксальный еврейский мальчик удовлетворял его дочь, Папе подгоняли костюм по фигуре. Вообще-то костюм по фигуре ему подгонял ортодоксальный еврей.

Жизнь полна иронических совпадений.

Мистер Блюменталь был Папин портной. Он был невысок и худощав. Ему было семьдесят пять. Он был лыс и носил кардиганы. Жил он на углу Шекспировского тупика и Милтон-роуд, рядом с синагогой в Хэтч-Энде. На карте Лондона с пригородами синагога была помечена шестиугольной звездой Давида. Он жил с женой, которую звали миссис Блюменталь. Миссис Блюменталь была невысокой полной женщиной. У нее была рос-

кошная шевелюра. Она не носила кардиганы.

Дело было воскресным утром в псевдо-тюдоровском доме Блюменталей на углу Шекспировского тупика и Милтон-роуд. Папа хотел, чтобы ему укоротили брюки и ушили костюм в плечах.

Мистер Блюменталь стоял на коленях посреди гостиной супругов Блюменталь, согнувшись над папиными пестрыми шерстяными носками и зажав в зубах булавки, и высказывал свое восхищение вкусом Папы, выбравшим столь качественный материал. Одновременно он критиковал совершенно отвратительные швы костюма.

Папа рассматривал красочный альбом с фотографиями израильских ландшафтов. Он рассматривал обтянутую красной тканью рамку, украшенную золотым шитьем, обрамлявшую фотографию мальчика в пестрой накидке, какую надевают на бар-мицву.

О чем же думал Папа в этот момент? Как обычно, Папа пытался не думать об Освенциме.

Об Освенциме? Нет, в Папе не было ничего зловещего. А об Освенциме он думал оттого, что был добр.

Папа однажды был в Освенциме. Он был в Кракове по делам и поехал в Освенцим на экскурсию

вместе с группой мальчиков и девочек из Израиля. Освенцим предстал перед Папой солнечным и чистым. Трава подстрижена. Три японских туриста фотографировали друг друга под надписью над воротами: “Arbeit Macht Frei”.[3] Уборщица наводила блеск на стеклянные витрины, в которых были выставлены вещи, детская одежда, волосы. Тонны волос. В руках фашистов волосы приобрели тяжесть. Вот чего они достигли, подумал Папа. Они сделали все неестественным.

Однако на самом деле не все здесь было неестественным. Это печалило Папу. Было бы лучше, думал он, если бы все здесь было *не таким.* Но все предметы были обычного размера. Они были совсем как обычные предметы.

Косичка под стеклом задела бы плечо девочки, если бы та обернулась. Она легла бы вдоль ее шеи. Все было как в обычной жизни. Папе не стоило ездить в Освенцим. Освенцим подавил его. Он его уничтожил. Добрых людей поражают насилие и агрессия. Они хотят понять — зачем? Зачем все это? Как могут люди быть столь жестокими?

Папе хотелось понять.

Однажды он пролистал рекламную брошюру

---

[3] Примечания: 3
Работа делает свободным (нем.).

турфирмы “Мидас Бэттфилд Турз” об экскурсии на тему холокоста, но был шокирован тем, как она написана. “Третий день. Утром мы едем в лагерь смерти Треблинка, где в день умерщвлялось до 17000 человек. Днем вы вернетесь в Варшаву, прогуляетесь под звуки Шопена по тихим и радующим глаз Королевским Лазенкам и посетите Дворец на Воде. Ужин в гостинице”.

Папа не был туп. Он не был отвратителен. Он просто был по-детски наивен.

Пытаясь постичь природу зла, Папа перед сном читал книгу Рудольфа Гесса “Комендант Освенцима”, с отзывом Примо Леви на обложке. Леви не пытался сделать Гессу рекламу. Вот что он сказал: “Эта книга наполнена злом… она не обладает литературной ценностью… читать ее мучительно”.

Рудольф Гесс ставил Папу в тупик.

Гесс хотел быть фермером. Все, чего он хотел, это возиться с силосными башнями и сельхозтехникой. Но он стал править Освенцимом. Если бы Рудольф был нашим современником, его заветной мечтой было бы попивать на небольшой кухоньке липтоновский “Эрл Грей” и болтать с друзьями о происках брюссельских бюрократов. Он хотел тихой, спокойной жизни. Самое

серьезное насилие, которое он мог бы совершить в жизни — это заколоть свинью перед магазином “Бадженс” в Мортон-ин-Марше в знак протеста против злоупотреблений французских властей.

Но нет. Он стал комендантом Освенцима.

— Что было в Освенциме? — спросил однажды мистер Блюменталь, повторяя Папин невинный вопрос. Мистер Блюменталь взглянул на миссис Блюменталь. Папа и мистер Блюменталь посмотрели на полные, обтянутые синим трико ноги миссис Блюменталь, возлежавшие на темном бархате ее кресла с откидной спинкой.

— Что было в Освенциме? — повторил мистер Блюменталь. Что он мог сказать?

— Плохо кормили, — сказал он. — Отвратительно кормили.

Папа не знал, шутка это или нет. Он не смог засмеяться. Он хотел засмеяться, но у него вышло только хихикнуть.

Смеха не получилось.

— Послушай, — сказала миссис Блюменталь мужу, — от твоего языка у нас таки будут неприятности.

— Неприятности? — спросил мистер Блюменталь. — Что за неприятности?

— Большие неприятности, — сказала миссис

Блюменталь.

Папа любил мистера и миссис Блюменталь. Очень приятные люди. Он был так огорчен, когда мистер Блюменталь в своем белом жилете встал на колени, чтобы подколоть отворот брюк, и Папа увидел на его запястье, среди веснушек, татуировку из пяти цифр. Может, вы знаете, что означает то, что этих цифр было всего пять, а может, и нет. Эти пять цифр означали, что мистер Блюменталь попал в Освенцим в самом начале, в первых десятках тысяч. Они означали, что он провел в лагере дольше многих других.

Но Папу огорчало не только это. Не только татуированный номер, а еще и это:

— У нас тут по соседству поселились *шварце,* — сказала миссис Блюменталь.

— Правда? — спросил Папа.

— Да, семейство *шварце,* — сказала миссис Блюменталь.

— Как мило, — сказал Папа.

— Мило? — взорвался мистер Блюменталь. — *Шварце* по соседству с синагогой! Какие-то *мешугенеры* живут рядом с нашим *шулем.* Это вы называете мило?

Блюменталь были благородны. Они оба выжили в концлагерях. Но они были расистами. Они не

любили черных. И это, разумеется, сбивало Папу с толку. Он не знал, что и думать. Блюменталь ставили его в тупик. Они были благородны, и в то же время заслуживали презрения.

Конечно, с Блюменталями было непросто. С точки зрения морали, они вызывали двоякие чувства.

— А как ваша дочка? — спросила миссис Блюменталь. — Как Нина?

— Нана, — поправил Папа.

— Нана, — повторила миссис Блюменталь.

— У нее новый приятель, — сказал Папа.

— Приятель — это хорошо, — сказал мистер Блюменталь. — И что это за приятель? Наверняка он ее не стоит.

— Он актер, — сказал Папа.

— Значит, он ее не стоит, — сказал мистер Блюменталь.

— И мне кажется, он еврей, — сказал Папа.

— Ну уж тогда он точно ее не стоит! — воскликнула миссис Блюменталь и зашлась смехом.

Папа выдавил из себя короткий смешок. Его совершенно сбивали с толку эти постоянные несерьезные шуточки.

А вот мне нравятся такие шутки. Но я вообще-то не добр. Я не сентиментален. Я не так сентимен-

тален, как Папа.

4. Любовь
1

В 1963 году моя мама поехала в Прагу на школьную экскурсию. В Праге она жила у еврейской девочки по имени Петра.

На самом деле Петра была еврейкой только наполовину. Еврейкой была ее мать. Когда фашисты заняли Прагу, они сообщили папе Петры, что ему придется оставить маму Петры. Он этого не сделал. Они отправили его в концлагерь Терезин. Маму Петры тоже отправили в Терезин. И они оба выжили. Так не бывает. Очень немногим удалось выжить в Терезине. В честь своего спасения мама и папа Петры решили завести второго ребенка. Это и была Петра.

После Терезина в Праге осталось совсем мало евреев. И потому Петра любопытствовала о своем еврейском происхождении. И, согласившись принять гостей-экскурсантов, она попросила, чтобы с ней поселили еврейскую девочку. Так моя мама оказалась у нее. Моя мама тоже еврейка. Потом мама и Петра переписывались. В 1968 году, когда в Прагу вошли русские, Петра приехала в

Лондон. Она жила в маминой семье. Через год русские объявили, что всем чехам, живущим за границей, дается три недели на то, чтобы решить, возвращаются они или нет. Если они хотят вновь увидеть своих родных, им придется вернуться сейчас. И Петра вернулась.

Вот вам два факта из жизни Петры. Она никогда не состояла в Коммунистической партии. Это первый факт. А вот второй. Она предпочитала пьесы Вацлава Гавела романам Милана Кундеры потому, что Кундера уехал из Чехословакии в семьдесят пятом. Он предал сопротивление. Но Петра решила вернуться домой в шестьдесят девятом вовсе не потому, что хотела участвовать в борьбе. И не потому, что верила в идеалы коммунистов. В шестьдесят девятом в Лондоне ее парень порвал с ней. Вот почему она вернулась. Потом она всегда считала, что вернулась, потому что не могла бросить семью. Не могла бросить свое еврейское наследие. Должна была так поступить, поступить правильно. Так объясняла себе Петра.

Но вот вам другое объяснение, менее романтическое и более приземленное. В Лондоне Петра перебивалась случайной работой. В Праге мама Петры нашла ей работу в американском посоль-

стве. Там платили регулярную зарплату. Очень неплохую зарплату. На эту зарплату Петра могла себе позволить снимать квартиру в Еврейском квартале.[4] Она всегда мечтала жить в Еврейском квартале. Не только по религиозным причинам. Петра любила art nouveau. Да-да, Петра, которая носила узкие тертые джинсы, ярко-голубые носки из синтетики и черные туфли, тисненые под змеиную кожу, эта самая Петра желала жить в изяществе. Ее восхищал ажурный узор балюстрад Еврейского города, цветочные орнаменты потолочной лепнины.

У Петры были две причины вернуться в Прагу. Обе причины не очевидны. Она вернулась из-за любви к интерьерам начала двадцатого века. И из-за того, что ее бросил мужчина.

2

— Да да, да, да да, — сказала Анджали.

— Тебе нравится? — спросила Нана. — Тебе правда?..

— Да, да-а, — Анджали сделала утвердитель-

---

[4] Примечания: 4

Еврейский квартал — фешенебельный район в исторической части Праги.

ный жест и, взмахнув рукой, зацепила стакан, в котором раньше была водка с тоником. Стакан качнулся, но устоял.

Я рассказывал, как выглядит Анджали? По-моему, нет. Я описывал ее косметику, а не одежду.

Анджали была худощава, невысока, смугловата. В одежде она смешивала клубный и спортивный стиль. Обычно на ней была старая джинсовая куртка, которую она носила с пятнадцати лет, красные кроссовки “Перри Эллис” с черной отделкой. Нос пересекала цепочка веснушек. Она часто носила серебряный браслет. На щеках были бледно-сиреневые следы от юношеских прыщей. Посередине спины, у позвоночника, была родинка.

Эта родинка еще успеет надоесть Нане.

Но я забегаю вперед.

— По-моему, Мис иногда — совсем немножко — слишком какой-то запрограммированный, — сказала Нана.

— Это небоскребы, что ли? — спросила Анджали.

— Нет, небоскребы классные.

— А, да.

— Они такие суровые.

— Мне нравится этот небоскреб, ну, на Фри-

дрихштрассе, он такой красивый.

— Который весь из стекла?

— Ага, он самый.

— Да, он прекрасен, — ответила Нана.

Как видите, они говорили об архитектуре. О высоких интеллектуальных материях. Моше тоже там был. Он просто не включался в разговор. Он выключился из него. Развалившись на красном кожаном диване, рядом с двухфутовой стеклянной трубой с помятыми белыми лилиями, Моше помалкивал. Он тихонько поедал порцию японской смеси за шесть с половиной фунтов, любезно выданную в белой фарфоровой мисочке владельцами бара “мойбар” в отеле “мойотель”. Ну уж точно не “мой”, подумал Моше, ни хрена не мой. Моше не стал бы назначать цены в шесть пятьдесят за порцию. Это выходило за пределы возможностей его кошелька.

Он продолжал молча жевать.

Пока Анджали и Нана знакомились все ближе.

— Пмойму самое любопытное, — сказала Нана, — это интрнацнальность формы. Пмойму они были правы, когда назвали свой стиль интрнацнальным. Ну тоись обычно считают, что “Баухаус” — это только, ну, только в Берлине можно. А ведь потом Мис ван дер Роэ в Нью-Йорке

делал такие же проекты. Так что Берлин тут ни при чем. Главное — форма.

Анджали кивнула. Ей вообще нравилось узнавать новое. Ей нравилась новая симпатичная подружка Моше и ее заумные монологи. Даже забавно, до чего она умная.

— А как же крыши? — спросила Анджали.

— То есть? — переспросила Нана.

— Ну, мне казалось, там была какая-то чисто немецкая причина.

— А, плоские крыши? Война островерхим крышам?

— Ага.

— О, это просто ужас, — сказала Нана. — Ненавижу. Это все от коммунизма.

— От коммунизма?

— Они считали, что островерхие крыши напоминают корону. Поэтому они делали все свои крыши плоскими.

— Из-за корон?

— Ну.

— Но если, — спросила Анджали, — что если пойдет дождь? Как тогда?

— Вот именно, — сказала Нана, — вот именно.

Она кивнула. Ей нравилась эта девушка. Ей нравилась симпатичная знакомая Моше. Даже

забавно, до чего она умная.

— А еще Мис не любил полузадернутые шторы, — сказала Нана. — Он считал, что шторы должны быть или открыты, или закрыты. В Сигрэм-билдинге, в Нью-Йорке, жалюзи на два положения. В небоскребе. Все стали жаловаться, и Мису пришлось пойти на компромисс. Он добавил третье положение. Посередине.

— Всего три положения? — спросила Анджали.

— Вот-вот, — сказала Нана. — Вот-вот.

3

У меня есть простая теория про роман Наны и Моше. Вот она. Их роман не был романтическим. Точнее, он не был обычным романтическим романом.

Например, одним из существенных элементов обыденной концепции романа является то, что он отделяет пару от всех остальных. Роман — противоположность дружбы.

Друзья часто этим недовольны. “Стейси, — говорят они, — совсем меня забросила. Только с Хендерсоном и видится”. Сама же Стейси, однако, считает, что ее друзья слишком *прилипчивы.* Возможно, это слишком абстрактный пример. Да,

так оно и есть. Давайте добавим в него немного конкретики. Стейси самоотверженно борется со своей шепелявостью. Поэтому она говорит медленнее, чем все остальные. На правой руке она носит три разноцветных браслетика на дружбу. Ее возлюбленный Хендерсон моложе ее, и Стейси это смущает. Ей девятнадцать. Ему шестнадцать.

В любом случае, Стейси кажется, что ее друзья не понимают, как важно для нее уделять отношениям с Хендерсоном достаточно времени. Ну и конечно, она не хочет, чтобы они слишком часто с ним встречались. Ведь ему, как я уже сказал, всего шестнадцать.

Друзья Хендерсона тоже думают, что он со Стейси держится слишком наособицу. У них на этот счет собственная теория. Они считают, что Хендерсон прячет от них Стейси из-за ее, так сказать, размеров. Стейси совсем не худышечка. Друзья Хендерсона поддразнивают его, что ему просто нужна мамочка. Мамочка с большими сиськами. Они говорят, что член Хендерсона привязан к Стейси прочной пуповиной.

Нет, конечно же, Нана и Моше совсем не такие, как Стейси и Хендерсон. Все романы отличаются друг от друга.

У Наны и Моше был неромантический роман.

4

По соседству с Наной, Анджали и Моше в “мой-баре”, в кожаном кресле у окна, сидела девочка. Из-под ее оливковой банданы торчала косичка.

На конце косички красовался тугой бант из ярко-бирюзовой фланели.

Девочка была француженкой. Француженкой из Алжира. Она разговаривала с другой француженкой из Алжира.

— Ви, — сказала она, — Ви. Эгзагдеман. Дан ля ви. Ви.

Потом она сняла оливковый джемпер, под которым оказался черный топ без рукавов. На нем красовался голубой вопросительный знак с женским символом вместо точки — кружок с крестиком внизу.

Рисунок на топике был рекламой. Девочка заправила под топик тоненькие черные лямки лифчика. Нана смотрела на нее. Анджали смотрела на нее. Анджали смотрела, как Нана смотрит на нее.

5

Нана не была лесбиянкой. Она повернулась к своему парню. Она спросила у него, как он.

Моше, как выяснилось, был несчастен. Его слегка подташнивало от изысканных пряностей. Он облизал испачканный в еде палец.

— Мне так нравится, что ты все доедаешь, — сказала ему Анджали. — Даже если не платил за еду, все равно съешь все до кусочка.

— Точно, — сказала Нана, улыбнувшись, — это его пуританская половинка. Не выносит расточительства.

Моше развел руки жестом “ну чего пристали?”.

— Как там этот стиль, ну тот, в Индии, ну, который Лютьенс?… — спросил он.

Но Анджали уже перебила его.

— Ой, этот браслетик, тааакой классный. Я тебе скаала в тот раз? ну, тогда, что он такой милый, бесподобный просто. Где купила? — спросила она у Наны.

— Ну все-таки, как он называется? — спросил Моше.

— Ой, правда? — сказала Нана. — Правда-правда? Нет, ты не скаала. Я ужинипомню даже,

может у Хокстона в бутике, или нет нет нет нет точно маленькая такая лавочка, во дворе, ну знаешь там если чуть пройти по Брик-лейн, там дворик такой с магазинчиками. Точно, помойму там где-то, — сказала она. — И еще я там нашла напульсник таакой клевый, в па-а-алосачку красно-бело-синий, и написано “Я люблю Париж” и Эйфелева башня маленькая привешена. Надо туда съездить, точно. Не в Париж, на Брик-лейн.

— О, точно, — сказала Анджали. — Классно, надо съездить.

— Ну, вопщем, — сказала Нана, ухмыльнувшись, — в Париж тоже можно.

— А я тебя водил уже на Брик-лейн за рогликами с начинкой? — спросил Моше.

— За рогликами? — спросила Нана. — Ты говоришь “роглики”?

— Ну, да. А что? Нельзя?

Анджали закурила.

— Рогалики, — сказала Нана. — Это называется “рогалики”.

— Ну не знаю, — сказал он, — может, в Эджвере и говорят “рогалики”, а у нас так “роглики”. И вообще.

Анджали выпустила в сторону Наны струйку дыма и замахала руками, разгоняя его.

— Так ты из Эджвера? — спросила она. Спросила у Наны.

— Ну да, — сказала Нана.

— Во даешь, — сказала Анджали. — А я из Кэнонс-парка.

— Правда? — Нана просто пищала от изумления.

— И вообще, — сказал Моше, — всетки надо туда съездить, в булочную на Брик-лейн. Там все такое дешевое, типа пенсов псят за роглик, что-то так. С сыром, с лососем, и еще всякие.

— Да знаю, знаю, — сказала Нана.

— М-м-м, — сказал Моше.

— Там так классно, — сказала она Анджали, — када идешь поздно из клуба, или еще как.

— Да, точно, — сказала Анджали.

— Отличное место, эта Брик-лейн, — сказал Моше, — роглики там и этот бар, как его, “Двести девяносто один”, или нет, “Сто девяносто два”, нет, вспомнил, “Девяносто три фута на восток”. И еще карри, — добавил он. — Там ресторан есть, “Прим”, знаете? Индо-сарацинский стиль, вот.

— Как? — переспросила Анджали.

— Индо-сарацинский стиль, — повторил Моше. — Ну, в котором строил Лютьенс. В Индии, Нью-Дели. Дворец, готика экзотики.

— А, да, — сказала Анджали, — и чего?

— Нет, ничего, — сказал Моше, — ничего, просто мне нравится, типа. Ну, разговор поддержать.

— Знаешь, — сказала Нана, — больше всего зданий в стиле “Баухаус” в Тель-Авиве. Они там строили дома для рабочих.

— Нет, — сказал Моше, — не знал этого. Я этого не знал, милая.

6

Нет, Моше не был положительным еврейским мальчиком. Он не интересовался историей еврейского народа. Если попросить Моше найти Тель-Авив на карте Израиля, я не уверен, что у него это получится.

По поводу национальной принадлежности у меня тоже есть теория. Национальности не существует, точно так же, как и любви. Вообще-то национальность и есть любовь.

Временами Моше нравилось представляться евреем. Иногда он ощущал в себе лояльность. Но его не слишком заботила судьба его народа. Он не беспокоился о собственном еврействе. Отчасти оттого, что евреем он был только по отцу. А еще потому, что его отец был не слишком еврейским

евреем. В 1968 году отец Моше эмигрировал в Израиль. В 1973 году отец Моше вернулся. Он был сыт Израилем по горло. В 1975 году он благополучно женился на девушке по имени Глория, и она не была еврейкой.

Как-то за воскресным обедом Моше с удовольствием рассказывал Нане и милому Папе, как он ненавидел Пасху. Ему пришлось отмечать ее всего один раз, сказал он. Но этого было достаточно.

— Знаете, что делают на Песах? — спросил он. — Сначала ищут мацу, самый младший сын ищет мацу, а мой дедуля спрятал ее в туалете наверху, прямо в бачок, ну где поплавок и все такое. А потом ее надо есть. И мне пришлось все это съесть. Это было ужасно. Не знаю, как он туда забрался, мой дедуля. У него был паркинсонизм. Но он как-то умудрился туда залезть.

Папа решил, что это довольно смешно. Нана решила, что это очень смешно. Она засмеялась, плотно сжав губы и потряхивая головой. Потому что за секунду до этого отпила большой глоток воды.

— А потом, — продолжал Моше, — надо было петь пасхальную песню.

— Песню? — спросил Папа.

И Моше спел им:

— “Одного ребеночка, одного ребеночка, купил отец за два цуцима, одного ребеночка, одного ребеночка”. На самом деле, чудесная песенка. Про ребенка, про кота, про собаку, про палку, про огонь, про воду, про быка, про мясника, и потом ангел смерти убил мясника, а тот убил быка. Ну, то есть наоборот, мясник убил быка, а ангел смерти мясника. Пока не споешь — не отстанет.

Иногда Моше хотелось быть лояльным. Но чаще — нет. Он не понимал безоговорочной преданности. Когда Папа однажды загрустил из-за процесса над подполковником СС Адольфом Эйхманом, Моше тоже расстроился. Печально, сказал Моше, что правосудие допустило столь вопиющий промах. Но Папу расстроило вовсе не это. Папа не разделял мнение Моше о том, что на самом деле перед судом должен был предстать Шимон Визенталь, маниакальный охотник на нацистов.

Да, у Моше были непростые отношения с иудейством.

Например, у него на полке стояла “Хагадда”, выпущенная Союзом еврейских студентов в 1996 году. У меня тоже есть эта книга. “Хагадда” описывает, как правильно праздновать еврейскую Пасху. В подражание книгам на иврите “Хагадда”

Союза еврейских студентов начинается с задней обложки. Ее читают от конца к началу. Мне это кажется претенциозным. Моше тоже так считал. Но суть не в том. Одна из глав этой книги называется “Зачем быть евреем?”. Идею этой главы подал главный раввин Великобритании доктор Джонатан Закс.

Среди еврейских знаменитостей, из интервью с которыми состоит эта глава — а это были такие люди, как Кирк Дуглас, Ури Геллер, Роуз-Энн, Стивен Спилберг и Эли Визель, — была и ведущая ток-шоу Ванесса Фельц.

И вот что Ванесса Фельц ответила на вопрос доктора Закса “Зачем быть евреем?”. Надо сказать, что я согласен с Моше в этом моменте его критического анализа иудейства. И мне, и Моше показалось, что Ванесса хватила через край.

Межконфессиональные браки крадут у нас будущее. Такой брак грубо зачеркивает пять тысячелетий образованности, гонений, юмора и оптимизма, которые сделали евреев выдающимся народом. Каждый брак еврея с нееврeем подрывает основы того, что делает нас теми, кто мы есть. Без детей-евреев не будет еврейского будущего. Когда я думаю об этом, сидя в моей трехкомнатной квартире в Финчли, мне это ка-

жется трагедией.

Ах, Ванесса Фельц, милая Ванесса Фельц! Через два года, в 1998-м, от нее ушел ее еврейский муж. И Ванесса вышла за другого. Он не был евреем. Разумеется, я мысленно аплодировал их смешанному браку. А когда этот нееврей ушел от Ванессы, мне было жалко. Я боялся, что эта неудача навсегда отвратит ее от гоев.

7

А что же Анджали? Может, она была угнетена своей этнической принадлежностью? Беспокоилась ли Анджали, британка азиатского происхождения, за свою национальную идентичность? Нет. Нет, эта проблема ее не угнетала. Ее больше волновали фильмы.

Но этнические проблемы проявляются даже в кино. Однажды Анджали и ее школьный приятель Арджуна пошли на биографический фильм Спайка Ли “Малкольм Икс”. Это было в 1992 году. Они смотрели его в мультиплексе в Стэплз-Корнер. В зале не было ни одного белого зрителя. Строго говоря, в зале не было ни одного черного. По крайней мере, они не были афроамериканцами, как Малкольм Икс. Они все были такими же,

как Арджуна и Анджали.

Это смутило Анджали. Точнее говоря, ее смутило не это. Ее смутили не сами зрители. Ее смутило их отношение к фильму. Непостижимым образом все они отождествляли себя с Малкольмом Икс. Ей это показалось глупым. Неужели нельзя получить удовольствие от фильма, не считая себя Малкольмом Икс, думала Анджали. Когда они выходили из кино, она взглянула на Арджуну. Он ей нравился. Дело было не в том. Просто в своих очках в синей оправе, с маленькой пандой на дужке, которая означала, что часть денег, потраченных им на очки, ушла на поддержку Всемирного фонда защиты животных, Арджуна совсем не был похож на чернокожего борца за свободу. Он стал еще меньше похож на чернокожего борца за свободу, когда подъехал его отец в белом “Мерседесе” с салоном, отделанным ореховым шпоном, и повез их домой в Кэнонз-Парк.

Анджали все еще не понимала. “Малкольм Икс” оказался всего-навсего посредственным фильмом. Все, что она запомнила — это кадр, когда камера объезжала Малкольма Икс в его гостиничном номере, сделав полный круг. Это был единственный достойный кадр.

Однако не все было так просто. Анджали была

весьма обидчива, если задеть этническую принадлежность. Она могла не отдавать себе в этом отчета, но это было так. Например, единственное, что Анджали любила в Индии, был Болливуд. Любовь Анджали к Болливуду объяснялась очень просто. Болливуд был не-Индией.

Не-Индией? Это Болливуд-то? Да. Индия для Анджали была страной коров. Страной грязи и развалюх. Страной огромных семей. А музыкальная мелодрама — это полная противоположность семье. Болливуд — это как Голливуд.

Анджали, которая по одной классификации была индианкой из семьи, второе поколение которой жило за пределами Индии, а по другой (в том числе своей собственной) гражданкой Великобритании, живущей на ее территории и обожающей фильмы-масала. Она с изумлением прочитала слова Шьяма Бенгала в интервью журналу “СинеБлиц” о том, что “нами интересуется теперь только диаспора. Если бы не они, никто бы нас и не заметил”.

Я-то думаю, что употребив слово “диаспора”, Шьям Бенгал тоже хватил через край. Диаспора — это люди, изгнанные с родной земли. Может, Индия — это коровы и грязь, но грязь и коровы не гонят народ из страны. Шьям хотел добиться

драматического эффекта. А под “диаспорой” он разумел индийцев, живущих за рубежом.

Анджали это тоже показалось странным. Она не считала себя частью диаспоры. Выучившись на стипендиях в Коллегиальной школе Северного Лондона, а потом в оксфордском Брейзноз-колледже, Анджали была примером успешной индийской девушки. Какое уж там изгнание.

Болливудские фильмы были противоположностью “диаспоре”. Этим они и привлекали Анджали. Дело было не в связи с родиной. Дело было в стиле.

Может, вы считаете, что у болливудских фильмов и стиля-то нет. Может, вы считаете их китчем. О стиле, в конце концов, можно спорить. Главное не в этом. Главное то, что если Анджали и любила что-то индийское, она делала это по абсолютно неиндийским причинам.

8

Вообще-то Анджали многих может поставить в тупик. Это еще одна причина, по которой она мне нравится. Она непредсказуема. И не только из-за ее этнической принадлежности. Вот уж нет. С ее сексуальной ориентацией дела обстоят не легче.

Расплывчатое отражение Наны в витрине на Олд-Бонд-стрит разглядывало чемодан от “Таннер Кролле” рядом с отраженной расплывчатостью Анджали. Чемодан был розовым.

— Гляди, Моше, какая прелесть, — сказала Анджали.

Моше что-то согласно пробурчал под нос. Он думал не о модных шмотках. Он думал о том, как хочет поцеловать Нану. Но во рту у него было нехорошо от недавно выпитого в “Старбаксе” кофе с молоком. Он передумал ее целовать. Вместо этого он прижался к ней бедрами, обняв ее сзади и уткнувшись губами в плечо.

— Ты симпотнее, — сказал он Анджали. И глупо улыбнулся.

Анджали!? Он сказал это Анджали!? Да. Да, он с ней шутливо заигрывал.

И Анджали улыбнулась ему в ответ.

Она тоже с ним заигрывала.

9

О, этот шоппинг. О, эта мода.

Одни восхищаются модой просто потому, что она дорогая. Не самый привлекательный подход.

К счастью, сознаются в этом немногие. Других

восхищает мастерство и само ремесло моды. Такие мне нравятся больше. Они похожи на тех, кто считает костюм искусством. Для них одежда — это эстетика. И ее они видят как умение выразить себя. Последним я, надо сказать, не очень-то верю. Боюсь, что втайне они обожают моду за то, что она дорогая. Абсолютной уверенности у меня нет, но в принципе они мне нравятся.

Есть еще те, кого мода заботит в абстрактном, модно-журнальном смысле; им просто хочется не отставать от последних веяний. Таких я не понимаю.

И, наконец, есть те, что ненавидят моду. Они ненавидят ее из-за того, что это слишком дорого. Или потому, что мода излишне материалистична. Или потому, что она уродлива, или непрактична.

Мое личное отношение к моде совмещает в себе технический интерес, уважение и веселую иронию. И оно, конечно же, безупречно.

Трое наших героев относились к моде по-разному. Вам об этом следует знать, потому что в моем рассказе сейчас речь о том, как Нана, Моше и Анджали разглядывали витрины на Одд-Бонд-стрит и Сэвил-Роу. Они и сами не знали, как туда забрели. Просто вдруг обнаружили себя в самом

сердце лондонской моды.

Нана восхищалась модой. В первую очередь ее интересовала техника исполнения. Ее поражали лабиринты швов. Кроме того, ей нравилось, что модельеры уделяют высоким стройным девушкам так много внимания. Неудивительно, что ее привлекала угловатость моделей. Она обожала новые материалы. Она приветствовала поиск нового. Но ее отталкивала пена. Ее отталкивала меркантильность моды. Мода означала для нее эксклюзивность. А эксклюзивность Нана ненавидела. Ей были скучны серьезность и нервозность моды, утомляли бросаемые сквозь распахивающиеся стеклянные двери взгляды застывших заграничных истуканов, которые будто бы оценивают твою искушенность.

Анджали вообще терпеть не могла моду. Мода утомляла ее еще больше, чем Нану, а цены и вовсе вгоняли ее в ступор. Высокие цены делали моду просто нереальной. Анджали считала моду пустым надувательством. По большому счету, она никогда о ней не думала.

Это сближало ее с Моше.

Из них троих Моше относился к моде наиболее страстно. Он был самым страстным противником моды. Для него мода была просто халтурой.

Порождением невротиков, зацикленных на копировании и воспроизводстве. Мода создавала культ заурядности. Мода равнялась конформизму. Такая была у Моше теория моды.

Однако любая теория свойственна конкретному человеку. Теория Моше о том, что мода есть бессодержательный конформизм, была выражением его внутренних моральных устоев. Она могла основываться на порицании неумеренного стремления к неуловимой эфемерности. С другой стороны, ее могла породить неуверенность. Возможно, Моше не чувствовал себя достаточно привлекательным или обеспеченным для того, чтобы носить эту роскошную и изысканную одежду, и это заставляло его высмеивать моду.

Как бы то ни было, Моше, как и Анджали, не любил моду. Она его раздражала.

10

Но Моше пытался с этим справиться. Честное слово. В “Прада” он взял в руки кроссовку, и с зевком принялся ее рассматривать. Кроссовка выглядела, как мешанина кусочков черного пластика, подсвеченных невидимой флуоресцентной лампой. Нана подошла к нему поближе. Она

подошла, чтобы понаблюдать за ним. Она встала рядом и дотронулась до чего-то крошечного и переливающегося, подвешенного на клацающую металлическую вешалку. Моше тоже потрогал эту штуку. Он сделал это нарочито шумно. Шум только усилил нервозность.

Они хихикнули.

Сзади выросла мужская фигура. Черная майка из эластика обтягивала рельефные мускулы. Рукава были аккуратно порваны по диагонали. Судя по всему, так и было задумано. Или продавец, или просто манекен, подумал Моше. Непонятно кто.

Пока Моше раздумывал над положением этого типчика в иерархии моды, мужчина заявил, что Нане пойдут белые шортики на шнурках в матросскую полосочку. Она так прекрасна, сказал он. Так привлекательна.

Это был продавец. Моше его возненавидел.

Считается ли лестью, когда льстят твоей девушке? думал Моше. Над этим он раздумывал недолго. Его больше занимало чувство подавленности и ревность. К тому же Моше срочно надо было в туалет. От старбаксовского кофе внутри у него было нехорошо, и он потихоньку пукал. Пукать в окружении немыслимого вида трусиков, развешанных на узких плечиках, было мучи-

тельно. Каждый раз ему приходилось перейти в другое место, чтобы оставить запах как можно дальше от себя. Моше жалел, что пил с утра этот кофе. Его желудок уже некоторое время вел себя нехорошо, но Моше надеялся, что на этот раз все будет путем. Но ничего не шло путем. Кофе нанес желудку болезненный удар.

Моше не чувствовал себя польщенным. Он ненавидел моду. Тихонечко, пытаясь успокоить дыхание, он поднялся по лестнице. Стоп, вдруг подумал Моше, внезапно ощутивший себя андрогинным гермафродитом, стоп, подумал он, а для кого эта одежда, для девочек или для мальчиков? Он привык к магазинам, где были отделы для мальчиков и отделы для девочек. Иногда отдельные этажи.

Нана рассматривала матросский костюмчик. Анджали стояла рядом.

— Этш на мальчика, — сказал он Нане и Анджали.

Нана нахмурилась.

— Всида хотела мальчуковый костюмчик, — сказала она. На самом деле, она сказала это костюмчику, нежно оттянув его шелковистую ткань сложенными в щепоть пальцами. — Паамойму, я в нем буду казаться выше.

— Да уж, выше, эт точно, — протянул Моше. — Я все думал — чего тебе не хватает? А вот надо чтоб повыше.

Нана улыбнулась Моше. Она любила, когда он ее поддразнивал. Нана взглянула на мужской классический костюм, образец городского шика. И Анджали обратила внимание.

— Весчь, — сказала она. — Интересненький покрой.

И она была права. Интуитивно Анджали понимала суть моды. Правый карман костюма был чуть выше левого, нарочито нарушая его симметрию. Это было сильно. “Сильно” — это когда модельер знает, что сделать с формой. Главное — не повторяться.

Нана раздвинула соседние вешалки, чтобы полюбоваться на розовую рубашку, сшитую из кусочков и похожую на безумное лоскутное одеяло.

— Пойдем? — сказал Моше. На самом деле это было утверждение, а не вопрос. Хоть я напечатал там вопросительный знак, Моше сказал это без вопросительного знака. На самом деле он сказал: “Пойдем”.

Моше резко повернулся и столкнулся с мальчиком в майке-безрукавке с V-образным вырезом.

На майке было два рисунка — один на груди, другой на спине. На спине были горизонтальные синие и желтые полоски, на груди — угловатые разноцветные линии. У майки была еще одна особенность. Должно быть, подумал Моше мрачно, из-за этого мальчик ее и выбрал. Спинной рисунок начинался немного спереди. Он заходил на грудь с левого бока.

Не знаю, не знаю. Лично мне нравится идея такой майки. Я даже задет оттого, что Моше ее не оценил.

11

— Я принимала утром таблетку? — спросила Нана. — Не помню, приняла или нет?

— Да, да, приняла, — сказал Моше.

— А какие ты пьешь? — спросила Анджали.

— Микрогинон, — ответила Нана.

— И как, ничего?

— Ну да, нормально.

— А меня, — сказала Анджали, — от этих таблеток просто мутит.

— Ты что, пьешь противозачаточные? — спросил Моше.

— Ну да, — сказала Анджали. — У меня был

парень, ну, помнишь, Торкиль, ну, и я вот. Как спиралька такая, называется “Марина”, из нее контрацептив выделяется. Типа гормоны.

— И что, продолжаешь пить? — спросил Моше.

— Ее не пьют, ее вставляют, — сказала Анджали.

— Ну какая разница, — сказал Моше. — Ты ж с мальчиками больше не трахаешься? Или все-таки с кем-то?

— Я? — спросила Анджали. — Я трахаюсь ни с кем, ты же знаешь. Вот с кем я трахаюсь.

— Ну, я подумал…

— А с чего эт ты вощe интересуешься?

— Ну, просто думаю, может ты опять кого нашла…

— А это не мешает? — спросила Нана.

— Не, не, — сказала Анджали, — намана. Я эту штуку сразу вставила лет на пять, и все. Тебе надо б тоже такую.

Тут Моше попытался открыть дверь бутика “Иссеи Мияке” не в ту сторону, и Анджали пришлось прийти к нему на помощь.

Моше такой неуклюжий.

12

В “Иссеи Мияке” Нане было особенно уютно. Будто отдыхаю, сообщила она Моше и Анджали между болтовней. Этих двоих, однако, больше занимал костюм, сделанный из маленьких металлических дисков. Она говорила, что собирается ехать с Папой? Говорила, что они собираются на отдых в первой неделе сентября? Моше слегка выпятил губы и кивнул. Нана без умолку тарахтела перед висящими костюмами и, не услышав ни слова в ответ, обернулась. Моше и Анджали тихо хихикали. Моше слегка выпятил губы и кивнул. Нана кивнула и продолжила свои речи.

Тут я хочу немножко объясниться. Я не хочу, чтобы вы неправильно поняли Нану.

Возможно, в этот момент Нана кажется вам не слишком милой. Ей будто бы плевать на неприязнь Моше к моде. Моше, как вы знаете, испытывал к моде неприязнь. Он видел лишь суррогаты, слишком дорогие и совершенно непрактичные. Нана знала, что он от этого расстраивается. В чем-то она была с ним согласна. Но кроме того, Нана также понимала Моше. Она понимала, что он брюзжит оттого, что втайне несчастлив. Среди

модной одежды Моше почувствовал себя уродом. А Нана хотела, чтобы он, как бы слащаво это ни прозвучало, почувствовал себя красивым. И что незачем злиться.

Весельем и игривостью в “Иссеи Мияке” Нана хотела ему показать это. Она делала это из любви. Возможно, это вышло неуклюже, зато от чистого сердца. Нана хотела показать Моше, что они вместе, что она с ним заодно. Что он прекрасен. Что он совсем не урод. Она знала, что ее поведение можно понять и по-другому. Но она надеялась, что Моше поймет все правильно. В конце концов, он поймет, что это любовь.

В “Иссеи Мияке” они отыскали плиссированное бело-серое платье с аппликацией из золотой и серебряной фольги. Его можно было надеть только один раз.

— Хочу, чтобы ты это надел, — сказала Моше полисексуальная Нана. Она его не дразнила. Она говорила от чистого сердца. Ей хотелось увидеть Моше в платье. Это будет, думала она, самая сексуальная штука на свете.

Увы, Моше не думал о самой сексуальной на свете штуке. Его больше занимали туалеты, чем трансвеститы. Ему было крайне нужно найти туалет. Это не давало ему сосредоточиться.

Внезапно его мысли приняли теологическое направление. Моше размышлял о грехе гордыни. Он размышлял о различиях между гордыней и тщеславием. Он внезапно осознал, в чем смысл монастырей. Он представлял себе, как в монашеской рясе и с выбритой тонзурой пропалывает монастырские грядки. Он мог бы выращивать капусту. И морковку. Вряд ли “Иссеи Мияке” помимо всего остального занимается корнеплодами, думал он.

Направляемые им к выходу, они отклонились от курса, и прошли по залу зигзагом.

13

Давайте-ка ненадолго вернемся к Хендерсону и Стейси.

Для Хендерсона самым волнующим моментом их романа стал незапланированный поход в Лондонский зоопарк, где Стейси в первый раз в своей жизни увидела жирафа. Счастливые, романтические воспоминания. Но Стейси почти ничего не помнит про поход в зоопарк. У нее в этот день пришли месячные, и она постеснялась сказать об этом Хендерсону, ведь это было в самом начале их отношений. У ее бывшенького менструации

вызывали отвращение, и она даже представить себе не могла, как к этому отнесется Хендерсон. Зато Стейси так ясно и с такой нежностью вспоминает первый вечер, когда она нашла под своим одеялом записочку от Хендерсона. Прыгающим почерком — он писал карандашом, положив клочок бумаги на подушку — Хендерсон объяснялся ей в любви.

Любовь штука сложная. В ней сплетаются сразу несколько личностей. Поэтому любая деталь может оказаться двусмысленной. И мне это очень нравится.

К примеру, самым волнующим моментом для Моше была, разумеется, вовсе не прогулка по Сэвил-Роу. Моше вспоминал отнюдь не шоппинг. Он вспоминал минет. Тот минет, во время которого его член был туго затянут в презерватив с цветом и вкусом клубники.

14

Однажды утром Моше в изнеможении забрался под одеяло. Под одеялом густо пахло. Там пахло сонными, горячими, попукивающими, совокуплявшимися телами. Нана тихо посапывала. Ей снились животные цветов “Техниколора”. Они

были покрыты шерстью, но на ощупь вроде как резиновые, и они тыкались в нее цветными носами и любили ее.

Моше было не до снов. Он хотел постепенно, не торопясь, разбудить ее, совсем чуть-чуть, не до конца, чтобы в счастливом полусне медленно, медленно раздвинуть ей ноги. Раздвинуть их ровно настолько, чтобы просунуть между ними свой короткий и рыхлый язык. И потом просто дышать, чтобы не потревожить и не пробудить ее. Дышать, и еще дышать, и смотреть, как она неторопливо потягивается, еще под властью сна. Потом пустить в ход язык, чуть надавив и дав ему нежно соскользнуть. Намек на вкус ее пота. Запах его дыхания. Он попытался не ощущать запах своего дыхания. Приглушенный розовый свет утреннего солнца сквозь одеяло.

Двумя пальцами Моше приоткрыл ее нижние губы. Складочки были усеяны белыми, клейкими, странными комочками. Что-то вроде творожка.

Не похоже на роман, верно? На романтическую любовь. Я же говорил.

Моше не ощутил отвращения. Он просто не ощутил желания продолжать. Потерял аппетит. К несчастью, именно в этот момент проснулась Нана.

— М-м-м, фто такое, фто, милый? — спросила она.

— У тебя на пизде что-то странное, — сказал Моше. — Налет какой-то, что ли.

Моше далеко не всегда удавалось быть тактичным.

Нана провела пальцем между ног. Потом поднесла его поближе и внимательно изучила. Потом понюхала.

— Это молочница, — сказала она, — просто молочница.

И тут Нане стало стыдно. Она не знала, чего стыдится, но так уж вышло. Ей стало стыдно.

Нана не должна была стыдиться. Не думаю, что в молочнице есть что-то постыдное. А уж девочкам и вовсе нечего стыдиться. Почти у каждой девочки время от времени случаются вагинальные грибковые инфекции. Дрожжевые грибки могут спокойно развиваться во влагалище, не вызывая инфекции. Инфекция случается, когда их вырастает слишком много. А так бывает, когда во влагалище нарушается обычное здоровое равновесие. И мы все знаем, отчего оно нарушается. Его нарушают мальчики.

Поэтому стыдно должно было быть Моше. Что могло нарушить здоровое равновесие влага-

лица Наны кроме его члена? И Моше это знал. “При частых повторных случаях вагинальной молочницы, — пишут в учебниках, — полезно назначать половому партнеру аналогичное и одновременное лечение, так как он может являться носителем инфекции без проявления ее симптомов, и повторно инфицировать пациентку”. Здесь тактично сказано буквально следующее: “как правило, виноват мальчик”.

Но тем вечером Моше уже не чувствовал угрызений совести. Он, уж простите меня, вовсе не ощущал себя виноватым. Он был счастлив. Тем вечером Моше познал эрос ностальгии. Ему было позволено созерцать великолепие схемы устройства женщины. В упаковке вместе с купленной Наной вагинальной пастой “Кейнстен-уанс” — “рекомендуется применять на ночь, дабы, — “дабы”! ухмыльнулся покоренный старомодным оборотом Моше, — паста оказывала свое целебное действие, пока вы спите” — был буклетик с инструкциями, и Нана, растянувшись со своим пластиковым приспособлением на постели, разрешила Моше зачитывать ей необходимые действия по пунктам.

Схема являла собой идеал. На небесно-голубом фоне, напоминающем задник телестудии, воз-

лежала женщина в разрезе. Ее конечности были обведены грязно-зеленым. На схеме был виден даже холмик ее живота. А еще тьма сквозных линий и дуг со стрелками на концах, скромно, но точно указывающими на Мочевой пузырь, Матку, Влагалище, Анус. Это было вечное, неизменное Тело. Здесь были все нужные Моше сведения.

“Осторожно введите аппликатор во влагалище на максимальную глубину, при которой вы не испытываете неудобств”, - читал Моше. Степенные скобки восхищали его, порождая удовольствие где-то в глубинах организма. — “(Проще всего выполнять эту процедуру лежа на спине, согнув ноги в коленях)”. Нана послушно согнула разведенные ноги в коленях для своего личного гинеколога. “Удерживая аппликатор одной рукой, другой медленно надавливайте на поршень, доводя его до упора; при этом во влагалище вводится нужное количество пасты. Удалите аппликатор. Храните аппликатор в надежном месте, недоступном для детей”.

Словно порнозвезда, Нана нажала на поршень аппликатора. Он ушел внутрь, выдавливая пасту. “После употребления вы можете обнаружить мелоподобные выделения, — глубокомысленно добавил Моше. — Это не означает, что паста не

подействовала”.

Почему именно этот момент их романа был для Моше самым главным? Потому что в этот момент Нана, несмотря на молочницу и личную неприкосновенность, хотела получить удовольствие. Тело и его странные функции стесняли ее, и поэтому Нана решила отдаться фантазии. Она решила сама стать фантазией. Всю эту дурацкую процедуру она не отрывала глаз от пачки презервативов с фруктовым вкусом, которые днем купила у Бутса вместе с “Кейнстеном”. Презервативы олицетворяли собой для Наны идею чистоты. На ней было розовое белье из “Топ Шоп”, в старомодную розовую клеточку. Она склонилась над раскинувшимся на кровати Моше. Потом надела ему презерватив. Она обволокла его член вкусом клубники.

И Нана стала маленькой девочкой. Моше был ее клубничным петушком на палочке.

Это было романтично. Ладно, ладно, этот момент их романа был романтичен. В конце концов, вся романтика — это монтаж.

15

Не думайте, что я осуждаю Моше. Вовсе нет. Я его не сужу. Я уверен, что большинство мальчиков заражали своих девочек молочницей. Большинство мальчиков были переносчиками как минимум одного венерического заболевания. Это может случиться с каждым из нас. К примеру, так было с председателем Мао.

Возможно, вас это удивит. “Председатель Мао? — подумаете вы. — Великий коммунистический лидер и знаменитый философ? Автор бессмертных произведений “Из искры может разгореться пожар” и “Заботиться о народном благосостоянии, уделять внимание методам работы”? Не может быть, — скажете вы, — только не Мао Цзэдун”. Но это правда. Я не выдумываю. Вы можете найти доказательства в мемуарах личного врача Мао, доктора Жисуи Ли.

В этой книге доктор Ли описывает сексуальные предпочтения Мао. Мао предпочитал частые сексуальные отношения с как можно большим количеством девушек, но не доводил дело до семяизвержения. Не подумайте, что он был чокнутым невротиком. Нет, корни предпочтений

Мао восходили к благородному учению даосизма. “Даосский рецепт долголетия, — пишет доктор Ли, — требует у мужчины дополнять свое угасающее *ян*, мужскую сущность, источник силы, мощи и долголетия, *инь шуй*, или воды *инь*, то есть вагинальные выделения юных девушек. Поскольку *ян* считается опорой мужского здоровья и силы, нельзя относиться к нему расточительно.

Поэтому во время полового акта мужчина обычно не эякулирует, питаясь вместо этого силой вагинальных выделений своих партнерш. Чем больше энергии *инь шуй* он сможет вобрать в себя, тем более укрепляется его мужское начало. Таким образом, необходимы частые совокупления”.

Мы видим, что Мао не просто трахался. Он вел хорошо продуманную половую жизнь. Но — такова судьба — болезнь может задеть любого, даже того, чья жизнь чиста. Одна из девушек Мао подцепила *Trichomonas vaginalis.* Она моментально передала ее Мао, а тот — остальным своим партнершам.

Подобно молочнице, *Trichomonas vaginalis* весьма неприятно проявляет себя у девочек, но мальчики ничего не замечают. Поэтому мальчиков трудно заставить лечиться. К сожалению,

мальчики обладают непомерной гордыней. Они ни за что не признаются в заболевании, которого не ощущают. Поскольку разносчиком инфекции был Мао, остановить эпидемию можно было, только излечив его самого. Но убедить его в том, что он является переносчиком венерической болезни, которая никак не проявляется, было почти невозможно. “Председатель Мао, — пишет доктор Ли, — поднял меня на смех. “У меня ничего не болит, — сказал он, — так что все это чепуха”. С чего это вы так расшумелись?” Я предложил ему по крайней мере тщательно вымыться. Мао никогда не мылся целиком. По вечерам его растирали горячими полотенцами. Его половые органы никогда не видели воды и мыла. Мао отказался мыться. “Я очищаюсь внутри моих женщин”, - сказал он”.

Возможно, ответ Мао покажется вам надменным. В нем есть что-то безумное. Но посмотрите на его реакцию иначе. Может, он был просто смущен. Все его отговорки очень просто объяснить естественным чувством стыда. Признаться своему личному врачу в том, что ты являешься переносчиком венерической болезни, непросто. Это было непросто даже для Моше, куда менее публичной персоне, чем Мао. Возможно, эта

история лишь еще раз демонстрирует необходимость тактичного подхода при обсуждении таких интимных тем. “Меня тошнило, — пишет далее доктор Ли, — от потворства Мао своим сексуальным желаниям, от его даоистских заблуждений, от того, как он развращал наивных и невинных девушек; мне приходилось заставлять себя все это вынести”.

В принципе, я полностью согласен с доктором Ли. Но была и другая сторона. Сейчас я процитирую доктора Ли в последний раз. “Многие девушки, — пишет он, — были рады заразиться. Даже болезнь, когда она была приобретена от Мао, становилась символом почета, подтверждением их близости к Великому Кормчему”.

Неожиданно, не правда ли? Мне кажется, что мы еще не до конца понимаем венерические болезни. Иногда они могут быть весьма романтичны.

16

Нана и Моше были романтичны. Они были романтичны по-своему. Они любили друг друга. Они говорили, что любят друг друга. Это было правдой.

Вот как они в первый раз сказали друг другу “я тебя люблю”.

— Ты штот хотел сказать? — спросила Нана, дразнясь.

— Нет, — сказал Моше, сидя рядом с ней.

— Знаешь, — сказал он, — ты мне очень нравишься.

— Я тебе очень нравлюсь?

— Да, очень.

— И что тебе нравится больше?

— Все, — сказал Моше, — все нравится.

— Я люблю твои волосики между ног, — сказал Моше. — Цвет твоих волосиков там люблю. Люблю твои, ну, твои люблю. Я просто люблю тебя, — сказал Моше.

— Ой, — сказал Моше, — я не это хотел сказать.

Даже их первое “я тебя люблю” было неромантичным. Он сказал его по ошибке. Видите, какой я приземленный.

— Ну да, — сказала Нана.

— В смысле, так нельзя, — сказал Моше.

— Угу, — сказала Нана.

— Мы же знаем друг друга всего месяц, ну пару месяцев.

— Угу, — сказала Нана.

Честно говоря, это был романтично. Я беру свои

гнусные слова обратно. Мне кажется, что можно быть с кем-то знакомым всего день или два, и все же быть уверенным, что ты его любишь. Чувствовать, что ты его любишь. Просто об этом не скажешь. Невозможно сказать ему, что ты его любишь. И то, что Моше сказал это, презрев все правила и запреты, было романтично. Первое “я люблю тебя” Моше и Наны было романтичным.

— Думаешь, мог бы? — спросила Нана.

— Что? — спросил Моше.

— Полюбить меня.

— Так вот? — спросил Моше.

— Не знаю, — ответила Нана.

— Ну и я не знаю, — сказал Моше, — возможно.

— Возможно…

— Ну как бы да.

— Что да?

— Я по-моему тебя ну вроде люблю, — сказал Моше. — Люблю по-моему.

Нана задумалась, что бы могло означать “по-моему люблю”.

— Знаешь, что ты самый милый на свете? — спросила она.

Нана считала, что Моше очень милый! Это же у нас любовная история получается!

— Да, — сказала она, — да, я тоже тебя люблю.

— Ты меня любишь, — сказал он.

— Ну, — сказала она.

— Ты меня любишь, — сказал он.

Она поцеловала его. Он поцеловал ее.

— Так значит ты, — сказал Моше, улыбаясь, — меня любишь.

— Нет, не люблю, — сказала Нана.

— Не любишь? — спросил Моше.

— Нет, — сказала Нана.

— Но я, — сказал Моше.

— Заебись, — сказала Нана.

Нана не хотела его обидеть. Она сказала ему “заебись”, и потом снова поцеловала его.

5. Интрига
1

Однажды вечером Моше сидел у Наны на животе. Он согнул ноги в коленях по обе стороны от ее грудной клетки с проступавшими ребрами. Еще он тихонько посмеивался. Он пытался уговорить себя, что самое важное — оставаться спокойным. Он смотрел на свой член. Член был красный.

Нана разглядывала пурпурный член Моше. Она думала о том, как печальна смерть.

Эта глава короткая, но очень важная. Боюсь, нам понадобится еще один взгляд на сексуальную жизнь Наны и Моше. Я знаю, что вы думаете. Вы думаете, что вы уже достаточно знаете об их половой жизни. Вам хочется совсем другого. Вам хочется читать о жизни горняков на Сахалине. Или прогуляться по магазинам. Что ж, простите. Половая жизнь Наны и Моше для нас очень важна.

2

Нана и Моше были одни в ее квартире в Эдж-

вере. Сначала они вроде бы хотели поесть. Но о еде как-то позабылось. После того как за кастрюлями была обнаружена Папина заначка, а в ней бутылка абсента “Хиллз”, поесть плавно перешло в выпить.

Абсент, однако, требует определенной техники пития.

Счастливая пара переворошила шкафы кухни в поисках Наниной ядовито-зеленой зажигалки. Зажигалка нашлась среди кухонных принадлежностей. Она застряла в веничке для сбивания яиц. Чтобы приготовить абсент, Нана поднесла зажигалку к ложке для салата из нержавейки. Цвет абсента повторял цвет зажигалки. Ложка стала шипеть и плеваться. Рядом стоял бело-синий пакет сахарной пудры “Тэйт-энд-Лайл” с надорванным липким клапаном. Шипел и плевался именно сахар.

Они добрели до гостиной.

Сонно-возбужденный Моше привалился к ножке дивана. Свою изогнувшуюся шею он пристроил к изогнутому диванному подлокотнику. Развалившись на белых хризантемах Уильяма Морриса, Моше выглядел таким ручным. Нана поила его абсентом из ложечки.

Это было так чувственно — девушка мечты Мо-

ше поит его с ложечки сахарно-похрустывающим теплым абсентом.

— Ну что ты смотришь, что такое? — спросила Нана.

Ответ Моше был непонятен и причудлив, это не были слова в их привычном понимании. Он издал звук, что-то наподобие “аауууыаааарр”, и улыбнулся. Нана была счастлива. Она была счастлива от того, что Моше счастлив. И от Этого наполнявшего ее счастья Нана сняла лифчик.

Она предлагала угоститься, точно.

У нее были соски с ямочками, вывернутые наизнанку. Моше встал на колени, тяжело опершись на руки, и губами оживил сосок, левый сосок Наны. Сосок выпятился наружу, шершавый, отвердевший, налившийся кровью. Он стал вроде мармеладной землянички. Ареолы вокруг сосков Наны были бледными, как и ее кожа. Соски резко выделялись на их фоне.

Моше не мог оторвать глаз. Он спросил, нравится ли ей, что он ее разглядывает. В ответ Нана улыбнулась, чуть приоткрыв верхнюю десну. И тут же поняла, что нужна реплика поудачней. Поэтому она обвила Моше рукой и притянула его к себе для поцелуя. Ее рот, хранящий вкус абсента, обжег язык Моше. Так они вместе создавали

сценарий секса. Они тщательно наблюдали друг за другом. И заботливо успокаивали друг друга. Они были сосредоточенны.

Они пробовали заниматься сексом. И им это удавалось. Но была одна сложность.

3

Многие наивно думают, что секс — это просто. Они думают, что это животная страсть с дикими стонами и криками. Но по многим причинам секс может стать весьма каверзной штукой.

Я кое-чего вам не сказал. Нана кое-чего не сказала Моше.

Секс никогда не приводил Нану в восторг. Нет, это не совсем точно. Она получала удовольствие от секса. В некотором роде. Просто Нана никогда не понимала секса до конца. Это может объяснить один факт. Или, наоборот, он поможет это объяснить. Моше не стоит об этом знать.

Нана ни разу в жизни не кончила.

Нет, то есть она, конечно же, кончала. Лежа на правом боку, сжав бедрами усталую, но неустанную правую руку, Нана кончала без всякого труда. Сама с собой. В ином случае оргазм превращался в проблему. Фактически он отсутствовал.

Объяснимых причин этому не было. Правда, Нана довольно поздно начала заниматься любовью. Первый мальчик появился у нее в восемнадцать лет. Это был некрупный парнишка-турок по имени Кан. В первый раз она занялась мастурбацией в пятнадцать, найдя под Папиной кроватью роман “Эмманюэль-2”. Она занималась этим тридцать четыре минуты. Она стащила книжку. Разумеется, Папа никогда впоследствии не упоминал об этом. Нельзя же просить дочь, чтобы она вернула порно-книжку. Разумеется, Нана тоже больше никогда не упоминала об этом. Она хотела, чтобы “Эмманюэль-2” была только ее. “Эмманюэль” возбуждала Нану. Позиция, в которой Нана мастурбировала, сформировалась из-за “Эмманюэль”. Нана лежала на боку, чтобы было удобнее читать книжку, раскрытую рядом на подушке.

Конечно же, это не объясняет того, что Нана не кончала с другими людьми. Она поздно начала, и для оргазма ей была необходима книга, но из этого ничего такого не следовало. Просто все было так, как было.

Думаю, этот факт может объяснить нервозность, в которую секс приводил Нану и Моше. Думаю, он может объяснить, секс требовал от них

такой концентрации. За двадцать три предыдущих интимных свидания с Моше, не говоря уже о предыдущих интимных свиданиях с четырьмя другими мужчинами, Нана ни разу не кончила.

По-моему, это вполне объясняет нервозность Моше. Раньше он всегда считал себя весьма способным любовником.

Теперь он так больше не думал.

4

Вместо этого Моше, напившись абсента, испытывал сонливость и тревогу. — Он был тревожно сонлив.

Вот вам пример.

Целуясь с Наной, Моше сообразил, что его руки не при деле. Может, это вам покажется пустяком. Однако Моше считал, что хороший любовник должен активно действовать руками. Он перевел взгляд ниже и посмотрел на свои руки. Они были под Наной, они были прижаты к полу. Моше вытащил руки и погладил Нану. Но перед этим Моше удерживал часть своего веса на руках, а теперь он тяжело навалился на Нану, и его правое бедро придавило ей живот. Нана немного отодвинулась, чтобы ослабить тяжесть.

Поэтому Моше перестал ее гладить.

У Моше не очень-то получалось увериться в том, что он замечательный любовник. Его мучил еще один вопрос. Вопрос одновременности. Моше нежно поглаживал Нану и одновременно слушал, как она говорит: “Знаешь, по-моему, ты красивый, правда-правда”. К этой фразе Моше потом часто возвращался. Его тревожили эти “по-моему” и “правда-правда”. И вообще вся фраза тревожила.

Фраза Наны так тревожила его вот отчего. Она подразумевала, что в красоте Моше можно усомниться. Потому что, делая Моше комплимент, Нана допускала, что он внутренне не уверен в своей красоте. Ну и, конечно же, из-за Этого Моше был уже вовсе не уверен в своей красоте.

Может, такая реакция покажется вам не очень естественной. Моше тут выступает как невероятный педант. Услышь я слова, что Нана сказала Моше, они не поселили бы во мне неуверенность. Я бы не стал размышлять о подобных материях, целуя обнаженную грудь своей подружки. Но я не Моше. У нас разная психология.

Он дал своей левой руке потихоньку сползти ниже, мимо ее груди, и вниз по юбке. Потом он оттянул средним пальцем полоску ее трусиков,

чтобы просунуть под них указательный палец, между ног, и глубже. Этот сложный маневр с трусиками тоже не был невинной любовной игрой. Он был затеян по одной грустной причине. Эта глава просто переполнена грустными причинами. Хитрый Моше пытался оценить, хочет ли его Нана. Он оттягивал ей трусики, чтобы проверить, влажная ли она.

Увы, Нана не очень-то хотела Моше. Она была абсолютно суха. Вернее сказать, там был пот, но Моше рассчитывал найти в трусиках Наны совсем не эту влагу. И Моше сказал себе, что все эти игры с попытками распознать желание крайне жестоки. Особенно жестоки (думал он, оправдывая себя) они были потому, что он, Моше, тоже желал получить удовольствие.

Потому что все это время, гадая и угадывая, Моше чувствовал весьма удобное неудобство. У него стоял. Он хотел знать, собирается ли Нана раздеться догола, и если да, то когда. Моше был настоящим экспертом по своему пьяному члену. Он знал все его входы и выходы.

5

А Нана наслаждалась! Она погрузилась, и это правда, в какую-то отстраненность, она ощущала тоску. Абсент погрузил ее в тоску. Но тоска эта была сладкой, она была эротичной. Нана представляла себе, что вот-вот умрет. И ей это нравилось. Ей нравилось воображать свою смерть.

Все будут так по ней скорбеть, так скорбеть на ее похоронах.

Она знала, что картина, нарисованная ее воображением, далека от идеала. В идеале, методически фантазировала Нана, она должна быть в белом шелковом неглиже с кружевными фестончиками. И уж никак не обнаженной, фу, стыд какой. Ее фантазия была неидеальна. Мешала обнаженная грудь.

Самое главное — ей не нужно было прилагать никаких усилий. Нана плыла в блаженной апатии. Она существовала для прикосновений мужчины. Она находила удовольствие в смирении и в том, чтобы поддаваться жутким мужским желаниям. Это было ново.

И потому Нана вовсе не желала кончить. В тот вечер она не стремилась к оргазму. И от этого ей

стало легко.

Однако — что за постельный фарс! — Нана не учла, что Моше не в курсе ее фантазий. Она-то решила, что он в курсе. Она глядела на Моше, который глядел ей в лицо, и видела, что он озабочен. Он, похоже, знал, что она при смерти. Но Моше-то как раз и не представлял, что Нана умирает. В девятнадцатом веке. От чахотки. Откуда ему было знать? Откуда ему было знать, что истощенная туберкулезом Нана любит его из последних сил?

К тяжелобольной Нане можно было только прикасаться. Проникновение было невозможно.

Поэтому она решила изобрести новое удовольствие. Она сочувствовала Моше, сочувствующему ее страданиям, и хотела пожалеть его.

— Кончи мне в лицо, — простонала она.

Так возникла еще одна закавыка.

Она еще даже не захотела меня как следует, подумал Моше, и уже хочет все побыстрее закончить. Чтобы он спустил разок и завязывал со всей этой морокой. Значит, я все-таки был прав, подумал он. И расстроился. Его расстроило такое печальное подтверждение его мыслей.

— Правда? — спросил он.

И Нана кивнула в ответ — безмолвно, безнадежно, умоляя. Моше ничего не оставалось, как

подвинуться повыше, и его яички повисли между сплющенных грудей Наны.

Моше оседлал Нанин живот, согнув ноги по обе стороны ее грудной клетки с выступающими ребрами. Про себя он нервно хихикал. Он говорил себе, как важно оставаться невозмутимым. Он посмотрел на свой член. Член был красного цвета.

Нана смотрела на пурпурный член Моше. Она размышляла о том, что смерть так грустна.

Моше начал мастурбировать. Нана не могла оторвать глаз. Она глядела на его член. Моше смотрел на Нану, а она смотрела на его член. Член стал понемногу обмякать. Его добивал абсент. Но Моше не останавливался. Он пытался продолжать.

Потому что стоит только кончить — и все будет хорошо. Стоит только кончить, и двадцать четвертый половой акт Наны и Моше наконец закончится.

6

Мне жаль Нану и Моше. Наслаждаться сексом не так-то просто. Очень многие несчастливы в сексе. Трудности с сексом испытывают даже знаменитости, и даже кинозвезды. Грета Гарбо

находила секс трудным.

“Чтобы описать мое отношение к сексу, — говорила Грета, — хватит одного слова: смущение”.

Не думаю, что могла бы долгое время жить с мужчиной или женщиной. Мужчины и женщины привлекают меня, но когда дело доходит до постели, я боюсь. В любой ситуации мне нужна долгая стимуляция, прежде чем я смогу отдаться силам страсти и похоти. Но главное — это смущение, и до того, и после.

И вот почему Грета смущалась. Она не была в точности уверена, какой секс ей нужен. Она не знала, хочет она мальчика или девочку.

Много раз я мечтала о зрелом, опытном мужчине, обладающем энергией мальчика и изысканным обращением взрослого. Как это ни странно, я также мечтала о женщинах, годящихся мне в матери, которые могли бы стать идеальными любовницами. Эти мечты накладывались друг на друга. Иногда преобладал элемент мужественности, иногда женственности. Временами я даже не могла понять, какой. Я представляла женское тело с мужскими органами, или мужское с женскими. Эти картины, смешивавшиеся в моем сознании, иногда приносили мне удовольствие, но чаще боль.

Я вовсе не имею в виду, что причиной сексуальных проблем Наны была мучившая ее бисексуальность. И я не утверждаю, что Нана — это Грета Гарбо. Меня совершенно не интересуют объяснения Греты Гарбо сами по себе. Что интересно, так это суждение Греты о том, что объяснения в принципе возможны. Сколько утешения может принести мысль о том, что неприязнь к сексу можно объяснить. Человеку свойственно бояться показаться ненормальным. А рациональные объяснения позволяют считать себя нормальным. Но мне кажется, что таких объяснений может и не существовать в принципе. Мне кажется, что это — тоже норма.

7

В этой главе две части. Это неравные части. Первая часть была нерадостной. В ней описывалась неловкая, затруднительная ситуация. А вторая часть короче и радостней. Это пасторальная сцена. Созерцание мира животных.

Нана с Папой были в зоосаде. Какое-то существо вопило или ныло. Ныло-вопило. Возможно, подумал настроенный на удовольствия Папа, это ныло-вопит потрепанный лев, уткнувшийся в

свою лохань с водой и обрывками салата-латука, а может — скорее всего — какое-то совсем другое животное.

Папа довольно плохо разбирался в животном царстве.

Скорее всего, кому-то стало плохо, подумал он. Он скептически взглянул на пантеру и попытался решить, какого она цвета. Лавандового, цвета гелиотропа, пурпурного, бордового, цвета темной сливы, шоколадного? Может быть, даже табачного, подумал он.

А Нана обожала животных. Она любила их невозмутимость. Их уверенность в себе. В животных не было зла.

— Ой, смотри, обезьяна, — хихикнула Нана, — обезьяна!

— Она себя дрочит, — заметил Папа.

— Знаешь, за что я люблю животных? — спросила Нана. — За то, что они не умеют разговаривать.

— М-м-м, — сказал Папа.

— Как ты думаешь, — спросила Нана, — если бы у зверей была более питательная еда, им было бы лучше? Ну, у них бы тогда оставалось больше времени играть и думать…

— Ой, — сказала Нана, — прости, конечно же,

это глупо.

Они пошатались по зоопарку. Они разгуливали среди клеток и смотрели на белых медведей и пингвинов. У Наны открылось пристрастие к фисташковому мороженому. Они купили Папе фисташкового мороженого.

Нана рассказала Папе про свое последнее открытие: Эльзу Скиапарелли.

Вряд ли вы знаете, кто такая Эльза Скиапарелли. Про нее никто ничего не знает. Кроме Наны. Такая уж девушка была Нана.

Эльза Скиапарелли, сказала Нана, была модельером-сюрреалистом. Она ненавидела буржуазную страсть к украшательству. Она так ненавидела буржуазный вкус, что сделала черный джемпер с белым шарфиком, завязанным бабочкой. Шарфик составлял с джемпером одно целое. Он был подделкой. Поддельный шарфик был символом. Он выражал буржуазную фальшь.

— Честно говоря, я этого не понимаю, — сказала Нана. — Как-то это, ну.

И тут зазвонил ее телефон. Это был Моше. Нана беззвучно прошептала Папе, что это Моше. Папа улыбнулся.

Эта сцена вся состоит из улыбок. Улыбка — ее

лейтмотив. Очень похоже на заговор, подумала Нана.

— Привет-привет, — сказала она.

Слон в соседнем загоне заныло-вопил.

— Явзаапарке, — сказала Нана.

— Была, да, говорю же, — сказала она.

— В колледже, — сказала она.

— Нет, никто, — сказала она.

— Раньше никто, — сказала она.

— Моше, Моше! — сказала она.

— А ты што щас делаешь? — спросила она.

— Угу, угу, — сказала она.

— Нет, я в этом, ну, — сказала она.

Она улыбнулась и сказала:

— Да, да, буду. Позвони мне, да. Пока.

Говоря все это, Нана правой рукой подхватила свою сумочку, порылась в ней, достала блеск для губ, медленно открутила крышку кончиками пальцев левой руки, и намазала его на губы. Потом все повторилось в обратном порядке.

— Ладно, — сказала она и посмотрела на Папу. И спрятала телефон в сумочку.

— Это Моше, — сказала Нана.

— Я понял, — сказал Папа.

И они улыбнулись.

6. Они любят
1

Потом случилось вот что. Они были в "Клинике" на Джерард-стрит, в центре Чайнатауна. Они — то есть Моше, Нана и Анджали. Правда, Моше смылся вниз, к бару. И Нана осталась с Анджали. Они не смотрели друг на друга. Они покачивались под музыку, сонно, плавно. А внизу, у бара, Моше толкнула какая-то девушка. Он закрывал ей экран. На экране показывали рекламу. Девушка сказала, что она, кажется, должна быть в этой рекламе. Моше извинился и отодвинулся.

А в это время наверху, на танцполе, Анджали придвинулась поближе к Нане.

— Он как, ниче? Все намана? — спросила она. Ей пришлось вытянуть шею вверх и почти прижаться губами к аккуратным завиткам рядом с ухом Наны, дыша ей в розовую мочку.

— Че?

Анджали пришлось повторить свое движение и вопрос.

— А, да, — сказала Нана, — все в порядке. У него животик бобо.

— Что у него? — переспросила Анджали.

— Животик болит, — сказала Нана. — Пошел в уборную, наверно.

Анджали успокоенно кивнула.

Но Моше был не в уборной. Пока они разговаривали, он вновь прокрался наверх. Он бродил вокруг темной шумной толпы, делая вид, что кого-то ищет. Понятно, что никого он не искал. Он наблюдал за двумя своими ближайшими подругами. Но притворяться бесцельно бродящим было нелегко. Мешали случайные столкновения с незнакомцами, которые резко на него оборачивались, и Моше внутренне съеживался и извинялся. Это было вроде балета. А Моше вроде как танцевал сольную партию. Он распахивал свои большие глаза и сконфуженно разводил руками.

Балет давался Моше нелегко. Он решил спуститься обратно в бар.

Однако прежде чем он успел спуститься по узкой влажной лестнице со скользкими стальными планками на краю каждой ступеньки, ему встретилась парочка девушек, таких красивых и юных, прыгавших вверх в трипхоповом ритме, не замечая нашего героя. Моше пришлось ретироваться, взбираясь спиной вперед, так бы-

ло проще, и протискиваясь мимо туалета. Ему хотелось одиночества, свежего воздуха, да чего угодно, только не того, что было вокруг. Моше пробрался на балкон. Балкон был украшен черными коваными загогулинами и цветочками, пол замощен узкими ромбиками. Две девочки и мальчик, язвительный купидон и его ангельская свита, передавали друг другу косячок.

Моше снова спустился, мимо бара, мимо вышибал в дверях, и завернул в китайский ресторанчик на первом этаже “Клиники”.

2

В этом месте нашего рассказа очень важно недвусмысленно определить сексуальный интерес Анджали. Сексуальность Анджали может внести путаницу. Она поставила себе ультрамодную спираль “Марина” в клинике имени Мэри Слопс. У нее был как минимум один любовник. Обычно это говорит о гетеросексуальной ориентации. Кроме того, у нее была как минимум одна любовница. Обычно это говорит о гомосексуальной ориентации.

Так что Анджали была непостоянна. Она была девочкой равных возможностей. Ее мог заинте-

ресовать кто угодно. Но по большей части она была лесбиянкой.

Ну вот, я это сказал.

3

Пока Моше заказывал китайскую еду, наверху, в “Клинике”, Нана и Анджали танцевали. Поскольку больше танцевать было не с кем, они танцевали вдвоем. Притворяться парой было забавно. Нану это особенно смешило. Нана слегка приобнимала Анджали, и рука ее с удовольствием осязала непривычное. Анджали *такая красивая,* думала Нана. У нее свой стиль. Она вся — этот самый новый стиль.

Пока Нана раздумывала о стиле, Анджали занимали более практические мысли. Анджали хотелось писать.

— Схоишь со мной в туалет? — прокричала она Нане. — Заодно поищем Моше.

Нана сказала “да”. Но Моше там не было. Все кабинки были заняты, кроме одной. Прагматичная Анджали взяла Нану за руку и завела в кабинку. Она повернулась и, спустив одним движением штаны и трусики, села на унитаз, продемонстрировав безразличной усталой сладострастной

Нане темный пучок лобковых волос. Довольная Анджали наклонилась вперед. Нана оперлась плечом на стенку кабинки. От доносящихся из зала басовых вибраций ее кожа пошла мурашками. Она притворилась, что не слышит свистящей струйки Анджали. Как она рассыпается веером и стекает, журча. Она посмотрела на Анджали. Улыбка Анджали стремилась в бесконечность, сквозь разноцветные граффити. Потом Анджали встала, втянув живот, чтобы застегнуть брюки. Она взяла Нану за руку и вывела ее из туалета. Девочка с бесформенно распухшим носом и проколотой правой бровью, сквозь которую было пропущено серебряное колечко, одобрительно подняла другую бровь.

А в это время Моше, несимпатичный и никем не любимый, подносил палочки ко рту и рот к палочкам, поглощая острое чау-мейн из говядины. Он вытряхнул несколько капель темного соевого соуса из бутылки с красным пластмассовым колпачком. Так себе вечер. Перед ним висел китайский морской пейзаж неестественно ярких тонов; волны на пейзаже, казалось, двигались вечно. Он пытался ни о чем не думать. Он прочитал рекламную цитату рядом с меню, издеваясь, без удовольствия — “Мы уверены, что вы полу-

чите Такое же наслаждение, какое получили мы, когда выбирали для вас самые Лучшие продукты". Он не знал, зачем сидит здесь, в китайском ресторане, в час ночи. Он даже не был голоден.

Моше решил вернуться. Вышибалы в дверях смотрели на него с нескрываемым удивлением. Если выходишь, назад уже не впускают. Нужно платить снова. Нужно доплатить, потому что вход после одиннадцати стоит дороже. Страдающий Моше повернул было от дверей, но внезапно представил себе в деталях абсурдные сцены неописуемой близости между его подругами, нежность каждой ласки. И он передумал. Он заплатил немыслимую сумму в пятнадцать фунтов и устремился вверх по лестнице.

Как выяснилось, сцены в его воображении были не так уж абсурдны.

В баре Нана и Анджали разговаривали с девочкой. Я говорю "с девочкой", потому что имею в виду именно девочку. Ей самое большее семнадцать, подумал Моше. Просто она умудрялась выглядеть на сильно молодящиеся тридцать пять. Девочку звали Верити. Она была одета в порнографически выглядящий комплект из мужской сорочки и перекошенного галстука. Это просто кофточка, объяснила она потрясенному

Моше. Кофточка-галстук от Беллы Фрейд. Эдакий *trompe l'œil.*[5]

Верити была модной девочкой.

Она рассказала Моше, что такая кофточка — просто писк этого сезона. И еще кашарелевская коллекция от Клементс-Рибейро. Они придумали футболки с пришитой к ним дешевой бижутерией, блузки с нитками жемчуга, брюки с пришитым поясом из колечек, и все такое прочее. Оммаж Шанель, сказала она.

— Вроде, ну, как Эльза Скиапарелли, — сказала Нана, и Верити довольно улыбнулась.

Мне нравится Нана. Вы знаете, как она относилась к Эльзе Скиапарелли. Но она просто была вежлива. Ей хотелось быть доброй к этой одинокой девочке.

— Эт круто, — сказала Нана. Но Моше вовсе не казалось, что это круто. Ясно, что вы подумали. Вы подумали, что он просто ревнует. И вы правы. Но тут не только ревность. Моше был в печали. У него было особое отношение к девочкам типа Верити. Чтобы понять его, надо знать, где он вырос.

Моше рос на Рибблсдейл-авеню во Фрайерн-Барнете. Скорее всего, вы даже не слышали о

---

[5] Примечания: 5
Оптический обман (фр.).

Фрайерн-Барнете. Это дальний лондонский пригород, местечко на севере Северного Лондона. Оно находится посередине, между тем и этим. Иногда Моше называл Фрайерн-Барнет Хэмпстедом. Он врал. Иногда говорил, что рос в Хайгейте. Это тоже было не так. Фрайерн-Барнет — это Уэтстон, Саутгейт, Палмерс-Грин. Не слишком известные места, но именно они окружали Фрайерн-Барнет. И разгадка этой тайны вот в чем. Фрайерн-Барнет был не очень-то богатым районом. Он не сверкал великолепием. Богатые районы находились вокруг него.

Моше видел шикарных девочек. Он видел их в автобусах. Автобус номер 43, из Хайгейта и Масуэлл-Хилл в центр. Он узнавал их везде. Эти богатые маленькие девочки вызывали у Моше неожиданное чувство. Чувство печали. Моше романтизировал девочек вроде Верити. Они были такие маленькие и в то же время такие взрослые. Он видел в них трагедию разрушенной невинности.

— Знаешь, что меня беспокоит? — спросила Нана у Верити. — Все мои модные кумиры — мужчины.

Потом она спросила у Моше, куда это он пропал. Он сказал, что идет за шампанским. Анджали

принялась хохотать, потому что Моше, ну. Такой. Такой милый.

— Просто бродил тут, — сказал он. — Пойду возьму шампанского.

У стойки бара, среди озабоченных мальчиков и девочек, сжимающих в кулачках скрученные в трубочки двадцатифунтовые бумажки,

Моше почувствовал одиночество. Бар был слишком маленьким, чтобы вместить всех желающих. Места не хватило даже небольшому Моше. Вокруг царил Хаос. Моше упорно пробивался к стойке, потому что ему было грустно и одиноко, а грусть и одиночество провоцировали Моше к театральным жестам. Самое дешевое шампанское стоило шестьдесят пять фунтов. Он купил его. Конечно же, он купил его. И прихватил бокал для Верити.

В укромном уголке у эркера, на липких сиденьях из красной кожи, она рассказывала Анджали и ее прекрасной подруге печальную историю своей жизни.

— Мама умерла, — сказала она, — два года назад. Это было так ужасно. Но все стало хорошо, я начала ходить на лечение, ну, к этому доктору, и мне стало лучше. Два года к нему хожу, и мне так спокойно…

Все верно. Жизнь Верити была трагедией. Моше был прав.

4

Тут вечер стал еще хуже. Для Моше.

— Ой, — сказала Верити, — а у меня есть лишняя таблеточка. Можем закинуться. Хотите?

— Даже парочка есть, — сказала она, — отдам по пятере за штучку. — А Моше сказал:

— О нет нет нет нет нет, нет, не стоит. От этого депрессия, плохо потом.

Верити внимательно посмотрела на него.

— Я читал про эксперименты, — сказал он.

Внезапно Моше пожалел, что так жалел Верити.

— А че, давай, — сказала Нана.

— Мож, одну пополам? — спросила она у Анджали.

Потом она повернулась к Верити.

— Точно? — спросила она. — Поделишься?

— Ну, — сказала Верити, — да ради бога.

Нана развернула целлофановую обертку и положила ее на стол, потом аккуратно разломила таблетку на две половинки и положила одну на язык Анджали. Анджали довольно ухмыльну-

лась, а Нана забросила вторую половинку в свой улыбающийся рот.

Секс, наркотики, рок-н-ролл никогда не были для Моше смыслом жизни.

— Надоб водички, — сказал он. — Я принесу воды, щас принесу.

Он рассказал рисковым девчонкам о коварных происках безнравственных владельцев ночных клубов, которые выключают воду в кранах и продают минералку в маленьких бутылочках по сумасшедшим ценам. Это вопрос жизни и смерти, настаивал он. Рисковые девчонки улыбались.

— Слуште, нельзя пить алкоголь, — сказал он. — *Я* пойду принесу воды.

Он принес воды. Они пили алкоголь. Они сидели у окна. Нана, рядом с ней Анджали, потом Верити. Моше сидел с самого краю. Он втиснул свою напряженную ягодицу на край сиденья, стараясь не прикасаться к Верити. Ему не хотелось предстать в дурном свете.

По мнению Моше, мир стал слишком чувствительным к прикосновениям. И он снова прав.

Нана и Анджали медленно таяли, сплавляясь в девичью парочку. Нанина голова потихоньку склонялась к лицу Анджали. Она чувствовала себя маленькой девочкой, ей было тепло и уютно.

Ее окружал надежный мир.

Анджали такая красивая, думала Нана восторженно, потому что она меня обнимает. Анджали поглаживала ее открытый тугой животик. Нана трепетала от ее движений. Все ее чувства были приглушены. Поэтому, когда они коснулись друг друга носами, потом губами, потом поцеловались, все было естественно, все было хорошо, и Моше сидел рядом, и довольный смотрел на них, болтая о Фрайерн-Барнет. Поэтому Нана могла целоваться со своей лучшей подругой Анджали. Просто поцеловать ее. Нежно-нежно.

5

Неужели Нана только что стала лесбиянкой?

Конечно же, нет.

Это всего лишь поцелуй. Поцеловавшись с девочкой, девочка не становится лесбиянкой. У Наны были причины целовать Анджали, но это были не лесбийские причины.

Главная причина вот в чем. Как я уже говорил, Нане не очень легко давался секс.

Но не становиться же из-за этого лесбиянкой?

Тссс. Нет, Нана не лесбиянка. Но она совершенно не одержима сексом, не зациклена на нем.

И поэтому сексуальная зацикленность других людей всегда вызывала в ней интерес. Ее всегда интересовало, как другие люди занимаются сексом. Она хотела узнать, что они чувствуют.

Когда Нана поцеловала Анджали, она не рассчитывала на новое, неизведанное наслаждение. Ей просто было любопытно. Это был несексуальный интерес к сексу. Я понимаю, что тут Нана может показаться вам слишком эгоистичной, слишком поглощенной собой. Это будет очень несправедливо. Вывод об эгоистичности Наны — это вывод сексуального существа. Большинство моих читателей сексуальны, я это понимаю. Но Нана не была сексуальным существом. Она была непорочна.

Это существенная причина.

Тому, что душа Наны оставалась незамутненной, были еще две причины. От экстази она испытывала счастье. Это чувство приглушало ощущение порочности. Вторая причина была в том, что Моше был рядом. Он сидел рядом и болтал. Значит, Моше тоже был счастлив. Если бы Моше не был счастлив, ничего этого бы не было. Потому что тогда это была бы измена. Но какая же это измена, если он все видит?

И Нана поцеловала Анджали. У Анджали были

мягкие губы. Нежнее, чем у Моше.

А что думала Анджали? Уж не было ли у нее злобно-ликующих мыслей?

Конечно нет.

Так что же, Анджали тоже была непорочна? В некотором роде. Анджали не была непорочна в том смысле, в каком была непорочна Нана. Анджали была обычным сексуальным существом. Но Анджали пыталась добраться до сути. Она тоже не была эгоистична. Она думала о Нане и Моше. Она была счастлива от экстази. Она думала, если вообще о чем-то думала в этот момент, что этот поцелуй показал, как Нана с Моше любят друг друга. Показал, что этой парочке ревность нипочем. Чтобы успокоить вас, возьмем для сравнения меня. Это одна из дурных черт моего характера. Я могу быть жутким эгоистом. Знаю, в это трудно поверить, но все обстоит именно так. Это означает, что частенько я желаю чего-то только потому, что этого хотят другие люди. Я озабочен тем, что могу что-то упустить.

Но Анджали об этом совсем не думала. Мне легко понять подобный ход мысли, но у Анджали и в мыслях этого не было. Ею не двигали стяжательство и зависть. Она просто была счастлива. Она была счастлива, что ее друзья счастливы.

Ее радовало, что они влюблены. И это на самом деле было так. Все, что делали Нана и Моше, было из-за любви.

К примеру, когда Моше приуныл и нахмурился, Нана пролезла мимо Анджали. Она поцеловала Моше. Это был поцелуй-извинение, поцелуй от сердца. Моше было целовать гораздо приятнее. Потом она оторвалась от его губ и взглянула в его большие карие глаза лабрадора.

6

Я хочу прояснить ситуацию.

Анджали и Нана поцеловались. Больше они не сделали ничего сексуального. Но в конце концов они займутся любовью. Я вам это обещаю. И когда это произойдет, я вам расскажу. Надо только немного подождать. Пока можете считать, что они становятся все ближе и ближе друг другу. Они неразлучны. Все трое — Нана, Моше и Анджали.

Возможно, вас интересует, кто с кем живет. Этот момент становится важным. Поэтому я его проясню.

Сейчас они не живут вместе. Когда это произойдет, я вам расскажу.

7

Для начала посмотрим на все глазами Моше. Я собираюсь на время оставить всех остальных. Следующая часть моего рассказа, а она очень важна, не была единым событием. Она была серией маленьких событий. Многие из них не были даже событиями. Просто чувствами и ощущениями. Следующая часть истории — о мелочах.

Когда Моше пробуждался от его собственной разновидности изнурительного сна, он любил просто лежать и разговаривать с самим собой о политике, сексе, философии, искусстве. Особенно о сексе. В мыслях он полностью отдавался каждому из своих распутных желаний. Он ожидал в засаде первую пришедшую в голову идею — глупую или блестящую, неважно — и принимался следовать за ней, вроде беспризорников с Кэллироуд, следящих за прошедшей мимо девицей в кроссовках “Найк” без шнурков, со вздернутым носом и безжизненными глазами.

Разве кто-нибудь плохо себя вел? Вовсе нет. Ну какая же это измена, думал Моше. А если не измена, то нечего и ревновать. В конце концов, он был там, когда они поцеловались. Это было даже

сексуально. Надо признаться, ему понравилось. Мечта любого парня.

Моше строил собственную этическую систему.

Но что вызвало эти философские размышления? Отчего мальчик из Фрайерн-Барнет, сын любящей мамы по имени Глория, обдумывал вопросы добродетели? Иногда Нана, Моше и Анджали сидели на диване, укрывшись общим одеялом, смотрели видео и ели пиццу от “Гоу-гоу Пицца Кампани”. Анджали была в середине. В “Гоу-гоу Пицца Кампани” можно было заказать 14-дюймовую большую пиццу на выбор, плюс две порции чесночных тостов и ведерко мороженого “Хааген-Дазс” всего за 9 фунтов 99 пенсов, при условии, что заказ сделан до полшестого вечера. Пять вечера — довольно рано для пиццы, признавали они.

А бывало, что Анджали сопровождала их домой после посещения “Даб Клаба” в Финсбери-парк, и оставалась на ночь, потому что Нана и Моше не хотели, чтобы она тащилась в Кентиш-таун. То и дело Анджали после “спокойной ночи” перемещалась со своего дивана в спальню Моше и Наны, и они продолжали болтать. Она сворачивалась калачиком на постели, а Моше — на диване, и при этом он беспокоился, не слишком ли его

грудь в подобной позе напоминает женскую.

Как видите, все это трудно назвать событиями. Ничего примечательного. Но именно они были причиной философских размышлений Моше.

Месяцем позже, после целого дня, проведенного в “Эмбасси-баре” на Эссекс-роуд, они стояли на автобусной остановке. Нана грела руки в карманах брюк Моше. И когда Анджали с притворной скромностью упрекнула их за ласки в общественных местах, Нана ответила тем, что схватила ее руку и сунула ее в карман Моше. Шальная Анджали тут же нашла его член. Она сжала его в руке, пожалуй, даже слишком сильно, подумал возбужденный и быстро воспрявший Моше.

Тут пришел автобус.

Случались и короткие миги поцелуев. Иногда Анджали целовалась с Наной. Но они всегда целовали Моше. Поцелуи всегда включали его. Анджали и Нана не были — я повторю, не были — влюбленной парой. Бедный Моше был счастлив.

8

Счастливый Моше часто перебирал в памяти их общие с Наной привычки. Если он просыпался один, он вспоминал забавы Наны при пробуж-

дении. Он вспоминал, как Нана сворачивается калачиком и молчит. Как она машет ему рукой “привет”, не разжимая губ.

В душе она всегда следовала жесткой программе: целиком ополоснуться, волосы, два раза с шампунем, один раз с кондиционером, намылиться целиком, чуть наклониться, потереть между ног, собрать пену овальными шапками вокруг грудей, полуприсесть и потянуться назад, помыть меж ягодиц, снова ополоснуть тело, сшелушить кожу жесткими синими рукавичками из “Боди-Шопа” и, наконец, смыть все остатки с волос и тела. У ее кровати стояла открытка с репродукцией Тулуз-Лотрека, двое укрытых одеялом детей напоминали ей десятилетнего Моше и такую же Нану. Она часто щурилась, и он беспокоился и надоедал ей просьбами надеть очки, а она говорила, что все в порядке. Когда ей было грустно, она слонялась по городу в меховой русской шапке, которую кто-то забыл в гардеробе “Фри-дома” на Уордор-стрит.

Скопление всех этих мелочей так обременяло Моше, что временами он мечтал о невинности.

Но нет, думал он, у девственников тоже есть что вспомнить. Он хотел быть младенцем. Бессловесным младенцем. Моше перебирал свои

любимые фантазии. Он лежал и размышлял, можно ли считать фантазии привычкой. Потом он подумал, стоит ли вообще об этом думать, и решил, что не стоит. Он всегда представлял себе Нану и себя при свете дня, в комнатах со смятыми постелями и мягким дневным светом в редких пятнах зайчиков, на невозможно длинных выходных, попивающими минералку “Фосс”, разлитую прямо из артезианской скважины в бутылки, сделанные по дизайну Нила Крафта.

Он попытался представить себя без нее и не захотел этого делать.

Он вспоминал себя между ног у Наны, под Дюка Эллингтона, доносившегося из соседней комнаты. Синкопированный секс. Секс в стиле биг-бенда.

Они говорили о сексе. Секс их тревожил. Секс тревожил их каждый вечер. Моше предложил ей просто думать о том, что ее возбуждает. Он был раздражен.

— О чем ты думаешь, когда дрочишь? — спросил он. — На что ты дрочишь?

Нана потупила взор. Она не могла сказать этого.

— На тебя, — сказала она.

Это было, увы, правдой.

А к Моше фантазии приходили моментально. Ему приходилось сдерживать их. Он представлял Нану в школьной клетчатой юбочке, и как она рассказывает ему об уроках физкультуры. Она описывала ему упражнения на коне. И упоминала слово “стремена”. “Оседлай меня”, говорил ей Моше в своих мечтах. В другой раз он представлял Нану беременной. От этого он быстрее кончал. Часто ему приходилось абстрагироваться, отвлекать себя от деталей своих фантазий. Детали слишком его возбуждали. В одной, часто повторяющейся фантазии, Нана лежала в ванне, изогнувшись, и в прозрачной воде вокруг нее плавали золотые рыбки. Нана посыпала кормом свои мягкие волосы на лобке, и они тыкались в нее, заглатывая корм, а Моше смотрел на них, положив подбородок на холодный край ванны.

Когда Нана вставала рано и шла на лекции, и Моше оставался один, он брал в руки роман Луизы Бэгшоу, который Анджали получила в нагрузку к журналу “Кампани” и забыла у него дома. Моше находил в романе сексуальные сцены. Книга уже сама собой открывалась на нужной странице. Он шлепал в туалет за рулоном туалетной бумаги. Затем, удобно расположив на кровати четыре подушки и развалившись на них,

он начинал мастурбировать. Самый любимый его отрывок описывал, как девушку, мечтавшую пробиться в музыкальном шоу-бизнесе, трахают стоя, прижав к кирпичной стене. Описание было кратким, но ярким. Ему нравился стиль Луизы Бэгшоу. Кончив, Моше расслабленно лежал, давая лужице спермы остыть на животе, пока она не начинала стекать неприятными струйками по бокам. Обычно он забывал убрать туалетную бумагу. Нана приходила домой и поддразнивала его. Многих шокирует, что мальчик, у которого есть девочка, занимается мастурбацией. Но это так. Мастурбируют все. Моше был тому ярким примером. Это не значит, что его часто можно было найти в постели, прижавшимся спиной к изголовью в характерной позе. Только время от времени.

Иногда Моше вспоминал, как Нана по-мальчишески стояла над унитазом и подстригала волосы на лобке кривыми маникюрными ножницами из бутсовского набора, который Папа подарил ей на Рождество. Иногда он весь день носил ее трусики, наслаждаясь теснотой тонких кружев.

Однажды Моше представил себе, как Нана лижет Анджали сзади, но это показалось ему слишком извращенным. Через край.

Он перебирал ее любимые блюда. Она любила пурпурные побеги брокколи. Она любила розовый сасими из лосося, и ела его судорожно, часто наклоняя голову к палочкам. Его восхищало ее хладнокровие в ресторанах. В нем была сексуальность. В нем было очарование. Она позвонила ему из “Плюща”, спокойная, бесстрастная, Папа не смог прийти, Моше, может, ты?

И Моше, у которого не было гладильной доски, ползал по кафельному полу ванной, отглаживая свою единственную рубашку, чертыхаясь, дергая утюгом и снова чертыхаясь на цементные вмятины между плиток.

Он обожал ее. Он обожал в Ней все. Он любил даже выходные дома у Папы.

В такие дни он сидел в оранжерее и листал старый номер журнала, ну, скажем, “Риски для профессионалов”. На этажерке лежала толстая стопка журналов. Лакированное красное дерево этажерки скручивалось петлями и завитками. В ней было что-то от кренделя. Моше перелистывал “Риски для профессионалов”. На развороте была реклама Цюрихского бюро финансовых услуг. “Строить отношения, решение за решением”. Это был их слоган. Ниже — цитата из Уильяма Хэзлита: “Пройдя по дороге, узнаешь о ней больше,

чем из любых описаний и догадок". Под цитатой маленькая фотография потрепанных чемоданов. На противоположной странице красовалась глянцевая фотография пыльной тропы. Садилось солнце. Свет подернулся дымкой печали по уходящему времени. "Годы нашего опыта помогут вам в вашем пути", деловито гласил заголовок.

Это последняя утопия на свете, счастливо думал Моше, разглядывая фотографии на пианино — немного заляпанный вид на озеро Леман, бегущая за бабочкой Нана.

Моше прочел лиловый листочек, вложенный в "Риски для профессионалов", извещавший о деловом завтраке в Британской ассоциации банкиров на тему "К снижению опасностей экстремизма":

С приходом глобализации крепнет и совершенствуется голос антикапитализма. Терроризм и экстремистская ментальность требуют от нас стратегического планирования, предусмотрительности и разработки цельной культуры, направленной против атак подобного типа. Без такой подготовки эффективное противодействие будет невозможно.

Моше обожал все это. Он обожал Нану.

Он пытался представить себе, как это — любить его. Это было невообразимо.

Иногда он лежал и думал о любви втроем. Но он не мог припомнить ни одной знаменитой троицы любовников. Это было странно. Он вспомнил фильм “Жюль и Джим”. Но мысль была недолгой, потому что Моше ни разу его не видел.

9

Но нам ничто не мешает поразмыслить про “Жюля и Джима”. Это фильм Франсуа Трюффо. Из всех персонажей нашего романа (кроме меня, а я не персонаж) только Папа видел этот фильм. Фильм Франсуа Трюффо “Жюль и Джим” был снят по роману Анри-Пьера Роша “Жюль и Джим”. Папа, большой поклонник фильма, умудрился получить английский перевод романа — “Классической французской любовной истории” — в сентябре 1983 года. Книгу прислали ему бесплатно, с наилучшими пожеланиями от журнала “Опшнз” и издательства “Паванн”.

Франсуа Трюффо сказал, что, прочитав роман, он понял, что это случай сделать в кинематографе нечто новое. Он нашел сюжет, радикально отличавшийся от сюжета любого другого фильма. До тех пор в любом фильме были хорошие персонажи, которые нравились публике, и плохие

персонажи, которых публика не любила. Просто и недвусмысленно.

А в “Жюле и Джиме” у публики не получится выбрать любимого главного героя, потому что ей придется полюбить их одинаково сильно. Каждый из трех центральных персонажей в чем-то хорош и в чем-то плох. Вот этот-то элемент, который он назвал “антиселективностью”, больше всего зацепил Трюффо в сюжете “Жюля и Джима”.

На самом деле мне не кажется, что в фильме “Жюль и Джим” так и происходит. Мне лично никогда не нравилась героиня Жанны Моро. По-моему, она абсолютно эгоистична и непривлекательна. Но мне нравится ход мысли Трюффо. Мне по душе его идеал.

Моше задремал. Он слушал деловой шум города. Он дал Финзбери свое благословение. Он благословил всех еврейских бездельников.

Дружба Жюля и Джима не дала им равенства в любви. Они примирились со своим несходством. Все звали их Дон Кихотом и Санчо Пансой.

Везде какая-то двойственность.

10

А что же Нана? Была ли она счастлива? Неужели это и было тихое семейное счастье?

Постойте. Пока ничего не случилось. Две девушки пару раз поцеловались, вот и все.

Конечно же, это было тихое семейное счастье.

Как-то вечером, в постели с Моше дома в Эджвере, Нана смотрела на три открытки с Миффи, которые повесила над сосновым икеевским письменным столом, когда ей было десять лет.

На них были:

Миффи, разглядывающая картину Мондриана (как ее представлял художник).

Миффи, заглядывающая в заснеженное окно.

Миффи, сидящая на желтом полумесяце среди желтых звездочек на темно-синем небе.

Над открытками висел плакат со слоном Бабаром в зеленом костюме и с котелком, уютно зажатом в игривом хоботе.

Такие вот декорации.

Она думала, что это и есть тихое семейное счастье. Это и было тихое семейное счастье. Нана была счастлива.

В этот вечер она была особенно счастлива,

потому что в этот вечер ее звали Бруно. Вы не ослышались, Бруно. А что по этому поводу думал Моше? Вернее сказать, не Моше. В этот вечер в постели у Моше тоже было другое имя. Нана окрестила его Тедди.

Ясно?

Нана — Бруно. Моше — Тедди.

Нана была счастлива. Девочка, которую пугал секс, сражалась со своими страхами. Она придумала свой собственный сценарий. Нана вступила на путь извращений.

Извращений?

Да, пожалуй, это извращение. Если двадцатипятилетняя девочка притворяется в своей детской спальне десятилетним мальчиком, это грязно, без спору. Может, даже слишком грязно. Может, секс не должен терять связи с реальностью. Смешной секс несексуален. Он сбивает с толку. Моше был совершенно сбит с толку. Бруно сказал Тедди, как ему нравятся его нежные руки и как прекрасна их припудренная тальком гладкость. А прозаичный, лишенный воображения Тедди ответил, что они так нежны, потому что он моется Е45 вместо мыла. У него экзема. При экземе мыло нельзя.

Моше не удавалась эта фантазия. Он не знал, что следует говорить.

Моше, Бруно, Тедди и Нана слушали шум дождя.

— Люблю слушать дождь с тобой в постели, — сказал Бруно своему лучшему и самому близкому другу Тедди, переворачиваясь на другой бок. Она свернулась калачиком в своей хлопковой пижамке в яркую полосочку. — Ты таакой миленький лапочка.

Это все фантазия. Сейчас я подробно растолкую фантазию Наны. Тедди и Бруно учатся в первом классе. Но они не учатся в одной школе. Они получают образование в разных школах. Но на выходные они снова могут встретиться и поболтать. Они болтают и, пока болтают, притворяются, что им не надо разлучаться или играть с другими мальчишками. Нет, что бы ни происходило в школе, они всегда ждут только этих выходных. Они преданы друг другу. Тедди и Бруно привыкли к роскоши общения, они лучшие друзья. Они *родственные души.* Такая вот фантазия. Такая вот история. Тедди читал Бруно “Маленького принца”. Нана настаивала, что Тедди и Бруно были непослушными детьми, и читали в темноте, светя себе фонариком под одеялом. Что это, инфантилизм? спрашивал себя Моше. А если и да? Его это не слишком беспо-

коило. Его радовало, что Нана счастлива. Ему нравилось, когда Нана сексуальна.

По крайней мере, Моше предполагал, что дело дойдет и до секса.

А Тедди разговаривал с Бруно. Он сказал Бруно, что ему трудно заснуть. Воспитательница беспокоится за него. Он ложится спать и слышит громкие удары своего сердца. И еще астма. Трудно дышать, приступы удушья, это называется астма. Тедди поведал Бруно, что каждый раз, когда он пытается уснуть, он представляет себе, что играет в крикет. Звучит глупо, но это так. Он стоит с крикетной битой. Абсолютно реальное ощущение. Ему кажется, что он стоит у черты и бьет битой по отметине, раз за разом, как по телевизору. Кровь стучит в ушах. Моше замолк.

— Это просто тревожный сон, — сказал Бруно срывающимся голосом.

Бруно был развит не по годам. Ему еще и восьми нет, а уже читал Фрейда.

Они лежали в бывшей детской, рядом с ящиком, полным игрушек. В ящике лежал немного помятый кивер с длинным искусственным мехом. Нана получила его за храбрость, когда ей пришлось накладывать швы на лбу. Все Нанины музыкальные аттестаты Объединенной Комис-

сии — фортепиано и флейта, с первого по восьмой класс — висели в рамочках на стене. Рамочки были пластиковые, часть из них с позолоченными рельефными завитками, часть простые.

— Помнишь, — сказал Тедди, — как скатываешься с дивана спиной на подушки, и у тебя как будто исчезает живот?

Нана взглянула на плечи Моше, покрытые редкими тонкими волосками. Ее груди сплющенными овалами свешивались на один бок.

— Ты в порядке? — спросила она.

И Тедди, исполняя внутреннюю арию любви, страсти и всепоглощающего желания, прошептал:

— Сеарашо.

Он откинулся на спину, потом уронил голову на бок в ее сторону. Два его подбородка потерлись друг о друга. Он поцеловал ее. Она поцеловала его.

— Классно, — сказала Нана. — Если тебе классно, значит, классно.

Глядя с улицы, стоя рядом со спящим полисменом, в неясном свете уличных фонарей, вы бы ничего не увидели. Вы бы не увидели, скажем, Нану в расстегнутой пижаме, и открывшийся изгиб ее левой груди. Нет. Вы увидели бы спальню,

Вы увидели бы свет лампы. Вы увидели бы тихое пристанище.

Тихое семейное счастье.

Как, думал Моше, как можно от этой нежности перейти к разврату?

Все было сложно. Они не были маленькими мальчиками. Они не были голубыми. Разврат, в данных обстоятельствах, был практически невозможен. У них не было опыта в детском мальчишеском сексе.

— Можно мне тебя потрогать? — спросил он. Потому что Тедди и Бруно, в конце концов, были голубыми. — Хочешь, я тебя потрогаю?

Моше положил свою руку туда, где должен был быть крошечный член Бруно.

Нана прижала его руку. Она прижала ее к себе.

— О нет, — сказала она.

Когда первоклассник говорит “нет”, это значит “да”.

11

Представляю, как вы озадачены. Возможно, у вас куча вопросов. Почему они не пеняют друг другу? Почему не желают отношений попроще? Почему Моше подыгрывает ей с Тедди и Бруно?

И почему он не жалуется на флирт Наны с другой девочкой? Почему, наконец, Нана не жалуется на то, что Моше никогда ее не ревнует?

Они не жалуются на судьбу, потому что жаловаться нелегко. Они не жалуются, потому что с радостью идут на компромисс. Нытье для них хуже компромисса.

Я знаю, вас этим не убедишь. Моих резонов недостаточно. Где реализм? спросите вы. Где скрупулезный подход европейского романа? Где правда жизни Бальзака и Толстого?

Возьмем еще одного европейского романиста. Я расскажу вам об одном эпизоде из жизни Михаила Булгакова. Булгаков писал пьесы и сатирические романы в сталинской России.

28 марта 1930 года Булгаков написал письмо Правительству СССР.

12

После того как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет.

Сочинить “коммунистическую пьесу” (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться

к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался.

Моя цель — гораздо серьезнее.

Я доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы ЕДИНОДУШНО И С НЕОБЫКНОВЕННОЙ ЯРОСТЬЮ доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать.

И я заявляю, что пресса СССР СОВЕРШЕННО ПРАВА.

ВСЯКИЙ САТИРИК В СССР ПОСЯГАЕТ НА СОВЕТСКИЙ СТРОЙ.

Мыслим ли я в СССР?

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ

ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ.

Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности.

13

Но, скажете вы, это ведь совершенно другое дело. Булгаков жил при Сталине. Какая, спросите вы, связь между смелым пафосом письма Булгакова и отношениями Наны и Моше? Не стану же я утверждать, что отношения Наны, Моше и Анджали напоминали жизнь под гнетом сталинизма. Флирт втроем — это никакой не сталинизм.

Ну да. Не сталинизм. Если сталинизм означает тоталитарную агрессию, то это, конечно же, не сталинизм. Но в 1930 году Сталин не был сталинистом. Он был довольно дружелюбен. По свидетельству одного из тайных информаторов, Сталин позвонил Михаилу Булгакову.

— Это товарищ Булгаков? — спросил голос в трубке.

— Да, — ответил Булгаков.

— Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

Булгаков был уверен, что это чей-то розыгрыш, но терпеливо ждал. Он рассматривал рукав своей коричневой вельветовой кофты. На рукаве было жирное пятно с прилипшим кусочком лука. Он попытался стряхнуть лук, но не смог. Лук прилип. Он отковырнул его ноггем.

Через две или три минуты из трубки послышался голос. Это был голос Сталина.

— Извините, товарищ Булгаков, что я не смог отреагировать на ваше письмо раньше. Я был очень занят. Меня заинтересовало ваше письмо. Я бы хотел с вами побеседовать. Не знаю, когда нам удастся поговорить, потому что я крайне занят. Но я вам сообщу, когда мы сможем встретиться. В любом случае, мы постараемся помочь вам.

Это был Сталин.

Информатор подумал, что Сталин совершил блестящий агитационный ход. Согласно этому агенту — назовем его Игорем — все говорили: “Сталин — выдающийся человек, и — представьте себе — такой простой и доступный!” Игорь сообщал, что популярность Сталина достигла необычайных высот. О нем говорили с искренним теплом и любовью и пересказывали легендарную историю письма Булгакова. Ее рассказывали в каждой пивной.

После телефонного звонка Булгаков получил работу в Московском Художественном театре. Он больше не печатался. Он был недоволен режимом. Он сопротивлялся. Но звонок Сталина ставил его в безвыходное положение. По-моему, эти две ситуации — Сталин с Булгаковым и Моше с Наной и Анджали — очень похожи. На первый взгляд, это может показаться невероятным, но это так. Если вы обратили внимание, в этой книге меня не интересуют такие мелочи, как история СССР. Я не хочу писать о столь ограниченных вещах. Нет, меня интересует доброжелательность. Так что если рассматривать сталинизм как тоталитарную агрессию, то сравнение Наны, Анджали и Моше со сталинизмом может только рассмешить. Но если сталинизм означает вежливость, тогда мы видим очевидное сходство. Назовем эту разновидность сталинизма “телефонным сталинизмом”.

Телефонный сталинизм означает использование доброжелательности как метода принуждения. Принуждения к компромиссу.

Каждый из нас иногда становится телефонным сталинистом.

В терминах доброжелательности я не нахожу никакой разницы между поведением Наны и

Булгакова, Моше с Анджали и Сталина.

14

Анджали вошла в гостиную Моше. Нана лежала на диване, завернувшись в одеяло. У нее был выходной. Она смотрела утреннее ток-шоу Триши. Она смотрела Тришу, глядя в потолок. Она глядела в потолок, потому что раздумывала над заглавием передачи: “Мой приятель заставил меня стать стриптизершей, а теперь запрещает мне танцевать”. “Эротические танцы” не казались Нане эротическими. Когда Габриэль, длинноволосая блондинка с толстыми короткими ножками, одетая в блестящие красные стринги и лифчик, стала извиваться под музыку на коленях аплодирующих мужчин, Нана отвернулась. Это было не эротично, это было грустно. Она подняла глаза к потолку. Мягкий голубой отсвет. Она задумалась, почему бледно-белый не кажется бледнее бледно-голубого. Почему они кажутся одинаково бледными. Вот каков был ее интерес к эмоциональным эффектам от занятий стриптизом.

Анджали свернулась клубочком рядом с ней. Она смотрела Тришу. Ее нравилась стриптизерша. Она ушлая, подумала Анджали. Ей не

понравился приятель танцовщицы. Особенно его накладка.

— О боже, — сказала Нана отрывисто.

Он действительно носил накладку. Приятель был отвратителен, согласилась Нана.

15

Отношение Анджали к их веселому трио — хотя пока это было не совсем трио — было двойственным. По большей части все это было печально. Для Анджали любовь была возможна только парой. Третий всегда лишний. С другой стороны, иногда ей нравилось быть лишней. В этом было что-то расточительное.

Анджали раздумывала о парах, пока снималась в рекламе присыпки “Джонсонз Бэби”. Анджали была партнершей Энн Робинсон. Рекламный ролик снимался на гребне популярности Анны. Завоевав популярность как ведущая программы “Слабое звено”, Энн построила и рекламу в формате своей программы. Ролик для присыпки “Джонсонз Бэби” был сделан как пародия на программу “Слабое звено” для младенцев. На синих пластиковых стульчиках восседали четыре младенца. Энн Робинсон задавала им

жесткие вопросы о комфортности и удобстве “Джонсонз Бэби”. Анджали была голосом одного из младенцев, девочки. Она озвучивала ее гуканье. Младенцы выбывали один за другим, девочка Анджали осталась последней. Она была Самым Сильным Звеном, потому что предпочитала присыпку “Джонсонз Бэби” всем остальным присыпкам.

В конечном счете Анджали мечтала стать половинкой пары. Она хотела, чтобы люди подписывали поздравительные открытки “Анджали и”. Анджали и Анушке. Анджали и Зебеди. Второе имя — не самое главное. Мы будем приглашать знакомых на барбекю, думала Анджали. Барбекю, казалось, были целью жизни Анджали.

Это несложно объяснить. Анджали расстраивали мысли о парах из-за ее бывшей подружки Зоси. Неделю назад Анджали узнала, что Зося и ее подружка, с которой они были вместе три месяца, соединили свои жизни в трогательной и нежной церемонии на побережье Коста-Рики. Они поженились в импровизированной хижине из стеблей ямса.

Ах, Анджали, Анджали, что с тобой сделала Зося! Из-за нее ты мечтаешь о барбекю. Твоя бывшая женится в Коста-Рике, и ты тут же хочешь

выйти замуж.

Когда Анджали была моложе, она презирала саму идею парного брака. А ее маме пары нравились. Она была всей душой за семью. Поэтому мама не всегда получала удовольствие от их еженедельной семейной поездки в кинотеатр “Бель Вью” в Эджвере. Эти поездки не всегда были приятными. Они не всегда заканчивались гетеросексуальной свадьбой в финале. Иногда любовь в фильмах представала трагической силой. Она представала грандиозной и разрушительной.

Но все-таки Анджали и ее мама были разные. Им нравились разные фильмы. Например, любимым болливудским фильмом Анджали был свеженький “Девдас”. “Девдас” — самый дорогой болливудский фильм всех времен. В финале невероятного сюжета главный герой умирает перед дверью своей первой, единственной и неразделенной любви, которую играет бывшая Мисс Мира Аишварья Раи.

“Девдас” был любимым фильмом Анджали. Ей нравились болливудские финалы. Ей нравился их трагизм. Ей нравился их ослепляющий стиль.

Может быть, мне следует быть поточней. Анджали в конечном счете не так уж сильно отличалась от своей мамы. Она думала, что отли-

чается, но это было не так. Их обеих захватывала идея идеальной пары. Просто мама Анджали признавала таковыми только женатых. Анджали не делала подобного ограничения. В этом вся существенная разница между ними. Анджали любила болливудские финалы, потому что они были романтичны. Мама Анджали была романтична и потому не любила болливудские финалы.

16

Нана знала, что Анджали чувствует себя лишней. Она знала, что Анджали чувствует себя частью фона в романе Наны и Моше. Нане не нравилось, когда люди вокруг нее чувствовали себя лишними. Она хотела, чтобы все были счастливы. Нана не была эгоисткой. Она была главной героиней.

Нана поднялась и села, обняв колени. Она прислонилась к Анджали, но одеяло, в которое была закутана Нана, мешало ей, и она еще немного приподнялась, прижавшись к Анджали. Потом Анджали повернулась к ней. Нана взглянула в карие глаза Анджали. Ее лицо медленно опустилось к ним.

Нана поцеловала Анджали, легко укусив или

ущипнув губами ее губы, потом отпустила. Воцарилось тихое замешательство.

Откуда это замешательство? Нана и Анджали время от времени обменивались легкими девичьими поцелуями. В этом не было ничего необычного. Отчего же они смутились?

Они смутились оттого, что каждый раз, когда Нана и Анджали целовались, рядом был Моше.

Но до того, как Нана поцеловала Анджали в этот раз, укусив или ущипнув ее губы, она даже не думала о том, что все их предыдущие поцелуи происходили под наблюдением. Когда она это поняла, было уже поздно.

17

Моше не было в гостиной в Финзбери, потому что он был в тренажерном зале бассейна “Кэлли”. Он репетировал. Он укреплял свое тело актера.

Его карьера была на подъеме. Ему предложили главную роль в театре “Три колеса” в Килберне. Он играл Слободана Милошевича в новой пьесе Ричарда Нортона-Тейлора под названием “Миротворческие силы”, основанной на первых протоколах Трибунала ООН по военным преступлениям в бывшей Югославии.

Моше нравилась роль Милошевича. Слободан был нытик. Моше легко мог идентифицировать себя с ним. Слободан был гением комедии. У него был дар повтора. Выжимая плечевыми мышцами тридцатикилограммовый груз пятнадцать раз, Моше вспоминал строчки своего любимого монолога из “Миротворческих сил”.

“Мне приходится вставать в семь часов утра, к восьми я уже готов к перевозке в зал суда, а обратно возвращаюсь не раньше шести вечера, так что с шести до восьми тридцати — единственное время, когда я могу поговорить по телефону, поэтому я не в состоянии использовать положенные мне, как и каждому заключенному, ежедневные два часа прогулок на свежем воздухе, и мои охранники также жалуются на нехватку свежего воздуха”.

Вас может удивить, что репетируя главную роль в судебной драме, Моше уделял столько внимания тренажерам. Но это просто объяснить. Я немного стесняюсь об этом рассказывать, но все же скажу. Моше был взволнован. Он представлял свои портреты в воскресных журналах. Фотографии в “Хелло!” и “Хола!”. И ему казалось, что его тело не слишком фотогенично. Недостаточно мускулисто и рельефно. Робкий и тщеславный

Моше качал мускулатуру на Каледониан-роуд.

18

А в это время в замызганной части Финзбери происходило вот что. Нана думала о запахе Анджали. Анджали пахла так же, как Нана, но по-другому. А вообще ее запах больше походил на запах Наны, чем на запах Моше.

Анджали и Нана могли сравнивать свои запахи, потому что были очень близко друг от друга.

Анджали держала лицо Наны в своих ладонях. Ее первый неуверенный поцелуй пришелся на нижнюю губу и верх подбородка Наны. Потом Анджали поцеловала ее снова. Она провела рукой по шее Наны, широко расставив пальцы. Потом свела их вместе и коснулась языком губ Наны.

Они замерли.

В это время женщина из аудитории ток-шоу — Триши спросила приятеля танцовщицы, почему он не хочет, чтобы она танцевала — теперь, когда он получил от нее, что хотел. Триша согласилась, что это главный вопрос. Суть дела, так сказать.

Но Анджали и Нана больше не смотрели Тришу. У них было дело поважней.

Когда среднестатистическая гетеросексуальная

или гомосексуальная пара занимается сексом, то лишь в очень редких случаях они приступают к сексу сразу же после первого поцелуя. Сразу переходить к сексу было бы невежливо. Надо немного подождать. Ожидание означает, что пару связывает не только секс.

Нана и Анджали не были среднестатистической парой. Они были тайной парой. Они были тайными любовниками.

Когда целуются тайные любовники, переход к сексу обычно не заставляет себя ждать. Это потому что у тайных любовников гораздо меньше уверенности. И гораздо больше риска. Тайно поцеловавшись, трудно удержаться от немедленного секса. Сразу не перейти к сексу было бы невежливо. Надо показать друг другу, что у вас серьезные намерения.

Нана и Анджали не были даже среднестатистическими тайными любовниками. Они были непредумышленными тайными любовниками. Это наполняло секс еще большим социальным значением. Они только что втайне поцеловались — значит, страсть должна захватить их. Они только что случайно втайне поцеловались — значит, они все еще просто подруги.

Они снова замерли.

Потом Анджали вытянулась на диване, уложив Нану рядом с собой. Она чувствовала под собой через одеяло что-то вроде журнала или большой книги. Ее это не волновало. В то время как Нана думала про себя, *вот он какой, лесбийский секс.* Сейчас она в первый раз попробует лесбийский секс. Это следует запомнить. Комната была бледно-голубой. Сейчас она попробует лесбийский секс.

В этих делах Нана была новичком.

Вот в чем выступали участники этого варианта полового акта. Нана была одета в футболку Моше с надписью “Саутворкский Драматический 1998”, что было, считала она, весьма дерзко. На Анджали были белые трусики-стринги от “Маркс-энд-Спенсер”, белый атласный лифчик от “Маркс-энд-Спенсер” с набивкой (да, да, Анджали была слегка недовольна своей маленькой грудью), прикрытые сверху кремовым платьем-рубашкой от “Френч Коннекшн”.

Эти сведения — не лишние. Ну, скажем, не все.

Нану беспокоили две вещи. Во-первых, Моше. Она тревожилась о том, как рассказать ему все это и как объяснить. Она и правда не представляла, как это объяснить.

Это была главная забота Наны. Но эта забота

была так естественна, что Нана попыталась не думать о ней. Проблема не имела решения. Вместо этого она сконцентрировалась на второй проблеме. Она была более практической. Нана до смерти боялась разочаровать Анджали. Она хотела быть эротичной, но эротика не была ее сильной стороной. Нана боялась секса, боялась очередного разочарования.

Дабы не показать Анджали свой страх, Нана решила прекратить прелюдию. Прервать первые ласки, думала она, значит, показать свое неукротимое желание. Только привыкшие друг к другу, уже немного остывшие любовники исполняют этот ритуал легких касаний и поцелуев. Нана и Анджали были дикими и пылкими любовницами.

Нана провела рукой вверх по правому бедру Анджали и просунула ее под узкие трусики. Анджали хотела ее! У нее там все было мокро! Нана легко-легко коснулась Анджали, она притронулась к ней кончиками пальцев. И Анджали взяла ее за запястье и отвела ее руку.

Нану поставили на место. Она только училась всему. Но она также была очень проницательна. Не стоит беспокоиться, подумала она. Анджали не возражала. Она просто немного успокаивала

свою новую партнершу. Некоторое время они просто лежали и неторопливо целовались.

Но потом, когда рука Анджали принялась касаться, гладить, потирать и проделывать с Наной всякие штуки, случился новый переломный момент. Нана, довольная ходом событий, очень возбудилась. Она повторяла про себя слово “безумный”. Все так необычно. Это настоящий секс, подумала она. И повторила свой первый сексуальный жест. Нана провела рукой вверх по правому бедру Анджали и просунула ее под узкие трусики.

Стринги Анджали обвились вокруг пальца Наны, зацепились за него, пока другой ее палец нырял глубоко внутрь. От этого пальца Анджали была на верху блаженства. Ей было бы еще приятнее, если бы она лежала в другой позе. Она лежала прогнувшись, напрягая все тело. Натянутые стринги врезались ей в анус, или в промежность — черт с ней, с анатомией, думала Анджали, какая разница, все равно больно. Но Анджали слишком распалилась, чтобы объяснять Нане, что та делает ей больно. Она просто хотела кончить. Это было серьезно. И Анджали ничего не сказала.

Бля, больно-то как, думала Анджали. О нет,

нет, это все неправильно, о нет, думала Нана, вспоминая Моше.

Анджали, отчаявшись, сорвала трусики правой рукой, потом снова опустилась на диван. Она спустила их ниже ногами. В конце концов они оказались на левой ступне. Трусики свисали с левой ступни. Нана продолжала ее ласкать. Глядя в закрытые глаза Анджали, Нана ласкала ее. Как прекрасно, думала Нана. Анджали напряглась и выгнула спину, потом стала тяжело дышать, а Нана была счастлива. Она разглядывала Анджали снизу. Прямо над лобком у нее была блестящая родинка.

Потом Анджали кончила.

Она посмотрела на Нану. Она посмотрела на свои трусики, свисающие с левой ноги. Анджали хихикнула.

Я вам обещал сказать, когда это случится. Ну вот. Нана и Анджали только что занимались сексом.

19

Довести друга до оргазма — это то, что я назвал бы социально затруднительной ситуацией. Нана смотрела на Анджали сверху вниз. Подбородком

она опиралась на макушку Анджали. Но главная трудность ситуации была не психологической. Нет. Нана чувствовала себя физически неловко.

Она опиралась подбородком на макушку Анджали, и поэтому ее рот был закрыт. Она дышала через нос. И что тут такого? спросите вы. Дело в том, что у Наны был заложен нос. Ей было трудно дышать.

Нане надо было немного поковырять в носу.

Крадущимся движением она тихонько подняла руку с теплых волос Анджали к своему склоненному лицу. Она наклонила голову еще сильнее, довольно постанывая в ухо удовлетворенной Анджали. Потом Нана зачерпнула мизинцем козявку из носа, коротко взглянула на нее — блестящий от слизи изогнутый червячок засохшей крови — и неспешно провела рукой вниз по телу Анджали. Идея была в том, чтобы поглаживание выглядело вялым, обессиленным. Ее мизинец был отставлен в сторону, как бы демонстрируя надлежащий способ держать чайную чашку из дельфтского фарфора. Потом Нана, словно отчаявшись, уронила руку с края дивана и тщательно вытерла мизинец снизу о деревянную раму.

Вот так Нана справилась с первым последствием своей неверности.

20

Разумеется, это была не единственная проблема. Возможно, первая, но уж точно не самая важная. Нана изменила Моше. Она была ему неверна. Вот это и есть самая важная проблема.

Но мой рассказ — не о неверности. Вовсе не неверность была причиной задумчивости Наны.

Мой рассказ — о доброте.

Если вы уже в кого-то влюблены, в конце концов вы решите, что надо делать. Для примера, пока Нана потихоньку ковыряет в носу, давайте вернемся на минуточку к Стейси и Хендерсону. Когда Хендерсон изменил Стейси со своей ровесницей по имени Бийонс, в конце концов он решил, что оставит Стейси ради Бийонс. А все потому, что Бийонс сделала ему минет, а Стейси считала оральный секс чем-то ужасным. Я не защищаю Хендерсона. Я просто излагаю факты. Таков один из вариантов — вы решаете быть жестоким к другому (Стейси) и добрым к себе (Хендерсону).

Ирония в истории разрыва отношений Стейси и Хендерсона заключается в том, что месяц назад Стейси встретила сварщика по имени Барри. Он

был членом Национальной организации стали и сплавов. Барри был крупным мужчиной. А Стейси считала крупных мужчин ужасно сексуальными. Но Стейси решила, что не сможет бросить Хендерсона ради Барри. Она решила, что Хендерсону будет слишком больно. Вот еще один вариант, что делать после измены. Можно быть жестоким к себе (Стейси) и добрым к другому (Хендерсону).

Этот вариант встречается гораздо реже. Обычно для него есть особая причина. Например, если сказать правду, то Стейси не ушла от Хендерсона к Барри вот почему. В тот самый момент, когда член Барри в первый и единственный раз входил и выходил из Стейси, зазвонил ее мобильник. В три часа ночи. Это был Хендерсон. Он сказал, что находится в пяти минутах от нее, и спросил, можно ли зайти к ней в гости. В потрясении от звонка Хендерсона, Стейси печально, но непреклонно попросила Барри уйти. Навсегда. С другой стороны, "навсегда" получилось только потому, что Стейси забыла спросить у него номер телефона.

В любом случае, оба моих варианта пренебрегают мнением третьей стороны. Того, с кем изменили. В обоих вариантах были полностью проигнорированы права Бийонс и Барри. А теперь представьте на секунду, что вы добры не

только к другому, но и к третьему. Как вам это? Что, если бы вы могли быть добры ко всем? Добры к Стейси и Бийонс, добры к Хендерсону и Барри?

Нана хотела быть добра ко всем. Но если ты хочешь быть доброй ко всем, начинаются проблемы. Комната была бледно-голубой. Анджали только что кончила с Наной.

И это серьезно.

7. Они разлюбили

1

Все постепенно запутывается. Но я думаю, вы справитесь.

Короче говоря:

Нана влюблена в Моше.

Анджали ни в кого не влюблена.

Моше влюблен в Нану.

И тут у Анджали и Наны, кажется, начинается роман.

Ну вот, все карты на столе. Это рассказ о том, как Моше бросила его подруга. Она ушла от него к его лучшей подруге. Самая печальная, самая обычная история.

2

Папа в этой истории — ангел-благодетель. Он всегда рядом, просто чуть в стороне от центрального сюжета. Он счастливый персонаж. Собственно, все мои персонажи счастливы. Но Папа самый счастливый.

Теперь в моем рассказе наступил август. (Вся

история заняла чуть меньше года. Все началось в марте, а теперь был август.)

Папа сидел в своем офисе в Сити, на Олд-Брод-стрит. Он рассматривал коробочку для канцелярских скрепок, которую Нана смастерила в двенадцать лет на уроке труда. Наниного учителя труда звали мистер Скарборо. Все мамы восхищались мистером Скарборо. Он был загорелый, и он собственноручно перестроил свой домик на ферме в Провансе. Папы ему не доверяли. Нану он покорил тем, что сделал коробочку для канцелярских скрепок, а потом сказал Папе, что ее сделала Нана. Папа притворился, что верит им обоим. Коробочка была из жести, ее украшал неровный узор. Крышкой служил круглый кусок бука. Сверху Нана самостоятельно приклеила четыре эмалевых квадратика бирюзового цвета, образующих ромбик.

Это была прекраснейшая в мире вещица. Не думаю, что Папа когда-нибудь говорил это вслух.

Но он любил ее больше всего на свете. В вестибюле Папиного офиса на Олд-Брод-Стрит был небольшой водопад. Он омывал дальнюю стену, впадая в ландшафтный бассейн с папоротниками и водяными лилиями. Поэтому в вестибюле пахло хлоркой. Будто в плавательном бассейне. Когда

десятилетняя Нана навещала Папу на работе, ей нравился этот бассейновый запах. Она любила свернуться клубочком на кожаном диване и смотреть, как охранники смотрят на свои охранные телеэкраны. В детстве Нана любила плавать. Она представляла себе, как плавает в водопадике. Она рассказала об этом Папе. Папа объяснил ей, что бассейн под водопадом слишком мелкий.

В своем офисе на Олд-Брод-стрит Папа смотрел на коробочку для канцелярских скрепок, как всегда наполненную скрепками. Он был счастлив, потому что Нана была счастлива. Его девочка была влюблена, и счастлива от этого. И Папа был счастлив от этого. Папа — не слишком надежный проводник по нашему рассказу. Он не слишком хорошо понимает сюжет.

3

А в это время у Анджали был перерыв в съемках. Перекур. Она стояла на пожарной лестнице в задней части студии на Леонард-стрит, и пыталась пускать дымные кольца.

Анджали снималась в еще одной рекламе присыпки “Джонсонз Бэби”. Идея этого рекламного ролика была в том, чтобы переиграть сцены из

знаменитых фильмов. Анджали участвовала в знаменитой сцене из “Касабланки”.

Для тех, кто не в курсе: в финальной сцене “Касабланки” Хамфри Богарт, играющий Рика, приходит к суровому и благородному решению, что Ингрид Бергман, играющая Ильзу Лунд, должна улететь из Касабланки со своим мужем, еврейским эмигрантом по имени Виктор Ласло, которого играет Пол Хенрид. Это суровое и благородное решение, потому что Рик и Ильза влюблены. Этот фильм романтизирует великодушие. Когда самолет с Ильзой и Виктором взлетает, унося их от опасности, Рик поворачивается к капитану Луи Рено, которого играет Клод Рэн, и говорит ему: “Луи, мне кажется, что это начало прекрасной дружбы”. Это одна из двух знаменитых фраз. Второй знаменитой фразы — “Сыграй еще, Сэм” — в “Касабланке” нет, и это хорошо знают все почитатели фильма.

В новом варианте Анджали играла роль Ингрид Бергман. Сюжет ролика был таков. Анджали Бергман испытывает искушение остаться с другой, менее известной маркой детской присыпки.

Но измены аморальны. Они неприемлемы. Каждый младенец должен сопротивляться искушению бросить “Джонсонз” в погоне за новизной.

И в конце концов самолет взлетает с младенцем-Анджали на борту. “Джонсон и бэби — прекрасная дружба”, гласил рекламный слоган. Я знаю. Знаю, что это неправильно. Я знаю, что прекрасная дружба относилась не к Ингрид Бергман и Полу Хенриду. И даже не к Ингрид Бергман и Хамфри Богарту. Это была гомоэротическая дружба. Но я не виноват. Ругайте присыпку “Джонсонз Бэби”.

Интерпретировать всегда трудно. Частенько интерпретация личностна и субъективна. Ошибаются не только авторы рекламы присыпки “Джонсонз Бэби”. Анджали тоже могла ошибаться.

Выкурив одну за другой две “Мальборо Лайте”, Анджали вспомнила весь восхитительный сюжет “Касабланки”. Это была история знаменитого любовного треугольника. Это был фильм о великодушии. Затягиваясь, Анджали сообразила, что она — Рик, она — Хамфри Богарт. Поэтому она должна поступить, как Рик. Она должна уступить Нану Моше. Конечно, ей не хотелось уступать Нану, но что будет, если она не уступит? Нана может бросить Моше ради нее. Но Анджали не хотела, чтобы Нана бросала Моше. Ей было тяжело думать о том, чтобы оставить Нану, но если Нана бросит Моше, будет еще тяжелей.

Это была трагедия. Но трагедии так благородны, думала Анджали. Эти мысли так тронули ее, что она чуть не расплакалась прямо на пожарной лестнице, рядом с Олд-стрит.

Честно говоря, у меня совсем другая теория по поводу финала “Касабланки”. Он не кажется мне трагичным. Мне-то кажется, что это хэппи-энд. Виктор Ласло был евреем, борцом чешского сопротивления. Он был трудолюбивым и храбрым интеллектуалом-антифашистом. И я не думаю, что этот финал трагичен. Виктор бежит, спасая свою жизнь, а мы должны печалиться, потому что жена осталась с ним, а не ушла к мрачному владельцу эмигрантского бара в Касабланке. Лично меня это совсем не печалит. Я не думаю, что любовь настолько важна. Мне не кажется, что уныние так уж притягательно. Не стоит романтизировать любовный треугольник.

4

На самом деле Анджали не стоило волноваться по поводу трагичности любовного треугольника, потому что Нана вовсе не собиралась уходить от Моше. Да и драмы-то никакой в тот момент не было, потому что Нана не была влюблена в Ан-

джали. Нана любила Моше. Она любила Моше и один раз ему изменила. Вот что волновало Нану. Ее не раздирали чувства, она просто чувствовала свою вину.

Я не вижу ее вины. Она не завела роман на стороне. И в общем, не она одна в той ситуации допустила промах. Даже Моше мог бы предугадать события. Однако Нана считала, что вина лежит лишь на ней одной, и от этого нервничала. До слез.

После сеанса лесбийской любви она проплакала несколько вечеров. И вообще Нана стала слезлива. Она то и дело плакала. Но я расскажу об одной из ночей. Нана лежала в постели с Моше и с игрушечным леопардом. И плакала серыми от туши слезами. От этих слез макушка леопарда потемнела. И швы леопардовых когтей совсем запачкались. Пока она плакала, Моше, который уже почти спал, обнимал ее сзади. Он притерся членом к ее мягкой попе, и не издавал ни звука. Было три часа ночи.

Моше пытался проснуться.

Плач глухой ночью порождает много забавных моментов. И всяких ироничных курьезов. Это может показаться бессердечием, но это так.

Нана нервничала. Моше был сбит с толку. Его

здравомыслящую подружку Нану вдруг стало что-то мучить. Видите? Вот первый ироничный курьез. Нану ничего не мучило. Она просто нервничала.

— Шш-такое? — спросил Моше. Ему так хотелось спать.

— Уттр вечра мдренее, — пробормотал он, мягко касаясь ее плеч. Потом рука упала на постель. Моше так устал. В голове у него все плыло. Но Нана не спала.

— Што слчилось? — спросил Моше. Он чувствовал себя беспомощным. Это, думал Моше, оттого, что он отчаянно хотел спать.

Но Моше чувствовал себя беспомощным не только из-за навалившегося сна. Я знаю: он чувствовал себя беспомощным, потому что Нана плакала. Вот и все. Просто из-за ее слез. По неким внутренним причинам чужие слезы всегда вводили Моше в ступор. Наши чувства, в конце концов, ограниченны. Мы чувствуем только то, что можем чувствовать. Не так уж это приятно, но это так. Это сложно, это трудно, и, повторюсь, не очень-то приятно.

Моше было трудно.

Он отодвинулся в тщетном беспокойстве. Он слушал плач Наны.

— Киса, может, ты бы, ну, может, ну ялюблютебя, знаешь? — говорил он.

— Нана, Нана, — напевал он ей в ухо голосом кумира публики в три часа ночи. Нана пыталась ответить.

— Прети, ммм, я. Я прост. Ох, прети, — сказала она.

Моше подумал, что все заканчивается. Может, это прелюдия к тишине, подумал он. И как только она не поймет, как хорошо спать, спатьспатьспать.

— Ланна, сказал он, — все хрошо.

Но нет. Это была не прелюдия к тишине. Не прелюдия ко сну. Это была прелюдия к повтору.

Пока Нана бормотала и всхлипывала, Моше исходил досадой. Он пытался рассмотреть невидимые часы, тикающие где-то на столике у кровати. Скоро рассвет, волновался Моше, должно быть, скоро, и он встанет с постели разбитым и усталым. Сможет ли он вспомнить слова своей роли, вот в чем вопрос. Он попытался мысленно пройтись по роли. В припадке истерики Моше не мог вспомнить ни одной фразы Слободана Милошевича. Он был в панике. Все было так шатко.

Глубокой ночью Моше был перепуган до глубины души. Он чувствовал опасность.

Когда он был маленьким и иногда просыпался ночью, испугавшись странных очертаний своих *objets trouves,*[6] хранившихся в шкафчике с игрушками, Моше точно знал, что он в безопасности. В детстве Моше никогда не боялся своих “прыгающих бобов”, матрешек или оранжевого с черными пятнами деревянного слона ростом в дюйм. Он не боялся, потому что в углу комнаты была лестница. Стоило подняться на несколько ступенек, и вот он, рай, на полочке в паре дюймов от потолка, где блестели в темноте раскрашенные деревянные животные. А если и это не поможет, он знал, что прямо за дверью его сторожит мама, в мохнатом кивере и красной форме с новенькими золотыми пуговицами, как и обещала.

Но теперь была глубокая ночь, и Моше было так одиноко. Он чувствовал груз своих лет. Всех двадцати шести с небольшим лет. Рядом плакала его подруга Нана.

— Пжалста, обними мня, — сказала она, — обними пжалста.

Ах, Моше, Моше. Испуганный Моше. Он был уже большой. И не мог совладать с происходящим.

---

[6] Примечания: 6
Зд:. диковинок (фр.).

5

На следующее утро Нана виновато занималась сексом с Моше.

Если вы еще не поняли, я хочу пояснить. Это не сексуальные отношения. Нет. Вы не то читаете. Вы читаете об их чувствах. Вы читаете об этике.

А Моше, взрослый Моше не чувствовал себя виноватым. Он был сверху. Он менял угол атаки, и вагина Наны всхлюпывала и похрюкивала в ответ. Но это не была его идеальная позиция. Нет, ему хотелось другого. Он хотел то, чего особенно любил. Что же он так любил? Постойте, сейчас я вам расскажу. Он особенно любил, когда Нана закидывала ноги кверху, прижимая их к груди, упираясь коленками в ключицы.

Но этим утром любимая позиция Моше была Нане не слишком по душе. Такое утро, думала Нана, не для прозаической секс-акробатики. Нет. Ее мучили раскаяние и альтруизм. Она хотела угостить Моше чем-то особенным. Она собиралась проделать то, о чем всегда мечтала. Моше всегда просил ее помечтать о том, чего бы ей хотелось. Она собиралась вести себя грязно.

“Грязно” означало “пописать”.

Ей надо сходить по-маленькому, сказала Нана, и она думает, пойти ей или нет. Пойти или не пойти? Дело в том, что она не знает, сможет ли дотерпеть. Она не знает, сможет ли донести до туалета.

Она назвала свое новое желание “свинячить”. В этот особый миг она сказала: “Хочу посвинячить”. В это утро Нана обернулась девочкой с мальчишескими замашками и инстинктами грудничка. А инстинкты неподвластны нашему контролю, это все знают.

— Хачуписть, — сказала Нана. Она произнесла это, закрыв глаза и напряженно выгнув шею. — Хочу, хочу писать. Можно выйти?

Она предлагала Моше наслаждение. Она предлагала свои извинения.

Нана изменила ему. Неверность любого из нас хоть на миг наполняет раскаянием. Но Нана чувствовала еще и вину, потому что у нее не было даже обычного оправдания неверности — катастрофически сильного сексуального желания. Нана была не слишком темпераментна. Если уж бросаться в секс с головой, думала она, так уж лучше с Моше. Поэтому Нана раскаивалась вдвойне. Вот почему она решила исследовать сексуальный аспект мочеиспускания. Из альтруизма.

Стоит заметить, что если это альтруизм, то в альтруизме есть кое-что хорошее. Если бы люди были альтруистичнее, их жизни стали бы куда сложнее. Их сексуальный репертуар мог бы обогатиться весьма пикантным образом.

— Бу-бу, — сказал Моше.

Честно говоря, он был поражен.

6

Сказать по правде, я не знаю, как следует относиться к писанию друг на друга. Не все относят это к разряду сексуальных манипуляций. Судя по всему, некоторых моча не возбуждает. Можно предположить, что мысленное зрелище журчащих, сплетающихся и расходящихся ручейков разной степени желтизны не способно оказать этим людям помощь в мастурбации.

Другие считают мочу триумфальной роскошью, частью сексуального пиршества. Для них это восхитительный момент, которому они отдают себя целиком, не забывая, как правило, приобрести непромокаемый наматрасник а “Заботливой мамочки” или, скажем, в “АСДА”.

Что до литературы, описывающей сей акт, у каждой из двух этих групп имеются свои идеи о

том, о чем писать подобает, а о чем — нет. И те, и другие найдут что покритиковать в моем описании Наниных исследований. И тем, и другим будет трудно с ним сжиться. Для кого-то оно будет слишком откровенным, для кого-то недостаточно таковым. Я знаю. Но такой читатель меня не интересует. Меня не интересуют читатели, которые хотят отождествить себя с Наной или Моше. Меня интересуют читатели, которые хотят их понять. Особенно я хочу, чтобы они верно поняли позицию Моше.

Потому что позиция Моше была, видите ли, неопределенной. Он не был ни за, ни против. Позиция Моше состояла в том, что его можно было склонить к другой позиции.

Вначале Моше решил, что “свинячество” не для него. Он остановился и посмотрел на нее. Но Нана не могла оставить его в неуверенности. Она ловила кайф.

— Я не смогу сдержаться, — сказала она.

Нана и вправду хотела этого.

Существует психологический феномен, который недооценивают пропагандисты необычных сексуальных практик. Они верят, что каждый участник конкретного полового акта должен страстно желать именно этого вида секса. С их

точки зрения нельзя, например, быть дилетантом в анальном фистинге. Нет, этому надо отдаваться с головой. Я так не думаю. Если вы не разделяете чью-то сексуальную фантазию, у вас могут возникать по этому поводу разные чувства. Некая фантазия может показаться вам неестественной и отвратительной. Или даже скучной. Но есть и еще один, довольно частый вариант.

Вас заводит то, что завело другого.

Моше завелся оттого, что завелась Нана. Теперь "свинячество" Наны стало воплощением его несбыточной мечты.

Она сказала ему, что не может сдержаться. И Моше парировал.

— Придется потерпеть, детка, — сказал он. — Придется потерпеть. Нельзя писать в постель.

Он говорил абсолютно серьезно. Эта фантазия ему неплохо давалась. Моше на самом деле не слишком не хотел, чтобы Нана описала его постель, потому что он так и не купил непромокаемый наматрасник. Он купил дорогой матрас "Данлопилло", но без наматрасника. Так что он был не совсем в восторге от мысли, что обнаженная Нана сходит под себя. Нана вопила.

— Я не смогу, — провыла она, — не смогу.

А Моше становился все строже и строже.

— Если ты это сделаешь, — сказал он, — я буду очень зол.

— О-о-о-о, — проныла Нана с дрожью и покорностью в голосе.

— Если ты сделаешь это, я буду очень, очень недоволен, — сказал Моше.

Нана не хотела, чтобы Моше был недоволен, но ей было любопытно, как он выразит свое неудовольствие.

Накрытая телом Моше Нана принялась ласкать себя. Он чувствовал, как тыльная сторона ее руки трется о его живот.

— Если ты сделаешь это без разрешения, — сказал он, — мне придется тебя наказать.

— Наказать?

— Наказать.

— Ммммм, — сказала Нана.

Моше положил свою левую руку на ее мохнатый лобок. Нана зажмурила глаза. Она тяжело дышала. Она дышала носом с присвистом. Она повернула голову набок. Он смотрел на нее в упор. Глаза зажмурены, губы сжаты.

По руке Моше что-то потекло.

Нана насвинячила. Нана так хитро насвинячила. Перепонки между пальцами Моше мокро пощипывало. Нана прижала его руку своей. К

своей мокрой пизде. По ней потихоньку текло. Моше беспокоился о том, как его экзема отреагирует на мочу. Вряд ли моча смягчит ее, думал он. И нужно было что-то делать с простыней. Моше не хотел выглядеть чересчур расторопным. Но его волновали деньги. “Данлопилло” — недешевый матрас. Ему хотелось сорвать простыню и сунуть ее в стиральную машину. А тут еще он вспомнил, что на дворе утро. Утренняя моча, как всем известно, гораздо ядреней вечерней.

Нана распахнула свои невинные глаза и взглянула на него.

— Ты отвратительна, — сказал Моше.

Нана хихикнула.

7

Мне это вот что напоминает.

Есть небольшой роман под названием “Философия Терезы”. Любимый роман маркиза де Сада. Он был издан примерно в 1750 году. Автор романа достоверно не известен. Рассказчицу зовут Тереза. В одном из эпизодов она описывает, как наблюдала за м-ль Эрадис, обнажающей свои ягодицы, дабы получить епитимью от своего духовного наставника отца Дирага. Вначале свя-

щенник сечет ее розгами. Потом он говорит ей, что будет умерщвлять ее плоть “вервием святого Франциска”. Вервие святого Франциска — это его член. Она не знает, что это его член. Обдумав вариант проникновения в анус, священник в конце концов решает просто заняться с ней любовью сзади.

Вот цитата из “Философии Терезы”:

Голова его была наклонена, а блестящие глаза сосредоточены на работе мощного тарана, чьими ударами он управлял таким образом, что, выходя наружу, тот не покидал совсем своего тоннеля, а при обратном движении его живот не приходил в соприкосновение с ягодицами его подопечной, каковое могло бы, при размышлении, навести ее на мысли о действительной природе предполагаемого вервия. Какое присутствие духа!

Это важная цитата.

В итоге м-ль Эрадис кончает. Она понимает свой оргазм как божественное воздаяние: “О, я ощущаю неземное счастье! Дух мой совершенно отделился от плоти. Сильнее, отец, сильнее! Изведите все, что во мне нечисто…”

Мне понятно, что пытается сделать автор “Философии Терезы”. Он — разумеется, это именно *он* — нападает на безнравственных священников.

Еще он хочет высмеять религиозные тексты, в которых девственницы так часто впадают в религиозный экстаз. Он желает высмеять притязания духовенства на духовность. Все, чего хотела мадмуазель, понимаем мы, так это хорошего траха.

Все это ясно. И все же мне кажется, что наш автор, увлекшись политическим остроумием, упустил прекрасную возможность. В моей версии м-ль Эрадис знала бы о том, что священник занимается с ней сексом с самого начала. И просто *притворялась*, что не понимает этого. Это все бы изменило. В "Философии Терезы" м-ль Эрадис не притворяется. Она позволила себя одурачить. Но ведь это совершенно неправдоподобно? Совершенно неправдоподобно. И писатель об этом знает. Именно поэтому он так старательно описывает нам, как мастерски священник управляется со своим членом. Именно поэтому он так настаивает на том, что священник касается ее только лишь членом. Пытаясь оправдать неправдоподобие, он выдает подделку за настоящее извращение. Поэтому меня не удивляет, что маркиз де Сад, которого ближайшие друзья называли Донасьеном, решив написать в 1797 году свой собственный политический порнороман "Жюльетта", взял "Философию Терезы" за образец. Он

называл ее “очаровательным сочинением”. Очарование заключалась в том, что эта книга была единственной, где “милым образом пышность сопрягалась с нечестивостью”. Этой загадочной фразой, если вы еще не поняли, Донасьен хотел сказать, что в книге изображены трахающиеся монахи. Именно об этом хотел читать Донасьен. Именно об этом он хотел писать. Ему не нужны были реалистические извращения. Его больше занимали извращения политические.

Вообще-то маркиз де Сад не слишком разбирался в извращениях. Он был теоретиком. Когда дело доходит до извращений, то на страницах книг я управляюсь с ними куда лучше, чем маркиз де Сад.

8

Но довольно. Давайте ненадолго оставим Нану и Моше в постели. У нас есть еще Анджали. После полуденного взрыва страсти с Наной на фоне ток-шоу Триши, ее, Анджали, мучили угрызения совести. Она была полна раскаяния и оставила Нану и Моше вдвоем. Она не снимала трубку и не перезванивала сама. Она не отвечала на электронные письма.

Анджали полюбила гулять в Риджент-парке. Молодая девушка, прогуливающаяся по парку, выглядит романтичной и прекрасно одинокой. Последние пару недель с тех пор, как она кончила от пальцев Наны, Анджали время от времени прогуливалась по парку, полная счастливой грусти и прекрасной тоски.

Вам надо твердо знать об Анджали две вещи. Во-первых, Нана соблазнила Анджали. Это мы видели. Во-вторых — и это важно — Анджали временами становилась сентиментальной.

Вот мое определение сентиментальности. Сентиментальность — это когда эмоции становятся ценны сами по себе. Сентиментальность, таким образом, утрирует, раздувает эмоции. И вот вам пример — великодушие Анджали. На пожарной лестнице, выходившей на Олд-стрит, Анджали обнаружила новый соблазн. Гораздо соблазнительнее Наны. Этим соблазном была нравственность. И она возобладала.

Мечты о благородном великодушии в стиле Хамфри Богарта возбуждали Анджали куда сильнее, чем Нана. Вот почему она держалась на расстоянии, бродя по Риджент-парку. Оставить Нану с Моше было гораздо волнительнее, чем отобрать ее у него. Это было почти как жить в

Касабланке во время войны.

9

А вот Нане вроде бы не казалось, что она живет в Северной Африке при нацистах.

— Черт, — сказала Нана, — я просто просто вне себя. Была на лекции про новый магазин “Прада” в Нью-Йорке, ну, этот, Рема Колхааса.

— Рема Кулхауса? — спросила Анджали.

— Ага, Рема Колхааса, и этот тип, этот тип сказал, что “Прада” — это новейшее архитектурное новшество. “Новшество в архитектуре”, так и сказал. Слушай, ну это же просто… Знаешь, что сказал Рем Колхаас? “Архитектура — это не удовлетворение нужд посредственностей, это не создание среды для мелочной радости масс. Архитектура — удел элиты”. Удел элиты! Что такое удел элиты? — сердилась Нана. — Архитектура — это техническая дисциплина.

Из этого диалога вы уже поняли, что Нана и Анджали были в кафе Архитектурной ассоциации. Они стояли у стойки, дожидаясь, пока их обслужат.

— Я возьму эспрессо, — сказала Анджали с облегчением.

— Не, ладно, — сказала Нана, — я минералки выпью.

— И вот, — продолжала она, — потом этот тип опять его процитировал. Рем Колхаас сказал — просто не верится — Рем Колхаас сказал: “Истинная архитектура — это процесс, который сознательно дистанцируется от всех предписаний от архитектуры”. Сознательно дистанцируется от архитектуры! Архитектура — от архитектуры!

— Господи, — сказала Анджали, — ниче не понимаю.

— Именно! — сказала Нана. — Птушта нечего тут понимать. Абсолютно бессмысленно.

Анджали села за столик. Нана убрала свой большой блокнот размера А4. Ну да, лектор и вправду вывел Нану из себя. Рем Колхаас привел ее в бешенство. Но она грузила Анджали архитектурными разговорами не только из-за страстной преданности градостроению. Вовсе нет. У Наны был план. У нее был сексуальный план. Но она не хотела заводить разговор о нем прямо сейчас. Она хотела, чтобы все было как бы случайно. Чтобы все было естественно.

Нана волновалась из-за Анджали. Она думала, что та несчастна. Так Нана понимала странное отсутствие Анджали. Она не знала, что послед-

ние пару недель Анджали предавалась парковой сентиментальности. Она представляла себе, как Анджали сидит дома, угрюмо поедая сладости из трапециевидной коробки “Кэдбериз Селебрэйшнз”. Ей было не по себе. Она не хотела, чтобы Анджали объедалась шоколадом. Она хотела, чтобы Анджали чувствовала себя любимой. Вернее сказать, она хотела, чтобы Анджали чувствовала себя любимой, и чтобы Моше тоже чувствовал себя любимым.

Нана пришла в кафе Архитектурной ассоциации с готовым планом.

Но Анджали чувствовала себя любимой. Даже слишком любимой. Она размешивала сахар в своем эспрессо. Она размышляла о том, что сделал бы на ее месте Хамфри Богарт.

10

У Наны был план. Еще одно сексуальное предложение. Она хотела предложить любовь втроем.

Просто поразительно, что творят с сексом люди, которым не нравится секс. Они делают его рациональным, делают его моральным. Нередко самые извращенные люди — это те, кто не любит секс. Именно они зачастую готовы на все. Нана,

как мы знаем, не была сексуальным монстром. Ее потребности в сексе были достаточно скромны. Именно это, по-моему, делало ее столь извращенной.

Дело в том, что Нана не считала, что Моше получает удовольствие от их половой жизни. И честно говоря, он вовсе не чувствовал себя на седьмом небе. Но вообще-то Моше это вполне устраивало. Половая жизнь Моше не устраивала в основном Нану. И, чувствуя себя виноватой, она решила, что должна придумывать для своего любовника Моше все новые наслаждения. И вот что она придумала.

Она придумала любовь втроем.

Нана рассуждала так. Моше за то, что он был послушным и терпеливым мальчиком, заслуживал двух женщин сразу. Это же мечта любого мужчины. К тому же при этом Анджали не будет чувствовать себя лишней. Она не будет чувствовать себя отвергнутой. Сама же Нана относилась к идее тройственной любви спокойно.

Значит, Нана должна организовать *ménage à trois.*[7] Эго самое разумное решение.

---

[7] Примечания: 7
Семью втроем (фр.).

11

Но как предложить секс втроем в благопристойном разговоре? Нана взвешивала этот вопрос, глядя, как Анджали отхлебывает горячий эспрессо. Как перевести разговор на *это*?

И Нана решила вот что. Преподнести это как шутку. Протащить контрабандой. Будто разговор и не об этом вовсе.

Сначала она похвалила сексуальное искусство Анджали.

— Знаешь, мне так понравилось с тобой. Правда понравилось, — сказала она. — Это было так… восхитительно.

Анджали смутилась, потому что была польщена. Ей не хотелось чувствовать себя польщенной. Сейчас ей хотелось быть в ужасе. Потом Нана сказала:

— Мне было хорошо, правда. Очень хорошо.

Нана улыбалась. Она улыбалась до ушей. Анджали по-прежнему была польщена. Она не могла войти в роль Хамфри Богарта. Хамфри Богарт уже взял бы даму за плечи и сообщил ей, что все кончено. Потом Нана сказала:

— Но я не уверена, что мы можем…

— Точно, — сказала Анджали. — Конечно. Это все неважно. Один раз ничего не решает.

— О, — сказала Нана, — но я бы вообще-то не то что бы…

— То есть? — спросила Анджали.

— Ну, в смысле, я придумала, как, ну, мы могли бы снова, — ответила Нана. — То есть мы вместе. Втроем. Все втроем вместе. Ну. Как ты думаешь?

— Втроем? — спросила Анджали. — Любовь втроем?

Она улыбалась. Она улыбалась до ушей. Ей это понравилось. Так она могла совместить возвышенное чувство и наслаждение обнаженной Наной.

Нана знала, что делает. Она знала, чего хотят люди.

— Это он предложил? — спросила Анджали.

— Мммм, не совсем. Нет, — сказала Нана, — это я. Он пока не знает.

— Значит, втроем? — спросила Анджали.

— Ну, — сказала Нана, улыбаясь во весь рот.

— Мммм, — сказала Анджали. Это было здорово. И она тоже заулыбалась.

12

Оставалась всего одна проблема — сказать об этом мальчику.

Обычно главная трудность любви втроем в том, чтобы уговорить вторую девочку. Все думают, что основная сложность именно в этом. Как только вторая девочка готова, так и мальчик, само собой, готов.

А Нана знала, что Моше не совсем обычный мальчик. Он нежней других. Ну да, им владели те же вожделения, что и остальными, но он старался их сдерживать. Подружке Моше трудно было даже представить, как бы предложить ему любовь втроем. Спросить его прямо было невозможно. Думаю, что Моше просто не поверил бы, что девочка может хотеть этим заняться. Для него любовь втроем была лишь эгоистичной мальчишеской фантазией.

Поэтому Нана спросила непрямо. Она сказала об этом во время секса. Как будто рассказывая фантазию. Просто фантазию.

Как-то вечером, через пару дней после свидания с Анджали в кафе Архитектурной ассоциации, Нана рассказывала Моше, что с ними в постели

другая женщина. Она спросила, как бы ему это понравилось.

Вы уже знаете, что Нана во время секса была не очень-то разговорчива. Так что можете представить, каких усилий это от нее потребовало.

Моше сказал, что ему нравится. Ему нравилось, что с ними в постели эта самая другая женщина. Потом Нана добавила немного конкретики. Она как раз лежала на спине. Она задрала ноги, притянув колени к груди, и посмотрела в довольные глаза Моше. Потом улыбнулась и очень тихо спросила:

— И эта женщина — Анджали?

Это была фантазия. Фантазия во время секса. Поэтому Моше легко согласился. И в этом не было ничего странного или нечестного. Суть фантазии в том, что она абсолютно лишена морали. Она не имеет ничего общего с реальностью. Моше улыбнулся. Ему было приятно слушать, как Нана описывает, что именно Анджали проделывает с его яичками. Звучало здорово. И очень необычно. Он чувствовал, что вот-вот кончит. Поэтому когда Нана спросила: “Давай?”, он кивнул. Когда она спросила: “Давай правда, на самом деле?”, Моше кивнул, с трудом переводя дыхание. Нана описывала, как она усядется Анджали на лицо, в

то время как Моше будет вылизывать Анджали, и Моше простонал: “Да, да…” Нана объясняла, чем будет заниматься язык Анджали и что в точности будет делать Моше. Он простонал: “Да, да, давай, давай…” и кончил.

Он вовсе не думал, что это *по-настоящему.* Он не думал, что Нана это всерьез. Я же говорил вам. Это не в его стиле.

13

Однако реальный секс втроем не имел ничего общего с необузданными фантазиями Моше. Нет, скорее это было изысканное трио. Я бы даже сказал, благовоспитанное.

Нана лежала на полу с испуганным видом. Анджали — поскольку она обожала ароматерапию — вручила Моше баночку с можжевеловым массажным маслом “Аведа”.

На первый взгляд все это покажется вам мудреным, но я полагаю, что все понятно. И даже очень тонко. Гуляя в одиночестве по Риджент-парку, Анджали могла предаваться сентиментальности, но здесь, на квартире в Финзбери, она была сама чуткость.

Думаю, что любовь втроем обычно представ-

ляют себе как парочку блондинок, обвившихся вокруг загорелого, привлекательного мальчика. Или даже не загорелого и не привлекательного. Две блондинки, думают многие, обовьются вокруг любого типа с толстым кошельком. Но такое мнение грешит примитивностью. Любовь втроем не так уж проста. И уж точно не так абстрактна. Тут можно наделать тьму ошибок. Она социально неустойчива. Ключ к успешной любви втроем — в том, чтобы все были вовлечены в процесс. Именно об этом заботилась Анджали. Ее план состоял в том, что они с Моше будут нежны к Нане. Они сделают ей массаж. Массаж — не совсем секс. Он не страшный.

И вот Моше и Анджали, нежно скользя по маслу, поглаживали руки и ноги Наны. Это помогло. Нана расслабилась.

— Кле-о-о-о-во, — сказала она, закрыв глаза, словно юная кинозвездочка, — так клево…

Она взяла бокал вина, калифорнийского каберне-совиньон “Эрнест и Хулио Галло”, и оно стекло по ее покрытому светлым пушком подбородку. Анджали слизала пролившиеся капли. Моше застыл, возбужденно тараща глаза.

Но у Моше не было опыта массажа. Скоро ему надоело массажное масло. Пока терпеливая Ан-

джали занималась руками и пальцами Наны, Моше стал целовать Нане живот. Ну да, он забежал вперед. Да, этот энтузиазм проявился так неуклюже. И даже развязно. Собственно, так оно и было. Но это сработало. Нана возбуждалась. Она попросила Анджали: “Поцелуй меня”, пока Моше гладил и царапал внутреннюю сторону ее бедер.

Анджали поставила банку с маслом на подоконник и спросила:

— Хорошо, да? Хорошо?

Она поцеловала Нану.

— С тобой так приятно целоваться, — сказала она и провела дорожку поцелуев вниз по шее Наны, зарывшись лицом у ее основания.

— Щекотно! — захихикала Нана.

Она опустила взгляд и улыбнулась Моше. Он улыбнулся в ответ. И Нана снова уронила голову назад. Она поцеловала Анджали, зажмурив глаза.

Да, я знаю, все идет так медленно. Они еще даже не разделись. Знаю. Но уж таков он, секс. Состоит из множества мыслей и движений.

Анджали, к примеру, удивлялась, почему она не пробовала этого раньше — заниматься сексом с парой. Но тут Нана неожиданно перестала ее целовать. Она чмокнула Анджали в лоб и переве-

ла взгляд на Моше. Моше мне нравится. Он такой милый. Он изо всех сил старался доставить Нане удовольствие, поглаживая внутреннюю сторону ее бедер. Но это было нелегко. Это было нелегко, потому что ему было немного грустно. Ему было грустно, но он улыбнулся. Анджали повернула голову и улыбнулась улыбающемуся Моше. Потом она улыбнулась Нане. И тут Анджали поняла, в чем дело.

Нана беспокоилась за Моше. Она хотела, чтобы Моше был с Анджали. Она не хотела, чтобы он чувствовал себя лишним. Вот что поняла Анджали.

Я могу это сделать, подумала она. Все было не совсем так, как она себе представляла. Она представляла себе секс между девочками и наблюдающего за ними Моше. Но если Нана этого хочет, подумала Анджали, я должна быть добра к ней. В конце концов, Моше был не так уж непривлекателен. Если Нана этого хочет, Анджали так и сделает.

14

Ах, альтруизм.

Моше грустно сидел у ног Наны. Он так и знал,

что будет лишним. Он знал, что Анджали не слишком нравятся мальчики. И теперь, в этой исключительной ситуации, ему бы желалось, чтобы все трое были на равных. Было бы идеально, думал он, чтобы все трое получили удовольствие. Сам-то он ничего такого не ждал. Моше с грустью полагал, что все это естественное развитие событий, естественное развитие поцелуев Наны и Анджали. Вот что выходит, когда заказываешь "Превосходную Пиццу Гоу-Гоу" в пять вечера со скидкой за ранний заказ. *Ему оставалось винить во всем только себя.*

На самом деле Моше просто не знал, что происходит, понимаете? Он думал, что Нана и Анджали переходят интимную грань в первый раз. Он так никогда и не узнал, что у Анджали и Наны уже был секс раньше. Он думал, что их "первый раз" происходит прямо сейчас, когда они втроем.

Но смиренный Моше, как вы понимаете, очень возбужден. Не стоит его за это осуждать. Его подружка вместе с другой девочкой, которую никак нельзя назвать непривлекательной, на его глазах творили гомосексуальный акт. Моше чувствовал себя великодушным. А еще ему хотелось знать, станет ли этот вечер настоящей порнухой. Не участвовать, так хоть посмотреть.

15

И точно в ту минуту, когда Моше подумал о том, что надо бы добавить порнухи, Анджали — рраз! — подняла руки, скрестила их и стянула с себя бирюзовую майку. Потом расстегнула застежку лифчика. Лифчик упал с ее груди.

Наконец-то голое тело! Анджали была по пояс обнажена.

Сейчас я опишу вам грудь Анджали. Не для того, чтобы добавить клубнички. Нет. Нам важно, как выглядела грудь Анджали, потому что она была полной противоположностью груди Наны. Если вы помните, Нанины груди были большими и совершенно белыми, с бледными кружками вокруг небольших нежно-розовых сосков. А у Анджали груди были меньше. Каждая была увенчана темным кружочком. В его центре находился сосок густого черновато-коричневого цвета.

Разумеется, я с радостью описываю грудь Анджали. Однако это не означает, что я делаю это только ради клубнички. Я сравниваю, чтобы указать на важную психологическую деталь. Важная деталь состоит в том, что у Наны и Анджали разные типы грудей. Моше это возбуждало, а

Нане доставляло определенные трудности. Груди Анджали делали Нану немного неуверенной. Анджали, думала Нана, гораздо привлекательнее, чем она сама.

Нана положила руки на бока Анджали. Она стала целовать и сосать ее черновато-коричневые соски. Анджали наклонилась к ней. И оказалась лицом к лицу с Моше. И они с Моше стали целоваться, а в это время Нана усердно сосала грудь Анджали. Теперь это был секс. Теперь они занимались любовью втроем.

Но Моше на секунду оторвался от губ Анджали. Ему было странно целовать свою подружку-лесбиянку. Он спрашивал себя, действительно ли она этого хочет. Он не мог до конца в это поверить.

Поэтому Моше спросил: “Все намана?”, и Анджали кивнула и притянула его к себе за шею, а Моше спросил, постой, постой, ты правда этого хочешь, и Анджали кивала и целовала его в ответ. И Моше спросил у Наны: “Все намана?”, и Нана тоже кивнула в ответ.

16

Будь я порнографом, тут бы у меня случилась заминка. Мне надо описать, как мои герои раздеваются. Раздевание — точка преткновения порнографов. К счастью, я не порнограф. Я ненавижу порнографию, ненавижу ее магический реализм. Лично я доверяю старому доброму реализму девятнадцатого века.

Раздевание для меня не проблема.

Все трое встали. Анджали сняла с себя все. Это было недолго, потому что на ней остались только джинсовая юбка и черные трусики. Она скинула их одним движением. Нана сняла платье и лифчик, но снимать трусики пока постеснялась. Трусики она оставила на себе. Моше расстегнул рубашку. Он стянул с себя джинсы и трусы “Конверс”. Потом нагнулся и, упираясь кривоватым членом в живот, выиграл краткую битву с непокорными носками “Гэп” в рифленую полосочку.

Потом Моше присоединился к двум целующимся на постели девочкам.

17

Анджали, как виолончель, устроилась между ног Наны, так что Нана могла гладить ее сзади и целовать в шею. Моше прополз по кровати, улегся на Анджали и поцеловал ее. Однако все было не так просто. Они придавили Нану, тоненькую Нану. Поэтому они решили устроиться по-другому. Они вернулись на пол. На полу было больше места.

Вернее, на пол переместились только двое. Нана просто перевернулась на живот и свесила голову с кровати.

Отсюда Нана наблюдала, как Моше *весь отдается страсти.* Он целовал Анджали, грубо целовал ее. Потом он развел ее ноги правым коленом, так что его член навис над вагиной Анджали. Когда Моше решил, что настало время, он взял свой член левой рукой и впихнул его в Анджали. Потом Анджали и Моше занялись сексом. Моше вознесся. Груди Анджали, сплюснутые его весом, перекатывались влево-вправо.

Но это была не порнография. Что-то спуталось.

Моше, понимаете ли, был доволен. Он абсолютно законным образом занимался сексом с

другой девочкой. И было просто здорово оттого, что Анджали была не такой худой, как Нана. Рядом со стильной элегантной Наной Моше всегда чувствовал себя жирным. Когда тела Моше и Наны сплетались в экстазе, Моше всегда оказывалось больше, чем Наны. А вот Анджали была воплощенная телесность. Сексуальность Анджали, думал Моше, бескомпромиссно сексуальна. Плотская, доступная, соблазнительная Анджали.

Ясно, что Моше ошибался. С Анджали все было непросто.

Моше вошел, не дожидаясь приглашения. Он действовал, не дожидаясь ее решения, но не против ее воли. Анджали понимала разницу. Она просто не была уверена в том, что немедленный секс — правильное развитие событий. Она не была уверена, что план Наны именно таков. Поэтому она старалась не смотреть на Нану. Анджали рассматривала оштукатуренные углы в тех местах, где потолок переходил в покрытые магнолиями стены. Она следила за извивами растительного орнамента обоев. Смотреть на комнату с уровня пола было странно. Она приобретала необычный вид. Анджали видела край горчично-желтого пятна под радиатором. Кроме того, Анджали была слегка обижена. Она ожидала, что Нана будет

участвовать активней. Все шло не так, как она себе представляла. Вот это банальное половое представление — половое в обоих смыслах — это же не любовь втроем, думала она. Моше просто взял ей и засунул. Любовь должна быть веселее. Любовь должна быть заботливее. А это никакая не любовь.

Бедная Анджали решила приблизить предрешенный финал. Она знала, что делать.

— Госсди божемой! — воскликнула она. — Какой кайф! Госсди Иисусе! Как же мне хорошо… О боже боже да как здорово!

Она крепко ухватила Моше бедрами. Она поцеловала бледную, натянутую сухожилиями кожу его напрягшейся шеи, сократив мускулы своей вагины, чтобы сделать ее поуже, потуже сжать его увесистый, его болезненно входящий в нее член.

— О нет боже ты мой о нет о боже о нет, — простонала Анджали.

Это было профессиональное представление.

Анджали задрала ноги повыше и обхватила ими спину Моше, чтобы он мог войти поглубже. Она всего-то и хотела, чтобы он кончил. Она хотела смягчить все объективные симптомы. Хотела свернуться клубочком и снова стать милой

девочкой.

Ладно, я напишу чуть-чуть порнографии. Один абзац. Когда он выходил из нее, она изо всех сил сжала его член вагиной, будто бы кончив, и прошептала: “Еби меня, еби сильнее”. Она почувствовала, как он напрягся и окаменел, и простонала: “О-о-о-о-о. О-о-о-о”. Она расслабилась. Он пульсировал внутри нее, и — “м-м-м-м” — она чувствует, как он там бьется, сказала она ему облегченно.

Она потерлась щекой о его шершавое лицо. Моше был тяжелым. Гораздо тяжелее Зоси. Он дернулся, и загнал ей поглубже в последний раз.

А как же Нана? Нане было грустно. Нане было грустно, потому что сцены группового секса не достигают своей цели. Мне не стыдно это сказать. Недостаток секса втроем, поняла Нана, вовсе не в нехватке сил. Вопреки ее ожиданиям, проблема была не в излишней захваченности. Напротив. Проблема была в ее недостатке. “Любовь втроем” оказалась эвфемизмом. “Любовь втроем” означала неверность. Нана ревновала.

Моше гордился. Он испытывал странное чувство, и гордился.

18

Но что такое неверность?

Ночью с 16 на 17 мая 1934 года поэта Осипа Мандельштама арестовали. Вы помните про Мандельштама. Вы помните, как он познакомился со своей женой. НКВД постучало в дверь, когда Осип сидел на унитазе, печально выпрямив спину и запрокинув голову. Он сидел на унитазе уже четырнадцать минут, пытаясь посрать. Услышав стук, он быстро подтерся и, даже спеша, внимательно рассмотрел пятно на туалетной бумаге, прежде чем спустить воду.

Мандельштама арестовали за написанное им стихотворение, в котором он так описывал Сталина: “Его толстые пальцы, как черви, жирны / И слова, как пудовые гири, верны, / Тараканьи смеются усища, / И сияют его голенища”. Не слишком дружелюбно. И Сталин приказал его арестовать.

Однако его арестовали не только для того, чтобы угрожать ему лично. Нет, они хотели знать, кто еще видел стихотворение. Они хотели знать, что думают о Сталине другие люди.

Обычно Мандельштама считают героем. Он и был героем. Не хочу, чтобы вы думали, что я

считаю по-другому.

Мандельштаму было ясно, что тем, кого он назовет, не поздоровится. И что же, он молчал? Он ведь не выдал своих друзей?

Он их выдал.

Вопрос: Когда был написан этот пасквиль, кому вы его читали и кому давали списки?

Ответ: Я читал его: (1) моей жене; (2) ее брату Евгению Хазину, детскому писателю; (3) моему брату Александру; (4) подруге моей жены Эмме Герштейн, работающей в ЦК профсоюза работников просвещения; (5) Борису Кузину из Зоологического музея; (6) поэту Владимиру Нарбуту; (7) молодой поэтессе Марии Петровых; (8) поэтессе Анне Ахматовой и (9) ее сыну Льву Гумилеву.

Я знаю, что Мандельштам боялся пыток. Я это знаю. Возможно, в протоколе допроса даже были лакуны. Но взгляните на него. Посмотрите, как он старается услужить следователю: “подруге моей жены Эмме Герштейн, работающей в ЦК профсоюза работников просвещения”. Мне интересна именно эта деталь. Мандельштам боялся пыток и одновременно пытался понравиться следователю.

Я вовсе не издеваюсь над Мандельштамом.

Серьезно, он мне нравится. И оттого, что он мне нравится, я не хотел бы его идеализировать. Если бы меня в тюрьме на Лубянке допрашивала сталинская тайная полиция, я бы рассказал им все. Я бы тоже боялся пыток. Я думаю, что рассказал бы даже больше, чем Мандельштам. Я бы точно так же старался услужить. Как и любой другой.

Вот что такое неверность. Неверность — это эгоистическое желание услужить сразу многим.

Неверность естественна.

19

Но отчего Нана ревновала? И, главное, кого — Моше или Анджали?

Она ревновала Анджали к Моше. Она завидовала сексуальным способностям Анджали. Анджали, заметила Нана, кончила даже быстрее Моше. Нана опечалилась. Анджали была мечтой любого мальчика. И не только. Анджали была мечтой любой девочки. Анджали была милая.

— Так что тебе то есть понравилось, да? — спросила Нана у Анджали.

— Ой, так клево, — сказала озадаченная и встревоженная Анджали, — тааак здорово, я так ну не кончала черт знает сколько. Прямо так.

Все звенит, ну знаешь, не только *там,* все тело прям зудит.

— Здорово, — сказала Нана, — и выглядело классно.

Бедняжка Нана. Она ненавидела секс. Она ненавидела дух сексуального соперничества. Она радовалась, что Моше и Анджали получили удовольствие. Она не сердилась на них. Она сердилась на секс. Она хотела, чтобы секса больше не было. Чтобы Моше просто обнял ее. А он развалился на полу с довольным видом. Анджали встала и поискала, чем вытереться. На полу у кровати лежала упаковка “клинекса”. Она чуть присела, расставив ноги, и вытерла себя от верхней части бедер и до лобковых волос. Закончив с одной салфеткой, она вытащила другую. Потом Моше залез к Нане на постель. Сухая и чистая Анджали присоединилась к ним. Они, довольно завозились.

На самом деле, доволен был только Моше. Но и он нервничал. Он нервничал, спрашивая себя, что будет дальше. Он предвидел события.

Один раз, думал он, это было только в первый раз, чтобы соблазнить. Один раз так, а потом придется просто смотреть на них снова и снова.

Моше, как вы понимаете, был не дурак. Ему

нужны были основания посерьезней.

20

В августе 2000 года итальянская полиция перехватила переговоры на арабском языке между членами организации “Аль-Каеда”.

Йеменец по имени Абдул-Рахман, которого подозревали в связях с “Аль-Каедой”, сказал живущему в Италии египтянину, что он “изучает самолеты”. Потом он добавил: “Бог даст, привезу тебе иллюминатор или кусочек обшивки, когда снова свидимся”. Согласно итальянскому переводу с арабского, он продолжал: “Мы должны нанести им удар, и потом высоко держать голову. Запомни хорошенько: в аэропортах опасно”.

Уловить подобные намеки непросто.

Про Америку Абдул-Рахман сказал: “Мы смешиваемся с американцами, и они изучают Коран. Они чувствуют себя львами, чувствуют свою власть над миром, но мы окажем им эту услугу, и это будет ужас”. Еще он сказал: “В небе собрались тучи, огонь уже зажжен в той стране и ожидает лишь ветра”.

Итальянская полиция заявила в свою защиту, что подобные образы часто могут означать совер-

шенно противоположное тому, что кажется. И я их понимаю, этих *carabinieri*.[8] Абдул-Рахман говорил совсем не как международный террорист. Абдул-Рахман говорил как алкоголик. Он говорил совсем как мои друзья под балдой.

Уловить намеки непросто. Позже все становится куда ясней.

[8] Примечания: 8
Полицейские, карабинеры (ит.).

8. Любовь
1

В выходные после их первого секса втроем Моше чувствовал нервное возбуждение. Он хотел знать, что будет дальше. Он хотел выяснить, какие сексуальные сюрпризы ему готовятся. Но то, что произошло потом, не было сексом, к сожалению Моше. Никаких сексуальных развлечений. И даже полное отсутствие секса.

Нана уехала отдыхать. Она уехала с Папой на десять дней.

Знаю, это не лучшее время для отступлений. Но выбор не всегда за мной. Иногда отступления неизбежны. Как, например, этот отпуск. Нана и Папа давно планировали отдых в сентябре. Помните, Нана говорила об этом на Сэвил-роу, в четвертой главе? Эта поездка была Папиным подарком Нане к защите диплома. Он забронировал два билета на самолет в Венецию. О такой поездке Нана могла только мечтать. В середине отпуска они из Венеции отправятся в паломничество в маленький городок в Румынии. Путешествие на поезде по Центральной Европе! В отличие от

Папы, которому подавай Бенидорм или Торремолинос, Нана хотела культурного отдыха. Такая уж она, Нана. Я ничего не могу с этим поделать.

2

Не знаю, как вы обычно проводите отпуск. Может, вы не были нигде, кроме Миконоса. Может быть, вы весь отпуск остаетесь в небольшой арендованной квартирке с плетеным кофейным столиком и полным набором романов издательства “Миллз-энд-Бун”, каждый день занимаясь сексом с новым молодым человеком. А может, вы ездите исключительно на лыжные курорты. И отпуск вам не в радость, если вы только не катаетесь без устали на лыжах, время от времени прямо на лыжне подкрепляясь сэндвичем с тунцом.

Просто потеха, как люди относятся к отпуску. У каждого своя теория идеального отпуска. Мне бы не хотелось, чтобы ваша теория идеального отпуска повлияла на ваше отношение к поездке Наны и Папы.

Вероятно, их поездка не похожа на ваш идеальный отпуск. Неужели, можете подумать вы, эта самая Нана может кому-то нравиться? Но постой-

те. Не позволяйте, чтобы теория оттолкнула вас от Папы с Наной.

Суть заграничного вояжа Наны и Папы в том, что это единственная история истинной любви в моей книге. Их поездка может показаться вам безвкусной, занудной и совершенно непохожей на идеальный отпуск. Однако это любовь. Чистая, бескорыстная любовь.

Поймите меня правильно.

В этой книге любят по-настоящему лишь Папа и Нана. Запомните это. Название этой главы и правильное, и неправильное. Если вы считаете, что любовь всегда подразумевает секс, то оно неправильное. Но если бывает чистая, идеальная любовь, то оно правильное.

3

В Венеции эти двое выбрались из покачивающегося на воде катерка-такси у Арсенала и прошли по причалу до отеля “Бучинторо”. Нана выбрала отель на веб-сайте журнала “Тайм-Аут”. Он был невелик, с охряным фасадом и видом на лагуну. В конце XIX века здесь останавливался художник Джеймс Макнил Уистлер. Умной Нане понравилось именно это.

Они зарегистрировались у стойки и поднялись в номер по ковру, покрытому красно-зеленым цветочным узором. Нана тут же села на кровать и стянула с себя сандалии, Папа встал силуэтом у окна. Счастливый, он оперся о раму. Нана встала и подошла к нему. Рядом с окном стоял большой вентилятор. Нана выключила его. Она стояла рядом с Папой, прислонившись головой к раме окна, симметрично дополняя Папин силуэт. Дешевый мозаичный пол из серых и черных осколков глазурованной плитки холодил босые ступни Наны. Она заметила следы кисти на раме окна, щетинки, оставшиеся под слоем краски. Они смотрели, как вода светлеет, потом темнеет, потом снова светлеет.

Это было прекрасно.

Венеция прекрасна. Она действительно прекрасна. Некоторые считают, что она чрезмерно красива, что бы это ни значило; другие говорят, что она совсем не красива, и что люди просто путают красоту со стариной. И те и другие ошибаются. Венеция прекрасна.

— Какая красота, — сказала Нана, — все так красииииво.

— А это что? — спросил Папа.

— Это — это Догана, — ответила Нана, — мор-

ская таможня.

— Ага, — сказал Папа, — и что, она красивая?

— Нет, — сказала Нана, — некрасивая. Ну, то есть нормальная. Нормальная, не некрасивая.

— А вон то что, вон там?

— Это церковь, Санта Мария делла Салюте.

— Красивая, — сказал Папа.

— Нет, — сказала Нана, — конечно же, нет.

— Почему? — спросил Папа.

— Просто некрасивая, — сказала Нана, — вот и все.

— Но почему? — спросил Папа.

— Пригласи меня в кафе “Флориан”, - сказала Нана, — и я расскажу тебе, что красиво, а что нет.

Потом она поцеловала его.

— Хочу горячего шоколаду, — добавила она. Спускаясь в фойе, они услышали за стеной звуки, безошибочно говорящие о том, что отдыхающая дама то ли достигла оргазма, то ли притворилась, что достигла оргазма.

Они не обратили на это никакого внимания.

4

Не бойтесь. Сейчас был единственный момент, когда в этой главе появился секс. В этой главе нет секса. Для Наны это самая счастливая глава.

Иногда мне кажется, что эта книга — нападка на секс. Иногда мне кажется, что она — сплошное ханжество. Может, так оно и есть. И если это так, то кое-кто может подумать, что это неправильно. Может быть, даже больше, чем кое-кто. Многие подумают, что ханжеству нет оправдания.

Но сам я так не считаю. Совсем нет.

5

Кафе “Флориан” находится на венецианской площади Святого Марка. Это очень старая кофейня. А это значит, что там все очень, очень дорого. Моше их цены точно бы расстроили. Фунта четыре за чашку кофе. Фунтов пять за горячий шоколад.

Нану с Папой цены не заботили. Они наслаждались отдыхом. Им нравился китчевый шарм кафе “Флориан”. Довольные, они сидели за ми-

ниатюрным семиугольным столиком. Слово “миниатюрный”, возможно, не слишком точно передает размеры этого столика. Столик был сделан в XVIII веке. Его создатели исходили из того, что человек ростом 5 футов 5 дюймов — просто гигант. Что-то мне это напоминает, думала Нана, с трудом умещая за столиком свои 6 футов росту. Что-то такое смутное, но что — не вспомнить.

Нана смотрела из окна на цветные купола собора Святого Марка. Собор Святого Марка — самое знаменитое архитектурное сооружение Венеции. Нана была счастлива. Она была счастлива, что может разглядывать собор Святого Марка, прихлебывая горячий шоколад в кофейне XVIII века. Ей нравилось путешествовать. Мне тоже нравится путешествовать.

— Мне так нравится собор, — сказала Нана. — Эти цвета нравятся. Эти формы.

Она долила густого шоколада из фарфорового кувшинчика, и его носик покрылся тонкими разводами, которые скатывались в плотные сгустки. Они были темнее напитка, почти черные.

— Как здорово, — сказала она.

Это же как доска для нард! подумала Нана, наконец вспомнив. Вот что напомнил ей столик — старую доску для нард.

Нана была счастлива. Нана ностальгировала.

Она смотрела на Папу и вспоминала, как в детстве просыпалась и сонно брела вниз по лестнице. Она слышала, как Папа разговаривает по телефону. Французские окна были распахнуты настежь. Она просыпалась рано утром, в гостиной было холодно, и Нана слышала отзвуки шума машин, оттуда, где в туманной дали начиналось шоссе М1.

Ей нравилось путешествовать. Путешествия приносили отдохновение. Путешествия были совсем как дом.

6

Вот, к примеру, одна из их венецианских бесед.

— Что это? — спросил Папа.

— Что? — спросила Нана.

— Вот это.

— Это восемнадцатый век.

— Правда?

— Ага. — сказала Нана. — Это архитектура восемнадцатого века.

— Откуда ты знаешь? — спросил Папа подозрительно.

— Потому что я, ну потому что, из-за кирпичей.

— Но кирпичей не видно.

— Видно.

— Не видно.

— Видно, — сказала Нана, — и видно, что они восемнадцатого века.

— А это что? — спросил Папа.

— Это, это Дворец дожей, — сказала Нана, — а вон то Мост Вздохов.

— Это не Мост Вздохов, — сказал Папа, — я видел Мост Вздохов на открытке, и это совсем не Мост Вздохов.

— Точно, — сказала Нана, — ты прав. Это не Мост Вздохов, это Понте деи Пуньи.

— Что?

— Понте деи Пуньи.

— Никогда о таком не слышал.

— Я о нем читала в путеводителе “Раф Гайд”.

— Архитектура, — сказал Папа, — ты же занимаешься историей архитектуры, ведь так?

— Точно, — сказала Нана, — ты же знаешь.

— Знаю, — сказал Папа, — просто поддразниваю.

Он не поддразнивал. Он и правда не мог вспомнить. А вот я поддразниваю — только погодите.

Чуть позже вы поймете, отчего я это делаю.

Вдвоем, в гондоле, под покровом ночи, попивая полусухую “Каву” прямо из бутылки, Папа и Нана были счастливы.

7

Через три дня, не окончив штудии венецианского Ренессанса, Нана и Папа отправились в Тыргу-Жиу. Тыргу-Жиу — это маленький промышленный городок в западной Румынии. Нана предвкушала особое удовольствие от осмотра достопримечательностей.

Нана не была необычной туристкой.

Кассир на вокзале в Венеции сообщил им время отправления и прибытия поездов до Будапешта. Он читал их с сетки расписания, приложив к ней линейку с видами Турции. Из Будапешта они сели на поезд до румынского города Крайова, а из Крайовы — до Тыргу-Жиу.

Почему же поездка в румынский городок с непроизносимым названием была для Наны особенным счастьем? Потому что в Тыргу-Жиу находятся три монумента работы Бранкузи. А кто такой Бранкузи?

Бранкузи был скульптор начала двадцатого ве-

ка. Он был румын, но жил в Париже. По-румынски фамилия Brancusi произносится как “Бранкуши”. Но думаю, что это не так уж важно. Называть его “Бранкуши” было бы слишком претенциозно. В этой книге я буду звать его “Бранкузи”.

Я знаю, мы слишком углубляемся в культуру. Но культурный туризм неразрывен с культурой. Ничего не поделаешь. Если бы Нана и Папа решили поехать в Бенидорм, мне не потребовалось бы приплетать сюда Бранкузи. Но они поехали не в Бенидорм. Они только что приехали в Тыргу-Жиу, маленький промышленный городок в западной Румынии. Не будем излишне углубляться. Бранкузи был скульптором в двадцатом веке. Он был любимым скульптором Наны. Она собиралась писать про него диссертацию. Вот все, что вам нужно знать.

Витрины киосков на вокзале Тыргу-Жиу были коллажем из рекламных объявлений. Там была реклама “Риглиз Сперминта” и реклама “Сникерсов”. Тут была даже реклама батончиков “Марафон”, хотя “Марафон”, подумала Нана, вроде перестали выпускать уже лет десять назад. Воздух обжигал кожу Наны. Ей было больно дышать. Как я уже говорил, Тыргу-Жиу — маленький индустриальный городок. Платье Наны

прилипло к телу. Папа прошагал к скоплению такси и водителей перед вокзалом и попросил отель “Европа”. Водитель улыбнулся.

Сиденье водителя было застелено чем-то вроде пончо из выцветших разноцветных бусинок. К спинке его была приклеена написанная фломастером записка, которая повествовала о его детях и непрекращающейся вере в Господа. Буквы были то прописные, то строчные. Голографический портрет Господа прилагался. Нана смотрела в замызганное окно. Получасом позже и с бумажником на двадцать фунтов легче они прибыли в отель “Европа”. Отель находился на главной улице, на узкой полоске бетона рядом с ним стояли зонтики с рекламой “Кока-Колы”. Папа поблагодарил водителя, достал чемодан из багажника, и, повернувшись, увидел криво висящую рекламу “Сперминта” и “Сникерсов” у вокзала, на другой стороне улицы. Папа старался не выглядеть подавленным. Он старался не злиться. Вновь обретя уверенность, он вошел в темный вестибюль постсоммунистического отеля “Европа” и заговорил по-французски. Он отдал портье паспорта. Он провел Нану по пустынным коридорам. Одна из дверей была закрыта на швабру. Он нашел их номер, на седьмом этаже абсолютно пустого

отеля. Обои с цветочным узором. Кровавые розы в зеленой листве.

Они бросили сумки и ушли.

Нана и Папа прошли мимо бара “Манхэттен-Мартини”, где круглосуточно подавали коктейли. Они вышли на центральную площадь. Из четырех громкоговорителей орало местное радио. Ошеломленные Папа и Нана прогуливались по площади. Они искали парк.

Вот вам еще немного культуры. В 1935 году президент Румынской национальной женской лиги, а по совместительству жена румынского премьер-министра, заказала румынскому скульптору Бранкузи монумент соотечественникам, павшим в Первой мировой. Монумент в Тыргу-Жиу. Для этого монумента Бранкузи создал “Ворота поцелуя”, “Стол молчания” и “Бесконечную колонну”. У Бранкузи был определенный скульптурный репертуар. Он повторял себя. Он повторял себя с вариациями. “Ворота поцелуя” Бранкузи находятся в городском парке Тыргу-Жиу. Ворота напоминают дольмен. Дольмен состоит из двух вертикальных камней, на которые сверху уложен горизонтальный камень. “Стол молчания” тоже находится в парке. Это каменный круг двух метров в диаметре, вокруг

которого стоят двенадцать сидений. Число двенадцать символично. Оно символизирует число месяцев в году, а также число гостей на традиционных румынских поминках.

Нана остановилась у “Стола молчания”. Если оглянуться, стоя у “Стола”, то можно увидеть “Ворота поцелуя” на другом конце парка. Под воротами мальчик целовал девочку. Волосы мальчика были зачесаны на косой пробор и лоснились. Если повернуться еще немного, можно увидеть спокойное озерцо с маслянистой водой.

Нана была самую чуточку напугана. Она любила приключения. Вот как сейчас. Просто уже начинало темнеть. А Нана хотела еще до темноты увидеть последнего Бранкузи.

И вот, наскоро прожевав и заглотив купленный на лотке хот-дог, Нана и Папа достигли последней скульптуры — “Бесконечной колонны”

Бранкузи, двадцать девять метров в высоту. Пока они шли, Нана рассказывала Папе о любительском фильме, который Бранкузи снял после установки колонны в Тыргу-Жиу. Он снимал, сказала Нана, как облака и солнечный свет меняют форму колонны. Кажется, что колонна меняет форму, потому что ее поверхность испещрена бесчисленными углублениями, объяснила она.

Однако когда они увидели колонну, все оказалось совсем не так. “Бесконечная колонна” покачивалась в окружении строительных лесов. Рядом с ней высился подъемный кран. По соседству с колонной строили новый спортивный зал. Нана погрустнела. Она пыталась представить себе, что вокруг колонны ничего нет.

Печально, но временами даже путешествия не приносят отдохновения.

— Нет, мне нравится, — сказал Папа. — Это, я вижу, как-то связано архитектурно. То есть. Ну.

Он пытался быть тактичным.

— Бранкузи говорил, что архитектурные сооружения — это просто обитаемая скульптура, — сказала Нана.

— Конечно, конечно, — сказал Папа.

— Ты понимаешь?

— Конечно, милая.

— Он строил свои скульптуры по архитектурным канонам.

— Угу.

— Это архитектура, — сказала Нана. — Она выстроена так, чтобы была видна церковь на заднем плане.

Действительно, если как следует присмотреться, в сумерках можно было разглядеть небольшой

бронзовый купол.

— Голова болит, — сказал Папа. — Нет, правда.

Они вернулись в отель “Европа”.

Папа зашел в крохотную ванную и запер за собой дверь. Стесняясь звуков, которые он производил, Папа пустил в ванну горячую воду, пока писал. Потом он добавил холодной, пробуя струю рукой, и заткнул дырку не подходящей по размеру резиновой пробкой. Он сел на сиденье унитаза. Встал и стоптал с себя туфли, цепляясь каблуком за каблук. Посмотрел в грязное зеркало. У него болела голова.

8

Нана и Папа вернулись в Венецию еще на четыре дня. Это была Папина часть отпуска. Без всякой культурной программы. Последние четыре дня они собирались сидеть, есть и пить. Никаких музеев. Никаких памятников архитектуры.

Папа и Нана прогуливались в поисках баров. Они пересекали почти пустынные площади. Время от времени мимо проносился ночной курьер на скутере. На гондолу грузили ящики с авокадо под наблюдением мужчины, отмечавшего что-то шариковой ручкой на обратной стороне

накладной. В открытом окне офиса девушка, сидевшая перед полупрозрачным лиловым коконом “iMaca”, подняла голову и задумчиво посмотрела на проходящих Нану и Папу.

Это идиллия. И вся эта глава — идиллия.

К примеру, в баре “Парадизо Пердуто” Нана только что научила Папу, как правильно скручивать и курить косяк. Она познакомила его с марихуаной, потому что волновалась из-за преследовавших его головных болей. Она подумала, что травка может помочь. Это было так идиллически.

— Помнишь тот ресторан, — говорила Нана, — он назывался “Голландская старина”. Ты водил меня туда после стоматолога. Не знаю, почему блины. Не важно. Лизни ее. Лизни бумажку. Та-а-ак. Там были блины такие большие, вот настолько свисали с тарелок. А тарелки были огромные.

— Ты тогда была вегетарианкой, — сказал Папа. — Мне тоже пришлось стать вегетарианцем. Вот что я люблю, подумала Нана. Я люблю вспоминать.

— Отличное было местечко, — сказала она.

Последовала пауза. Паузу трудно передать.

Ее можно передать только описав, что проис-

ходит в это время.

Например, эта пауза была достаточно длинной, чтобы Папа оторвал кусочек картона от спичечного коробка “Парадизо Пердуто”, попытался вставить его в косяк вместо мундштука, и потом оторвал от него половину, чтобы сделать поменьше.

— Знаешь, я, может быть, — сказала Нана. — Может быть, перееду к Моше.

Переедет к Моше? Она переедет к Моше?!

Да. Она так решила. Я не рассказал вам об этом раньше, чтобы получился сюрприз. Теперь сравните свою реакцию с Папиной.

Папина реакция была радость. Папа обрадовался. Он был рад за Нану.

Понятное дело, Папа не был свидетелем секса втроем. Он не владел всеми фактами. Он не знал про Нану и Анджали. Он не знал, например, что Нана стала получать удовольствие от фразы “*ménage à trois*”.

Чтобы отметить Нанино счастье, Папа, ангел-благодетель нашей истории, запалил свой толстый и плохо скрученный косяк и глубоко затянулся.

9

В рождественский вечер, когда Нана еще была слишком мала для настоящего Рождества, Папа садился на край ее постели и читал вслух. Он читал ей “Ночь перед Рождеством”. Это были стихи. Из этих стихов Нана узнала, как Санта-Клаус в далекой Лапландии готовится к своему путешествию на край ночи, чтобы раздавать рождественские подарки. Нана знала все про оленей Санта-Клауса. Она знала их всех по именам. Когда она выросла, то могла вспомнить только Рудольфа — конечно, Рудольфа — и еще Прыгуна, Топотуна, Доннера и Блитцена. У Санта-Клауса были еще олени, но она могла вспомнить только этих. Когда Папа читал ей стихи, он был очень серьезен. Это была не просто сказка. Он читал так увлеченно и веско. И Нане нравилась Папина серьезность. Ей казалось, что это правильно. Это же самая серьезная вещь на свете — как Санта-Клаус приносит Нане подарки.

Это было самым любимым воспоминанием Наны. Она любила голос Папы, читающего ей стихи.

9. Интрига
1

Ménage à trois традиционно считают сексуально нетрадиционным. В нем есть что-то беспокоящее. Парочка может быть непристойной, но, в конце концов, это просто парочка. Самое обычное дело. Но *ménage à trois* подразумевает богемный образ жизни. А с богемностью ничего не поделаешь.

Если, по-вашему, это неоспоримое утверждение требует доказательств, вспомните фильм “Кабаре”. Он был снят в Нью-Йорке в начале 70-х и обладает очарованием глэм-роковой трэш-культуры. Действие происходит в Берлине начала 30-х. “Кабаре” рассказывает историю американской певички по имени Сатли (которую играет молодая Лайза Миннелли) и английского писателя по имени Брайан. Салли и Брайан — любовники. Они знакомятся с немецким графом. Его зовут Максимилиан. Остальное можете себе представить. Салли влюбляется в Максимилиана. Брайан влюбляется в Максимилиана. Максимилиан влюбляется в них обоих.

Любовь втроем — главная черта глэм-рокового

сюжета. Он не был бы богемным без *ménage à trois.*

К примеру, самые известные слова в “Кабаре” — “Вдвоем веселее, чем одному / Втроем веселей, чем вдвоем”. Их поет с плотоядной ухмылочкой нарумяненный конферансье клуба “Кит-Кат”, во фрачной паре и с двумя аппетитными дамочками по бокам. Таков традиционный взгляд на любовь втроем. Она заразительно сексуальна. Немецкий декаданс до прихода фашистов. Олицетворение секса.

Знаю, я все это знаю. Я знаю, что большинство людей думают о *ménage à trois* именно так, если вообще об этом думают. Просто мне кажется, что этот взгляд ошибочен. Он не учитывает столь многого. Была осень. Нана, как и говорила Папе, переехала к Моше. У нее начался новый учебный семестр в Архитектурной ассоциации, и она собиралась приступить к своей диссертации по теории архитектуры. Моше закончил играть Слободана Милошевича в пьесе Ричарда Нортона-Тейлора “Миротворческие силы” в театре “Три колеса” в Килберне. У Анджали закончился годовой контракт на съемки в рекламе присыпки “Джонсонз Бэби”. Анджали тоже в некотором роде переехала к Моше. У нее был свой ключ. Так

что она время от времени заходила и уходила. Она оставалась там каждые выходные.

Надеюсь, вы довольны. Надеюсь, теперь вам до конца понятно, кто и где живет.

Моше, Нана и Анджали были современным *ménage à trois.* Они определенно были *ménage à trois.* Это было несомненно. Они занимались любовью и вдвоем, и втроем.

2

Но *ménage* это не только секс. Это не только немецкий декаданс до прихода фашистов. Это еще и что-то домашнее. Что-то семейное. Конечно, Моше, Нана и Анджали играли друг с другом в занимательные сексуальные игры, но еще они втроем ходили плавать. По утрам в субботу Моше и две его подружки отправлялись в бассейн “Оазис” на Хай-Холборн. Я бы хотел посмотреть, как они плавают. Особенно я хотел бы посмотреть на Моше в бассейне.

Для Моше плавание было чистым блаженством.

Однако были и проблемы. Несколько мелких, и одна серьезная.

Мелкие проблемы были вот какие. Моше обес-

кураживали отдельные раздевалки. Сегрегация по половому признаку казалась ему несправедливой. Он немного ревновал. Спуская с бедер джинсы “Эйч-энд-Эм”, стоя босиком, на носках и ботинках, чтобы не замочить ноги, он пытался представить себе, что происходит в женской раздевалке. Моше угрюмо взирал на мужские члены. Они ему не нравились. Ему нравились женские груди. С осторожностью, притворяясь, что выковыривает серу из ушей ватным тампончиком, чтобы не показаться голубым, он сравнивал свой член с остальными. Он выглядел неплохо. Ничего особенного, но в общем неплохо. Моше натянул темно-синие плавки “Адидас”, погрузил ноги в густой дезинфицирующий раствор, и прошел к бассейну. Он спустился в воду, храбро цепляясь за стальные перекладины. Глубина бассейна в самом глубоком месте достигала трех метров. Это немного пугало Моше. Он не знал в точности свой рост, но предполагал, что три метра — это раза в два больше. По крайней мере, в два раза больше его роста.

Моше огляделся и увидел белую сетку, наполненную гибкими губчатыми поплавками, полосатыми плавучими досками и оранжевыми надувными наручными “браслетами”. Он поду-

мал, как бы хорошо было использовать сейчас весь этот арсенал плавсредств. Но потом решил, что не стоит. В бассейн мог зайти кто угодно. Например, симпатичная шестнадцатилетняя девочка. Моше не хотелось бы сжимать в объятиях полосатый полистироловый поплавок на виду у симпатичной шестнадцатилетней девочки.

Моше пасся в лягушатнике, поглядывая на выход из женской раздевалки. Он вспоминал о девичьих проказах. Однажды Нана и Анджали надели на Моше плавательный пояс для новичков и руками помогали ему держаться на воде. А в другой раз они уплыли на глубину и целовались там, работая ногами в воде. Нана и Анджали плавали гораздо лучше Моше. Они дразнили его. Он представлял себе, как они порнографически намыливают друг другу сиськи в душе перед бассейном. От этого в его тугих плавках случалась эрекция. И он стоял у бортика, уперев локти в скользкие мокрые плитки, с невозмутимой и задумчивой физиономией. Он действительно думал. Он думал о послебассейновом кофе в кафе “Горчичное зерно” в Финзбери. В “Горчичном зерне” Моше мог смазать вазелином свою несчастную, разъеденную хлоркой межпальцевую экзему. “Горчичное зерно” было его тихой

гаванью, его городским убежищем.

3

Пока Моше ожидает, чтобы прошла эрекция, и мечтает о капуччино, давайте поговорим о нем самом. Мы уже говорили о мелочах, которые мешают Моше в его повседневной семейной жизни. Обратимся теперь к любовному нраву. Главной проблемой Моше была его любовная натура.

Дело в том, что Моше не был донжуаном. Если бы он был донжуаном, он рассматривал бы текущую ситуацию как сексуальное завоевание. Он попытался покорить сразу двух девочек и победил. Но Моше так не считал. И я его понимаю. Я тоже не донжуан.

Моше был целомудренным. Он любил Нану. Он любил ее добродетельно. И из-за этой целомудренной любви он не получал истинного наслаждения от *ménage à trois.*

В гламурном фильме “Кабаре” есть такой диалог между любовниками, Салли и Брайаном. “Да е…л я твоего Максимилиана!” — восклицает Брайан. “А он меня” — отвечает ему Салли. На что Брайан, после короткой паузы, тихо добавляет: “И меня”.

Мне очень нравится этот маленький диалог. Он прекрасно резюмирует отношения, лежащие в основе *ménage à trois. Ménage*, как начал понимать Моше, основан на взаимной неверности.

Любовь втроем — это три отдельные пары. И одной из этих пар были Анджали и Моше. Моше это не слишком радовало. Ну да, ему нравился секс с Анджали. Просто он не был уверен, что одобряет это. В конце концов, ведь это неверность.

Моше не был донжуаном. Он не был хладнокровным соблазнителем. Он был романтиком. Вот вам мое определение романтика. Романтик — это человек, для которого любовь должна быть не только эротической, но и целомудренной. Моше сомневался в целомудренности *ménage à trois.*

Для *ménage à trois* он был слишком добродетелен.

4

В конце концов, ведь можно думать две мысли одновременно. Моше было неловко, и эта неловкость существенна. Но ведь он всего лишь человек. Кроме неловкости он также признавал определенные преимущества в том, чтобы иметь двух подружек, а не одну.

Например, в бассейне “Оазис” наша троица обыкновенно вела себя добропорядочно. Проплыть по дорожке несколько раз туда-обратно, наполняя организм энергией. Но в эту субботу все вышло иначе. Верхняя часть бикини у Анджали все время расстегивалась. Именно поэтому Анджали с Наной задержались. Они вышли из раздевалки хихикая. Руки Анджали были скрещены на груди. Сломалась застежка, объяснила она. Так оно и было. Когда грудь Анджали встретилась с водой, они — груди — выскочили на свет божий. Новое бикини, сказала она Моше. Купила на прошлой неделе в “Топ Шопе”. Один раз надевала, сказала Анджали, широко раскрыв глаза, безо всяких проблем. А тут на тебе.

Разумеется, наше порочное трио не обошлось без импровизации. Вы, возможно, помните, что я люблю импровизации. Анджали спрятала грудь под искусно задрапированным оранжевым плавательным поясом, имитирующим купальник. Однако проблему утреннего плавания это не решило. Озадаченные Моше, Нана и Анджали стояли в лягушатнике, рядом со сливом, закрытым водным фильтром. Стыдно сказать, но непривычное ощущение груди, обнаженной публично, подало Анджали идею. Несмотря на

то что она — одна из моих героинь, она вдруг расхотела быть благопристойной. Ей захотелось безобразия. Ей захотелось, чтобы Моше кончил прямо в бассейне. И вот, прикрываясь стоявшей сзади Моше Наной, Анджали чуть присела и ухватила член Моше в плавках “Адидас”. Несмотря на давление воды, член Моше стал расти. Он рос и рос. Дипломатичная Анджали пообещала Моше, что в воду не прольется ни одна капля. В критический момент она наклонится к нему, а Нана приподнимет Моше в воде так, чтобы его член выглянул из воды и встретился со ртом Анджали. И все будет в порядке.

Глаза Моше были полны ужаса. И страха перед полицией. Анджали объяснила, что в случае чего их спасет слив, который уничтожит все следы преступления. Моше был в шоке. Думаю, это понятно. Они стояли тесной группкой в углу общественного бассейна, причем одна из них, судя по всему, в плавательном поясе на голое тело. Довольно подозрительно, решил Моше. Дежурный тренер обязательно обратит на них внимание.

Дежурный тренер действительно обратил на них внимание. Троица в лягушатнике, судя по всему, не умела плавать, и одной из девушек был нужен учебный пояс. Возможно, им понадобится

помощь. Тренер направился к ним. Он был высоким и статным мужчиной. По рельефу его живота можно было изучать все шесть мышц пресса. Он был красив. Он был прекрасен, как статуя. По сравнению с ним Моше чувствовал себя хиляком. К сожалению, Анджали, Моше и Нана так и не узнали его имени. Но я вам скажу, как его звали. Тренера звали Эди.

— Привет, — сказал Эди.

— Привет, — живо ответил Моше.

Он пытался понять, видит Эди или не видит.

Эди видел достаточно.

— Все нормально? — он показал на плавательный пояс.

— Да да да, все нормально, в порядке, — сказал Моше, пытаясь представить, что скажут его родственники, когда увидят заметку о происшествии в “Еврейских новостях”.

Анджали улыбнулась Эди. Нана сконфуженно отвернулась.

Эди улыбнулся в ответ.

Потому что даже дежурный тренер попал под очарование любви втроем. Даже он видел в их троице возбуждающую изюминку. Эди подмигнул. И ушел.

5

Вам может показаться, что Анджали вела себя, как эксгибиционистка. Вижу, что это требует объяснений. Дело в том, что в сексе между Анджали и Моше была какая-то напряженность. С одной стороны они оставались друзьями, которые, однако, с другой стороны необъяснимым образом занимались сексом. Они занимались сексом, потому что должны были заниматься сексом. В конце концов, они составляли две трети *ménage à trois.* Но секс по обязанности — это секс по обязанности. Он быстро надоедает.

Мне жаль, что так вышло. Во многих отношениях *ménage à trois* — идеальная ячейка секса. Социалистическая сексуальная утопия. Одно из преимуществ шведской семьи — в равном распределении сексуальных обязанностей. В возможности переиграть позиции. К примеру, Анджали всегда побаивалась попросить, чтобы подружка поработала над ней фаллоимитатором. Стеснительной Анджали казалось, что в женской компании подобная просьба говорит о ее преувеличенном интересе к мужскому члену. Однако в нашем *ménage* ничто не мешало ей попросить

Моше поработать членом. И Моше работал членом с удовольствием. Нана очень не любила одну позицию, когда девочка стоит на четвереньках, а мальчик входит сзади. Моше в этой позиции делал ей больно. Она ощущала, что он упирается куда-то внутрь живота, и это было больно. А вот Анджали с удовольствием становилась раком. Перераспределение действительно работало. Анджали любила член Моше глубоко в себе. Она *кончала* от этого.

У Моше тоже была одна позиция, которая расстраивала его, когда он думал о сексе с Наной.

Проблема заключалась в позиции “69”. “69” — это взаимный оральный секс. Эту позицию Нана и Моше практиковали редко, потому что Нана была шести футов ростом. А Моше — заметно ниже. Для успешного применения “69” член Моше следовало выгнуть неестественным образом. И вытянуть. Поэтому обычно либо Нана сильно выгибала спину, а это было больно, либо доставала ртом только до внутренней поверхности бедра Моше, ближе к колену. Ну, или Моше приходилось вылизывать пупок Наны. А вот Анджали была ниже, чем Моше. Ее рот оказывался в нужном месте. И вообще все оказывалось в нужных местах.

Так почему же эта сексуальная утопия не была идеальной? Я поясню вам на рисунке. Вернее сказать, на воображаемом рисунке. Вам придется представить себе мой комикс. Он изображает Анджали, стоящую на четвереньках, и Моше на коленях сзади нее. Вы можете также представить себе, что к Моше чуть ниже талии прикреплен небольшой отросток. Суть нашего комикса — не в отростке. Суть — в пузырях, нарисованных рядом с их головами, где плавают мысли. Понятно, что они чувствуют. Они чувствуют удовольствие, потому что трахаются. Проблема не в этом. Проблема в том, что они думают. Вы уже знаете, что будет написано в "пузыре" с мыслями Моше.

"Нана, — стонет он, — милая Нана". Его мысленный "пузырь" сентиментален и романтичен. "Пузырь" Анджали совсем другой. Он, конечно, тоже сентиментален и романтичен. Но это другая романтика. Лесбийская романтика. Он полон лесбийских воспоминаний. "Зося, — думает она, — о, Зося". Анджали вспоминает свою бывшую подружку. А иногда — нет, нет, не может быть! — она думает "Нана". Она то и дело вспоминает их недавние встречи вдвоем, — например, когда Нана заставила ее кончить в картографическом отделе Кэмденской библиотеки на

Юстон-роуд, прислонившись к Уэльсу и Северной Ирландии.

Я уже упомянул, что Анджали была бисексуальна. Она была весьма бисексуальна. И в этом она была виртуозом. У нее был дар в любой разновидности секса. У нее был талант. Но в конечном итоге Анджали не слишком нравились мальчики. Не так сильно, как девочки. Анджали предпочитала девочек. Она велась на девочек.

6

И именно поэтому, видите ли, их *ménage à trois* был неоднозначен. Он был не такой уж богемный, как это казалась. Как вы знаете, Моше не был до конца счастлив. И Анджали тоже не казалась слишком счастливой. Их *ménage* не был немецким декадансом 20-х годов. Вовсе нет.

Проблема возникала даже с тем, кто и где спит.

В обычной паре, как правило, каждый со временем занимает свою сторону постели. К примеру, в обреченной паре Стейси и Хендерсона Стейси всегда спала слева. Однако когда любовников трое, все становится сложнее. Места в постели перестают быть нейтральными. Они становятся символическими.

Вот вам пример. Чтобы отметить завершение победоносного сезона “Миротворческих сил” в театре “Три колеса”, Нана, Моше и Анджали отправились завтракать в “Ле Каприс”. Однако же из этого дорогостоящего пиршества Нана, Моше и Анджали не запомнили почти ничего. Они не были гурманами. Они много пили. Они напились, много шумели и говорили о себе. Они стали раздражительны.

До чего гламурно, думал Моше.

Но их разговор был вовсе не гламурным.

— Ниче если я сеня посплю в серединке? — спросила Нана.

— Токо сеня? — спросил озадаченный Моше.

— Ну мне уже надъело спать с краю, — сказала Нана. — Каждое утро они начинают греметь бутылками, и я просыпаюсь, и не могу потом заснуть, а потом ты встаешь, а я хожу весь день сонная. Лана?

— Да нет, — сказал Моше, — лана, ниче.

Вот вам простая схемка. Обычно они располагались в постели вот так:

Нана, Моше, Анджали.

Теперь Нана хотела лечь так:

Моше, Нана, Анджали.

Тут есть тонкая разница. Разница в том, кто

лежит рядом с кем. И Моше понял эту разницу.

— И еще окно, — сказала она.

— Окно? — спросил Моше.

— Ну, я думала, привыкну и все такое, — сказала Нана. — У меня бывает бессонница и вот. Ну не знаю. Просто холодно.

— Ну так давай его закрывать, — сказала Анджали. — С сегодняшнего дня закрываем окно на ночь. Мне так тоже лучше.

Моше рассматривал паровое филе морского окуня, обернутое увядшим листом.

— Ну или можешь перелечь на другой край, а я лягу в серединке, — сказала Анджали. — С того краю будешь дальше от окна.

На новой схеме Анджали все спали так:

Моше, Анджали, Нана.

Нане схема понравилась. Моше эта схема не понравилась совершенно.

Моше обернулся, чтобы взять вино с серебряного подноса, стоявшего сзади, и оказался лицом к лицу с большой глянцевой черно-белой фотографией Элвиса Костелло. Оказывается, Элвис Костелло был завсегдатаем “Ле Каприс”. Он был одним из тех блестящих знаменитостей. Моше смотрел ему в глаза. Он вдруг возненавидел Элвиса Костелло. И прочих довольных блестящих

знаменитостей.

— Раньше ты об этом не говорила, — сказал он Нане.

— Или говорила? — спросил он у Анджали.

— Может, не надо? — спросил он у Наны и Анджали.

— Ну, — сказала Нана, — я могу сеня поспать на диване. Ну просто пойти туда спать.

— На диване? — спросил Моше. — Зачем на диване? Можно просто закрыть окно.

— Давай просто окно закроем, — сказала Анджали Нане.

— Да нет, ну зачем мешать Моше? — сказала Нана Анджали.

— Это ведь твоя квартира, так ведь? — сказала она Моше. — Ты всегда говорил, что с закрытым окном жарко. Я посплю на диване, вот и все.

— Послуш, — сказал Моше, — на самом деле это мелочи. Ничего страшного. Это никакая не жертва.

— Что ты сказал? — спросила Нана. — Прости, я не слышала. Показалось, что телефон звонит.

— Это никакая не слишком большая жертва, — повторил Моше.

— Нет, нет, — сказала Нана, — я на диване.

— Но я же сказал, что не хочу, — сказал Мо-

ше. — *Я* ж знаю, ты не любишь спать одна. Давай, как обычно, в спальне, со мной и Анджи? Ты ж не любишь спать одна.

Два официанта убирали с соседнего столика.

— Слушай, не дури, — сказала Нана. — Ну то есть. В смысле. Если Анджали хочет с закрытым окном, я могу спать там с Анджали.

— Но я же я ж сказал, что можно закрыть окно, — сказал Моше.

— Ну милые мои, — сказала Нана, — не может же так продолжаться вечно. Я прст не могу спать.

— Хрошамысль, — сказала Анджали. — Птушта когда ты встаешь, не будешь бояться меня разбудить.

— Я что, тебя бужу? — спросил Моше.

— Ну, — сказала Анджали. — Утром. Когда ползешь через меня.

Нана потрясла лед в стакане с минералкой. Моше отлучился пописать.

У одного из мужчин за столиком рядом с лестницей к туалетам, подумал Моше, прическа такая, как будто он сам ее разработал. С утра его волосы были туго завиты круглой колючей щеткой из конского волоса. Мужчина показывал фотографии своему соседу по столику. У его

компаньона был темно-бурый загар, блестящая шевелюра, выкрашенная в рыжий цвет, и очки от “Хьюго Босс” в золоченой оправе, с длинной, выступающей по бокам, верхней планкой. Еще у него были усы и крупная бородавка.

Моше почувствовал горечь. Отчего-то вид этих двух мужчин за столиком огорчил его. И хотя Моше никогда не признал бы этого, я объясню вам причину. Ему стало неприятно, потому что они были вместе. Они выглядели гомосексуально.

Печально, но факт. Один из моих героев на мгновение сделался гомофобом. В мужском сортире было спокойнее. По счастью, там никого больше не было. Вместо отдельных писсуаров в туалете был один длинный мочеприемник. С наклонным матовым стеклянным обрамлением, чтобы ловить последние слабые и стряхиваемые капли. Моше выгнул спину, доставая член из своих трусов-боксеров из ткани в яркий баклажанчик. Он вытащил из-под крайней плоти застрявший волос. И стал мочиться. В туалетах, думал Моше, приятен приглушенный свет и мягкое черное ковровое покрытие. Он смотрел на ровные ряды серых, будто бы выведенных от руки, надписей курсивом — “Армитидж Шенке”. Он смотрел, как от того места, где его струя ударяет

в фаянс, расходится светлое пятно. Он стряхнул последние капли. Потом он запихнул член обратно в трусы, отчего на них расплылось крохотное пятнышко, застегнул “молнию” на брюках и взъерошил себе волосы мокрыми руками. Струя воды из крана была гладкой и с пузырьками.

Когда он вернулся, на столе лежала кожаная обложка со счетом. Нана и Анджали целовались. Они целовались короткими частыми поцелуями.

У Моше проблемы, подумал Моше.

7

Как это ни смешно, проблемы Моше аналогичны проблеме оппозиции в капиталистическом обществе. Как отмечали многие левые критики, капитализму очень трудно что-либо возразить. Одним из тех, кто пытался это объяснить, был Антонио Грамши. Антонио Грамши был итальянским марксистом. В 1926 году он был арестован фашистским правительством и помещен в тюрьму. В 1928 году его приговорили к двадцати годам, четырем месяцам и пяти дням тюремного заключения. Он умер от инсульта в 1937 году. К концу жизни Грамши также страдал от артериосклероза, туберкулезной инфекции позвоночника и

легочного туберкулеза. Однако не все было плохо. Грамши написал “Тюремные тетради”.

В своих заметках он наметил в общих чертах множество теорий. Одна из этих теорий касалась того, как быть революционером в капиталистическом обществе. Проблема антикапиталистической революции, считал Грамши, заключается в так называемой “гегемонии”. Гегемония, по Грамши, есть “комбинация насилия и согласия, которые уравновешивают друг друга, причем насилие не является абсолютно преобладающим. На самом деле всегда прилагаются усилия к тому, чтобы насилие казалось основанным на согласии большинства, выражаемом так называемыми органами общественного мнения — газетами и общественными объединениями…”

Ффух.

Грамши, по сути, говорит, что если вы не согласны с капитализмом, то это всем безразлично. Капитализм фальсифицирует общественное мнение таким образом, что вас просто никто не замечает. Я бы, однако, объяснил иначе, отчего всем безразличны нападки на капитализм. У меня другая теория. Нападки всегда выглядят позерством. Если вы богаты и нападаете на капитализм, люди считают вас лицемером. Если

вы бедны и нападаете на капитализм, значит, вы просто завидуете.

Точно так же, если бы Моше пожаловался на то, что любовь втроем далека от идеала, вы решили бы, что он лицемерит. Взрослый мужчина жалуется на то, что у него в постели две девочки! Только представьте себе! Но, если бы он взял вас за руку, заглянул в ваши прекрасные голубые глаза и продолжал настаивать на том, что их отношения не идеальны, вы решили бы, что он просто ревнует. Он не получает того удвоенного сексуального внимания, того исключительного секса, на который он рассчитывал.

Вы бы решили, что Моше не тянет в сексуальном плане.

8

Как мы теперь знаем, *ménage à trois* — это сочетание секса и дел семейных. Это куда больше похоже на парную семью, чем принято считать. Только сложнее. К примеру, и там и там надо ходить за молоком. Ну вот, субботним или воскресным утром, Нана и Анджали отправлялись за молоком на Амвелл-стрит.

Я хочу описать их походы за молоком. Это зна-

менательные походы.

На вывеске магазина наклонными рукописными буквами было вызолочено: “Молочная ферма Ллойдс и сын — Первоклассные молочные продукты”. В “Первоклассных молочных продуктах” всегда толпились жены. И папы. Нану это смешило. Ей было смешно, потому что она могла представить, что думали жены и папы при взгляде на Нану и Анджали. Жены и папы, думала Нана, конфузились при виде двух девочек, которые ходят за молоком, держась за руки. Больше всего Нане нравилось то, что их с Анджали богемность, их наружный авангардизм были лишь видимостью. Нана чувствовала себя женой не меньше, чем все остальные жены в “Молочных продуктах”. Она ощущала себя замужней женщиной. Просто кроме мужа у нее была еще и жена. Вот и вся разница.

У Анджали, очевидно, имелось собственное мнение о женах и мужьях. Ее гораздо больше интересовали жены.

Внутри “Молочные продукты” были прекрасны. Охряные баночки горчицы “Колманз” выстроились пирамидой, словно акробаты. На стене висел плакат 50-х годов, изображавший красивую довольную женщину с ее любимым джерсейским

молоком. Ее прическа элегантно огибала изящно изогнутые уши. Нана любила это очарование ушедших времен. Тупая сигарка собачьей какашки у порога была заботливо отодвинута вбок. Стоя в очереди, Нана поглаживала искусственную травку на внутренней стороне витрины. Ей нравилась ее чуть покалывающая мягкость. Ей нравилась ее неестественность. А что Анджали? Анджали сплетничала.

— Знаешь, почему они разошлись? Ну, — говорила она. — А казались такой счастливой парой. Ну помнишь на прошлой неделе ты читала это интервью ну читала или нет где она сказала в журнале “Хит”. Вот. Точно-точно.

Или:

— Да он и не похож был на палестинца. Ну, одет в костюм, и все такое.

Потом Анджали говорила продавщице, какое молоко им нужно, и принималась искать деньги.

— Мне не хватает фунта, у тебя есть фунт? — спрашивала она. — Один фунт?

Потом они уходили, улыбаясь и старательно обходя детей и продуктовые сумки.

Походы за молоком вошли в привычку. Анджали и Нана сворачивали с Амвелл-стрит на

Ллойд-Бейкер-стрит. Нане нравилось разглядывать окна с тюлевыми занавесками и кустиками юкки на подоконниках, полуоторванный стикер “Я люблю Вашингтон”, пластмассовых кукол “Нодди”. Иногда она представляла себе девочку, вытянувшую одну ногу поверх одеяла, в дешевой ночнушке с колючей биркой на воротнике. Или женщину, стоящую рядом с девочкой с косичками в черном бархатном платьице, чьи руки нажимали на клавиши невидимого пианино.

Дома наводили Нану на мысли о младенцах. Они наводили ее на мысли о семьях. А настоящая семья, в понимании Наны, была семьей гетеросексуальной. Вам надо знать это, чтобы понять Нану.

В то время как Анджали в этот привычный момент похода за молоком воскресным утром обычно говорила: “Я так тебя люблю”.

Вот отчего походы за молоком было такими знаменательными.

Важно помнить, что есть несколько способов сказать “я тебя люблю”. Можно сказать “я тебя люблю” от восхитительной, всепоглощающей любви. А можно — от простого дружеского счастья. Анджали говорила “я тебя люблю” во втором смысле. Вернее, она с этого начала. Но

постепенно эта фраза становилась все более и более серьезной. Скажу на случай, если вы еще не догадались: Анджали все больше нравилась Нана. Ее “я тебя люблю” чем дальше, тем больше становилось примером восхитительной, всепоглощающей любви.

Возможно, тому была еще одна причина. Анджали не была уверена, что их нынешние отношения будут ей выгодны. Она все еще чувствовала себя лишней в отношениях с главной парой. Их трио всегда было шатким. Так что это “я тебя люблю”, которое она говорила Нане с глазу на глаз, питалось еще и ее сомнениями. Она просила, чтобы Нана успокоила ее.

Потому что в конце концов именно ей, думала Анджали, будет больно. Если кого-то из них вышвырнут из их отношений, истощенного и опустошенного, то это будет Анджали.

Нельзя полюбить в один миг. Любовь требует времени. Она развивается постепенно, иногда под влиянием тонких, незаметных причин. С начала октября до середины ноября Анджали ходила с Наной за молоком и влюблялась в нее.

Но Нана этого не знала. Она думала, что Анджали говорила “я тебя люблю” от простого дружеского счастья. В этот раз, в середине ноября,

Нана как раз рассеянно смотрела на девочку с детской коляской, которая говорила другой девочке с детской коляской:

— Птушто я типа черная и горжусь этим. Ну как Майкл Джексон помнишь молодой с таким “афро” на голове?

Два пухлых младенца сидели, ссутулившись, и глазели в складчатые пластиковые небеса.

Нана кивнула и поцеловала ее в ответ. Она поцеловала Анджали у всех на виду. Было воскресное утро. Они шли за молоком. Все по-семейному.

Нана была счастлива. Она думала о счастливых семьях.

9

Как-то вечером в 1936 году актриса Рене Мюллер была в кабинете канцлера Германии. Они были наедине. В то время канцлером Германии был Адольф Гитлер. Поскольку время было позднее и они были наедине, Рене была уверена, что Адольф желает секса. Поначалу все так и было. Он начал раздевать ее. Но в тот момент, когда надо было ложиться в постель, Гитлер бросился на пол и попросил Рене Мюллер ударить его.

Вначале Рене колебалась. Она стеснялась. Она

была смущена. Представьте себе голого канцлера на четвереньках, упрашивающего его пнуть. Но Адольф умолял ее. Он называл себя низким, подлым червяком, идиотом, мерзким животным, хуже собаки, скверным мальчишкой, заслуживающим наказания.

Адольф пресмыкался. Он ползал перед Рене на коленях.

В том, что мы стесняемся, есть кое-что забавное: ведь в конце концов мы обычно все-таки перестаем стесняться и делаем то, чего стеснялись. Просто чтобы больше не стесняться.

В конце концов Рене Мюллер ударила Адольфа. Нежно, несильно, но ударила. И его это возбудило. Он просил еще. Он упрашивал ее без устали.

— Ах ты червяк, — сказала ему Рене, — ах ты крысиный выродок.

Адольф ловил кайф. Он говорил Рене, как она великодушна, он говорил, что она обходится с ним гораздо лучше, чем он заслуживает, что он не достоин столь щедро даримой ею дисциплины. Он недостоин даже находиться с ней в одной комнате, говорил Адольф.

Самое занятное состояло в том, что Рене все это тоже начало доставлять удовольствие. Раньше она никогда не пробовала быть доминатриссой,

но тут ей понравилось. Киноактриса Рене Мюллер не только избавилась от смущения, но и открыла для себя собственную сексуальную привлекательность. Она как следует приложила Адольфа. Она принялась избивать его изо всех сил. Как же мало вариаций существует в сексе. Бедный Адольф, желающий только пинков. Бедный, бедный Адольф, способный лишь на фразы вроде: “я не достоин даже находиться с вами в одной комнате”. Кажется, я начинаю его жалеть. А бедняжка Рене, которую столь быстро очаровала роль доминатриссы! В своей невинности ни Рене, ни Адольф не пытались сделать свою сексуальную жизнь более конкретной. Адольф не давал ей подробных инструкций относительно точной последовательности и силы наносимых ударов. Он просто хотел. Она просто била.

Адольф и Рене только что повстречались с главной проблемой человеческой сексуальности. Вот она. Ваши сексуальные желания присущи не только вам. Вы не оригинальны. Вы можете подумать, что ваши извращения оригинальны, но это не так. Извращения присущи всем. Они универсальны. Конкретизировать их — ваша задача.

10

Анджали сидела в Интернете. Однажды утром в гостиной Моше она разглядывала бесплатные порнокартинки. Анджали ходила по галерее иконок на eroticamateurz.com. Если вы не знаете, что такое галерея иконок, я вам объясню. Иконка — это картинка. Порнографическая картинка размером с ноготок. Но если щелкнуть по ней мышкой, она увеличится.

Для нашего рассказа это важно. Честное слово.

Анджали занималась мастурбацией.

Девушка в гагатовом ожерелье и черных чулках в сеточку засунула руку себе во влагалище, так что пальцев не было видно. На другом снимке она стояла на четвереньках на фоне чего-то, напоминавшего картину Джексона Поллока в красно-черных тонах, опираясь на подушку из бордовых и темно-синих четвертинок. Кроме нее на картинке была мужская рука. Вернее, предплечье и локоть, ибо кисти видно не было. Обтянутая хирургической резиновой перчаткой, она скрывалась где-то в глубинах девушки. Анджали не могла точно сказать, где именно. Возможно, она была погружена в девушкин анус. Точно сказать

было трудно.

Исчерпав галерею фистинга, Анджали вернулась к большому списку. Ей предлагали:

— 29 снимков “озабоченная училка пердолит парня на задней парте”;

— 31 фотку “слаткая бабенка с пухлай бритай кискай (крутой зумм!)”;

— 12 клипов “задница что надо видно разработанную розовую письку”;

— 23 фотографии “соблазнительные сисястые телки тесные мокрые пизденки”; и

— 20 кадров “горячую еблистую девку в черной коже заставляют делать минет с пистолетом”.

Анджали было скучно. Проблема с порнографией, да и с сексом вообще, состоит в том, что они требуют воображения. Требуют определенности. Нужна точность. А быть точным трудно. Поэтому часто приходится заимствовать сценарии у других. Без этого никак не обойтись.

К примеру, Анджали видела перед собой два главных сюжета: узы класса и узы семьи. Скажем, 28 кадров “блондинка-секси раздвигает ноги перед маминым любовником” — семья. 16 фотоснимков “крутые голые наездницы весь день в седле” — класс. 27 слайдов “племянница в гостях у дяди берет все 30 сантиметров” и 25

слайдов “папа укрывает на ночь любимую дочку” — семья. 28 кадров “изящные модели-блондинки показывают отличные попки” и 16 фоток “красивые деловые женщины гладят свою киску после работы” — класс. А вот еще — 16 слайдов “малолетняя потаскушка ссыт на член перед отсосом” — это уже было необычно. Не то чтобы Анджали это возбуждало — меня, впрочем, тоже — но по крайней мере тут были хоть следы воображения.

На самом деле, решила Анджали, лишь в одной аннотации обнаруживался скрытый потенциал. 18 фоток “соседский мальчик трахает старушку у газонокосилки”. Газонокосилка была хороша. Столь безыскусное и глубокое понимание контекста!

Почему же Анджали бродила по интернету? Причина была печальна. И к тому же предсказуема. Слишком мало радости доставляли Анджали свои некоторые сексуальные обязанности в их *ménage.* Не все они доставляли ей наслаждение.

Другими словами, она чувствовала, что в сексуальной жизни ей не хватает конкретности и воображения. И я знаю, в чем причина. Вы тоже ее знаете. Анджали влюбилась в Нану.

Пора завязывать с мальчиками, подумала Анджали.

11

В нашем описании ménage à trois я почти не касался чувств Наны. Возможно, вы решите, что это серьезное упущение. Но у меня были причины не говорить о ней. Я хотел, чтобы вы сначала усвоили два факта. Вот первый. У Анджали и Моше был прекрасный секс. Физически у них все было восхитительно. У Анджали был несомненный сексуальный талант. Но вот вам второй факт.

Ни Анджали, ни Моше не получали от секса эмоционального удовольствия, потому что они оба были привязаны к Нане.

Однако Нана тоже не была счастлива.

Вначале Нана была рада, что все трое были вроде бы счастливы. Все было совсем не так, как она себе представляла, когда познакомилась с Моше, но так уж вышло. Меня привлекает ее прагматизм. Меня привлекает то, что Нана не жалела себя.

Но кое-что ее тревожило. Нану тревожил секс. Он тревожил ее все больше и больше.

Что за безысходная троица! Самые сексуальные отношения из всех возможных — и никто из них не получает удовольствия от секса. Моше владеет

чувство вины. Анджали владеет чувство разочарования. А теперь еще оказывается, что Наной владеет чувство тревоги.

Она завидовала Анджали. Она ревновала Моше. Причина была в том, что у Наны не было сексуального таланта. У нее были проблемы с сексом. Когда Моше и Анджали умело занимались безумным сексом в одной комнате с Наной, ей становилось нехорошо. Сохранять хорошую мину было все труднее. Ей приходилось прикладывать все больше усилий. Вот почему я не хотел касаться чувств Наны. Я хотел, чтобы вы увидели, до чего ошибалась она в своих тревоге и беспокойстве. Я хотел, чтобы вы увидели абсурд ситуации. Моше и Анджали считали свою сексуальную жизнь запутанным притворством. Нана считала их сексуальную жизнь непрерывным экстазом, воплощенной Камасутрой. Ей владели тревога и беспокойство. Она была подавлена своим непритязательным либидо.

Вот вам еще немного абсурда. Чтобы заглушить ощущение того, что она была в троице сексуальной “белой вороной”, Нана хотела показать свое усердие. Она хотела быть во всем равной Анджали. Однако она пыталась достичь равенства, не просто занимаясь сексом с Моше. Разумеется,

она занималась сексом с Моше. Но в основном она экспериментировала с Анджали. Она соглашалась на все ее предложения. А предложения Анджали напрягали ее все больше. По мере того как Анджали становилась все менее и менее гетеросексуальной, ее запросы становились все необычайнее и нелепее.

Не знаю, насколько нелепой кажется вам Нана. Мне она не кажется слишком нелепой. Нана любила в сексе одну вещь — а как вы знаете, секс не был любимой темой Наны. Она любила в сексе близость. Она любила, когда о ней заботятся. А тем временем Анджали становилась все безжалостнее. Нана чувствовала себя неловко. Но что она могла поделать? Она не хотела показаться ханжой.

12

Вот почему как-то раз указательный, средний и безымянный пальцы Анджали оказались погружены во влагалище Наны до самых костяшек. Пальцы Анджали были скользкими от смазки “Кей-Уай”, голубой тюбик которой с белым колпачком затерялся где-то в складках покрывала.

Анджали и Нана внесли в свой семейный ре-

пертуар сексуальную практику, известную как фистинг. Еблю рукой они превратили в чисто семейное занятие. Мне кажется, что осемейнивание фистинга — заметное достижение. Таких результатов им удалось достичь под мудрым руководством Анджали, используя отборные подсказки и намеки из интернетной порнухи и классических лесбийских фильмов, например “Как трахаться на каблуках” и “Фам-2”.

Для тех из вас, кто тоже хочет поэкспериментировать или просто с трудом представляет себе эту сцену, я попробую рассказать поподробнее.

Сначала Анджали разогрела Нану. Она неторопливо прижала языком клитор Наны. Анджали слизывала смазку ее влагалища. Она равномерно покрывала ею морщинистые рыхлые большие губы Наны. Нана уронила голову на бок и подняла бедра, прижимаясь к языку Анджали. Ее движение навело Анджали на мысль. Она обвела пальцем анус Наны, увлажняя и смазывая его, а потом ввела палец внутрь, надавливая и поворачивая. Нана чувствовала внутри себя приятную наполненность. Нане обычно нравилось это ощущение, и Анджали это знала. Но, к сожалению, в это утро Нана чувствовала все не так. Она выгнулась. Она попыталась увернуться. Палец

Анджали причинял ей неудобство. Но Анджали приняла движения Наны за выражение удовольствия, а не неудобства. Она хочет, чтобы я вошла поглубже, подумала Анджали. И Анджали надавила сильнее. Она чувствовала внутри кусочки Наниной какашки.

— Ааайооууу, — сказала Нана. Этот звук можно было интерпретировать по-разному. Не думаю, чтобы вы без моей подсказки смогли опознать его как стон боли. Это мог быть и стон наслаждения. Но это был стон боли.

Анджали подняла глаза.

Тому, что этот исключительный эпизод лесбийского фистинга не закончился преждевременным взрывом нервных эмоций еще до того, как они перешли собственно к фистингу, была ровно одна причина. Анджали все еще заблуждалась. Она не знала, что Нана вовсе не стонет от желания. Она думала, что это стон наслаждения. Она думала, что Нана просит еще. Она думала, что ей мало одного пальца. Ей охота почувствовать руку целиком.

Анджали взяла тюбик смазки “Кей-Уай” от “Джонсон и Джонсон”, который получила в подарочном наборе после съемок в рекламе “Джонсонз Бэби”. Она выдавила немного смазки

на пальцы и смазала ею Нану.

Нана, если вас интересуют ее чувства, просто оцепенела. Она была рада, что у Анджали были самые миниатюрные ручки из всех, которые она видела, но ей все равно было страшно. И я ее понимаю. На ее месте мне тоже стало бы страшно. Самое страшное, однако, было воспоминание о статье, которую она читала, кажется, в “Мари Клэр”, о том, что вытащить руку, зажатую мышцами влагалища, можно только после оргазма. Понятно, что это очень давило на Нану.

К тому времени Анджали уже размазала довольно много “Кей-Уай” внутри и снаружи влагалища Наны. Прозрачные нити смазки тянулись от ее правой руки. Она была на седьмом небе. И честно говоря, меня это не удивляет. Перед ней раскинулась блондинка шести футов ростом, со светлыми волосами на лобке, вся влажная от желания. Назвать это зрелище непривлекательным просто невозможно.

Анджали, повернув руку ладонью вверх, как это показывалось на фотографиях, ввела Нане указательный и средний пальцы своей правой руки. Очень медленно. Она двигалась очень-очень медленно. Она дошла почти до конца первой фаланги. Изящным указательным пальцем ле-

вой руки она нежно дотронулась до клитора Наны. Через несколько минут она осторожно ввела внутрь третий палец. Он скользнул внутрь неожиданно легко. Он скользнул внутрь так легко, что Анджали решила добавить еще *и* большой палец. Большой палец должен лежать сверху остальных пальцев. Эта позиция называется “утконос”. Анджали сложила пальцы утконосом. Нана застонала. В этот раз она застонала от наслаждения. Это что-то поразительное, подумала она. Анджали надавила глубже. Она медленно погружалась в Нану, подогнув к остальным пальцам мизинец.

Постепенно, понемногу правая рука Анджали вошла внутрь. Ее пальцы были внутри Наны до самого основания. Это был уже настоящий фистинг.

Тут в комнату вошел Моше.

Все они продолжали вести себя, как будто ничего не произошло.

Моше сел на деревянное кресло рядом со своим небольшим черным письменным столом. Он сел на кресло и взял со стола первую попавшуюся книгу — беспечно, испуганно, возбужденно. Он начал читать. Первая попавшаяся книга оказалась “Рассказами” Сола Беллоу в твердой

обложке, рекомендованными, как сказала Анджали, журналом “Элль”. Моше не покупал книг. Он считал, что они слишком дорогие. Иногда он бродил по книжному магазину, листал заинтересовавшие его книги, но потом смотрел на цену. Даже если книга ему понравилась, Моше ставил ее обратно на полку. Он взглянул на суперобложку “Рассказов” Сола Беллоу. Двадцать фунтов! изумленно подумал он. Двадцать фунтов! Но продолжал читать. Он читал рассказы о жизни еврея в Америке. Нана во время фистинга разглядывала занесенный снегом “кадиллак” на фоне небоскребов Чикаго, изображенный на обложке сборника рассказов Сола Беллоу. Она думала о нем, чтобы отвлечься. Нана хрюкнула. Анджали сжимала и разводила пальцы внутри вагины. Это доставляло Нане особое наслаждение. Она хрюкнула. Анджали одобрительно улыбнулась.

Однако оказалось, что трудно расслабиться во время фистинга, когда рядом сидит ваш мальчик и читает современную американскую литературу. К тому же Нану тревожил оргазм. Она тревожилась, что сейчас совсем не время испытывать свой первый дружеский оргазм. Анджали доставляла ей удовольствие, смешанное с болью. Поэтому Нана решила, что эксперимент

прошел достаточно удачно. Они обнаружили источник особого наслаждения. Можно прекращать эксперимент. “Ой, может, хватит”, - сказала Нана. Вернее сказать, простонала. И Анджали, нежная Анджали — мне не хотелось бы, чтобы вы решили, что Анджали не была с ней нежна — улыбнулась и кивнула Нане. Она вставила палец левой руки Нане во влагалище, снизу, под своей правой рукой. Потом она оттянула его вниз. Она сделала это, чтобы впустить воздух внутрь… Чтобы выпустить вакуум.

Моше положил Сола Беллоу обратно. Он положил руки на подлокотники кресла, потом, не зная куда их деть, уронил их. Встал и пошел заваривать чай.

13

Не так давно я упомянул сюрреалистов. Я описывал их разговоры о сексе. По-моему, сюрреализм снова пробрался в мой рассказ. Подобную ситуацию — когда мальчик смотрит, как его девочку трахает рукой другая девочка, читая в то же время Сола Беллоу, а потом наливает три чашки чая — часто называют сюрреалистичной. Какой-нибудь другой рассказчик в этом месте мог

бы заметить: “Все это было так сюрреалистично”. На самом деле именно так и думали Моше и Анджали. Моше заваривал на кухне чай, Анджали отдыхала, и оба они думали о сюрреалистичности происходящего.

Но что такое сюрреализм?

Слово “сюрреализм” придумал Гийом Аполлинер. Аполлинер был французский поэт начала двадцатого века. Он придумал это слово, когда писал программку к балету “Парад” — по либретто Жана Кокто, с хореографией Леонида Мясина, декорациями Пабло Пикассо, на музыку Эрика Сати. Через полтора месяца он снова употребил его в программке к своей собственной пьесе “Груди Тиресия”. Вот определение сюрреалиста: “Когда человек захотел имитировать ходьбу, он изобрел колесо, совсем не похожее на ногу. Не зная того, он был Сюрреалистом”.

Я не уверен, что это определение далеко нас заведет. Согласно этому определению Анджали и Моше скорее всего были неправы. Мальчик, заваривающий чай для своей девочки и ее девочки, после того, как наблюдал за их фистингом — это не очень-то похоже на изобретение колеса. Кроме стихотворений, самым знаменитым творением Гийома Аполлинера был порнографический ро-

ман под названием “Одиннадцать тысяч палок”. В “Одиннадцати тысячах палок” человекоподобный психопатический секс-автомат по имени Мони насилует, сечет и убивает множество несчастных жертв. Это не очень хороший роман. Вот типичное предложение из него: “Приблизившись к оргазму, он выхватил саблю и, сжав зубы и не прекращая насиловать его, отхватил голову китайскому мальчику, чьи последние спазмы привели его к гигантской эякуляции, в то время как кровь хлестала из его шеи, словно вода из фонтана”.

Однако есть и такие, кто считает, что этот порнографический роман также определяет сюрреализм. Предположительно, роман демонстрирует, что на самом деле не существует ни психологической мотивации, ни моральных суждений. Он показывает, что, будь мы подлинными, истинными, мы бы осознали, что мир по сути своей сюрреалистичен.

Мне кажется, что эти люди были просто глупы. Трахал ли Гийом Аполлинер маленьких китайчат? Отхватывал ли он им потом головы саблей? Нет. Он не делал этого потому, что в доказательствах сюрреализма есть огромный изъян. Вот этот самый и есть.

В реальности нет ничего сюрреалистичного. Сюрреалистично только само “сюрреалистичное”.

К примеру, на следующий день после того как Анджали яростно трахнула Нану рукой, к тому моменту, когда они уже около двух месяцев жили в *ménage*, с Папой случился удар.

Признайтесь, вы этого не ожидали. Могу представить, что для вас это печальный сюрприз. Предугадать болезнь нелегко. Но в этом случае — можно. Папины головные боли на отдыхе. Мой намек, когда они плыли в гондоле в Венеции. Головокружения. Я даже упомянул об этом в начале второй главы.

Но как бы то ни было, все это не было сюрреалистичным. Нет. Ничто в мире не сюрреалистично.

Гийом Аполлинер, к примеру, умер не от садистского гомосексуального изнасилования. Он умер от гриппа.

14

— Слуш ты можешь говорить? — спросила Нана.

— Да да, — сказал Моше, — тут перерыв щас минут пять могу.

— С ним все нормально, ну говорят что нормально.

— Подожжи минутку не слышу. Вот. Так что с ним?

— Может быть, опухоль, — сказала она.

— Опухоль черт опухоль? — взвизгнул Моше. — Господи.

— Может быть.

— Правда? Как? Но сколько ему?..

— Врачи не говорят. Не знают. Он сам сказал, что последнее время все как-то не так. Странно вел себя. Ну то есть по крайней мере это хоть что-то объясняет. Головные боли и все это.

Моше вдруг решил проверить, нет ли у него головной боли. Просто не смог удержаться. Да, то есть нет, нет, нет. Нет.

— Он как-то мне позвонил, — сказала она, — ну я тебе рассказывала, говорит — не могу сделать себе чаю. Я спрашиваю, в каком смысле, а он говорит, пакетик чайный куда-то делся, я говорю, что значит…

— Ты где? — спросил Моше.

— В приемном покое. Я говорю, что значит куда-то делся, ты положил его в чайник, да? Самое смешное, знаешь, после операции он стал как раньше, только как-то резче, что ли. Шалит, с

медсестрой заигрывает.

— А чувствует как, нормально?

— Капризничает. Говорит, что врачиха только и заботится о том, как бы пораньше уйти с работы.

— Правда, что ли?

— Ну.

— Может, мне приехать и тебя забрать? — спросил он.

— Послушай, не надо за мной ходить и присматривать. Ты не обязан.

— Ну я хочу.

— Ты не обязан.

— Послушай, я же твой мальчик. Я хочу о тебе заботиться. Я люблю тебя.

Это так, подумала она. Она его девочка. Она была счастлива. Но она была такой доброй. Она была счастлива, и оттого ей стало так жаль Анджали. И Нана решила пересмотреть свои чувства. Можно, решила она, быть девочкой Моше и девочкой Анджали, двумя девочками сразу.

— Значит, это рак, — сказал Моше.

— Господи, Нана, — сказал он.

— Нана, ты меня?.. — сказал он.

— Да, да, я тут. Не знаю, они сами не знают, рак или не рак.

— И что теперь? Химиотерапия?

— Ага, — сказала она, — сначала рентген, потом химия. В общем, ему решать, делать или нет, но надо делать. Потом химию. То есть если он не захочет, я его уговорю.

— Слушай, — сказал он, — господи, слушай, мне надо идти. Они все пошли уже.

— Что, не слышу? — сказала она.

— Все уже пошли, — прокричал Моше, — мне пора. Я позвоню тебе, позвоню, когда все закончится. Может, мне все-таки приехать?

— Что? Куда?

— Доберусь до метро и приеду. До Эджвера часам к шести доберусь.

— Езжай лучше на “Темз-линке”.

— На чем?

— На “Темз-линке”.

— Это что такое?

— Ну да. Садишься на Кингс-Кросс и выходишь на Элстри. Потом на такси, — сказала она. — Так быстрей.

— Постой, я тебя не слышу.

— Спроси у Анджали, — сказала Нана, — она тоже приедет.

— Что? — спросил он — Что? Постой, не слышу…

— Спроси у Анджали, — сказала Нана.

И повесила трубку.

15

Именно в этом месте моего рассказа, в конце девятой главы, происходят события первой главы. Примерно через неделю Нана и Моше попробовали заняться анальным сексом. Как вы помните, — по крайней мере, я надеюсь, что помните, — у них не очень-то вышло. Моше осторожно пытался затянуть потуже пушистые розовые наручники на запястьях своей подружки, как вдруг заметил, что ее лицо помрачнело. И так далее.

Думаю, теперь вы понимаете все их сложные размышления из лучших побуждений, все их компромиссы, которые в итоге привели Нану и Моше к попытке заняться садо-мазо и анальным сексом.

А когда все закончилось, Моше вернулся к своему карикатурному еврейству. Он спросил:

— Тебе не понравилось “по-еврейски”? Ничего лучше не пришло в голову.

И уныло улыбнулся.

Она молча смотрела на него. Он пытался развеселить, развлечь ее.

— Да? — спросил он.

И она улыбнулась.

— Ангел мой, — сказала она, — ты же только наполовину еврей.

Моше стоял перед ней, чуть покачиваясь. Он перенес свой вес на правую ногу, теперь облаченную в клетчатую пижамную штанину. Стопа его левой ноги была немного выставлена вперед, а колено чуть согнуто. Он надевал пижаму.

Отчего мне так хорошо, подумала Нана, когда за окном один за другим начали зажигаться уличные фонари.

— Ты даже не обрезанный, — сказала она.

— Не будем ссориться по пустякам, — урезонил он ее, прыгая по комнате в погоне за левой штаниной.

Моше не был счастлив. Он был подавлен. Нана и Моше, подумал он, неудачная пара. Ничего не выходит, все без толку. Он обдумывал и анализировал все плохое, что произошло с тех пор, как их отношения превратились в *ménage à trois.* В голове Моше бродили злые мысли. Он хотел, чтобы они снова были вдвоем, и только вдвоем.

Ах, если бы Нана знала это! Но она даже не догадывалась. Она была счастлива. И до нее дошло, отчего она так счастлива. Она была счастлива

оттого, что вдруг поняла: ей больше не нужно пытаться постичь секреты Камасутры. Ей больше не нужно смотреть на сплетающиеся возбужденные тела Анджали и Моше. И вот почему. Нана решила быть великодушной. Она решила вернуться домой к Папе. Она решила оставить Моше. Моше в ней не нуждался. Без нее *ему будет лучше.* А вот Папе она была нужна.

Если в этот миг вы вдруг задумались, пристойно ли планировать нетрадиционный секс, когда ваш отец лежит в больнице с подозрением на опухоль мозга, хочу вас успокоить. Папа уже не лежал в больнице. Врачи не были на сто процентов уверены, что это опухоль. Они решили, что это мог быть просто небольшой инсульт. Поэтому Папу перевели на амбулаторное лечение. Его отпустили домой, пока врачи изучали результаты сканирования.

Довольный Папа сидел дома и отдыхал. Возможно, все успокоится. Возможно, он выздоровеет. Все нормализовалось.

Но выписка из больницы — еще не повод для того, чтобы за ним не ухаживать, подумала Нана. Нана любила Папу. Она скучала по нему. Поэтому она решила показать ему, как она его любит.

Нана решила сделать жест любви.

10. Конец любви

1

Я хочу, чтобы у нас не было недопонимания. Нана хотела со всем этим покончить. Навсегда.

Тому была одна эгоистическая причина. Она больше не хотела участвовать в сексуальном соревновании. Она больше не хотела смотреть на Моше с Анджали. Хватит с нее унижений.

Была и альтруистическая причина. Нана хотела ухаживать за Папой.

Это был жест любви.

2

В 1995 году сэр Джозеф Ротблат, лауреат Нобелевской премии мира, призвал к подписанию договора между государствами, обладающими ядерным оружием. Согласно договору каждое из подписавших государств обязуется в случае военного конфликта не применять ядерное оружие первым. 5 апреля 1995 года договор был подписан. Он назывался “Договор о неприменении первыми ядерного оружия”.

Я знаю, что Нана, Моше и Анджали вовсе не государства, обладающими ядерным оружием. Они вообще не государства. Поэтому мое отступление может показаться слишком манерным и неуместным. Но это не так. Оно не манерное и уж точно не неуместное.

Неприменение первыми ядерного оружия основано на взаимно-гарантированном уничтожении. Взаимно-гарантированное уничтожение — хорошая основа для договора. Не только для договора о ядерном вооружении. Однако у него есть изъян. Подобный договор работает только в одном случае: когда все его участники напуганы. Когда люди чувствуют, что полное уничтожение, по зрелому размышлению, нежелательно. Как только кто-то почувствует, что хуже уже не будет, он перестает бояться. Чтобы чувствовать испуг, нужно получать от жизни хоть крошечную радость. Если жизнь вам не мила, вас не испугает перспектива того, что в ответ на вас тоже сбросят бомбу. И вы с легкостью можете использовать ядерное оружие первым. В этот момент договор перестает работать. Он больше не имеет силы.

Может, это не совсем верная аналогия решению Наны. Она решила уйти от Моше и Анджали не потому, что считала свою жизнь безнадежной.

Она решила уйти, чтобы ухаживать за Папой. Это было благородно.

Но благородством дело не ограничивалось. У Наны была и другая причина. Эгоистическая причина.

Вот где главное сходство. И я специально его подчеркиваю, потому что эгоистическая причина — причина скрытая. Она неочевидна. Поэтому мне хотелось бы напомнить о ней еще раз. Расчувствовавшись и размышляя о сексуальном неравенстве, Нана считала, что ей нечего терять. Ее молчаливое согласие остаться больше не имело силы. Уйти было не хуже, чем остаться.

Неприменение первыми ядерного оружия основано на гарантированном взаимном уничтожении. В МИДе его сокращенно называли ГАВУН. Гарантированное взаимное уничтожение — хорошая основа для договора. Не только для договора о ядерном вооружении. Однако есть изъян. В МИДовских кругах фразу “неприменение первыми ядерного оружия” сокращали так: НЕПЕЯД. Значит ГАВУН = это НЕПЕЯД. К сожалению, как вы увидите, Нана этот сладкий яд выпьет.

3

Нана проснулась. Она хотела уйти. Она хотела оставить Моше. Она хотела оставить Анджали. Она хотела оставить их вдвоем. Так будет лучше для всех.

В это утро они лежали в постели следующим образом:

Нана, Анджали, Моше.

На самом деле моя схема не совсем точно описывает их положение. Моше обвился вокруг Анджали. Он прижимал ее к себе.

Нане было так грустно смотреть на них. Грустно и радостно. Откуда взялась грусть вроде бы понятно. Смотреть, как Моше обнимает Анджали, было очень грустно. Видеть, как он счастлив с другой девочкой, очень грустно. Грустно было и думать о том, что она собирается уходить. Но Нана старалась почувствовать радость. Она могла представить себя великодушной женой, оставляющей мужа любовнице.

Если постараться, можно себе представить другой финал “Касабланки”. Нана могла.

В этом другом финале Нана играет роль Виктора Ласло, мужа, еврея, интеллектуала, антифашиста.

В Наниной версии великодушен вовсе не Рик. Великодушен Виктор. Именно Виктор идет на самопожертвование. Он забирается в маленький двухмоторный самолет и *оставляет любовников вместе.* В Марокко.

Бергман остается с Богартом. В этом финале Виктор не эгоист. Он не озабочен только своим личным счастьем. Моше повернулся и открыл глаза. Он посмотрел на Нану. Нана смотрела на него. Он спросил у нее, сколько времени. Нана ответила. Она наклонилась над Анджали и поцеловала Моше.

Собираясь уйти навсегда, Нана сказала Моше, что сварит ему кофе.

4

Разрыв — нелегкое дело. И нелегко выбрать для этого верную минуту. На самом деле я даже не знаю, можно ли выбрать верную минуту для разрыва. Разрыв, о котором я расскажу, случился в восемь утра. Не самое лучшее время. Голая Нана на кухне наливала воду в чайник. Моше вышел за ней на кухню. Тоже голый.

Одно хорошо, подумала Нана, Анджали тут нет. По крайней мере, Анджали еще спит. Потому

что порвать с одним — и то непросто, а если еще вмешивается второй…

— Моше, — сказала она.

И сделала паузу.

Моше, позевывая, молчал.

— Понимаешь, — сказала Нана, — ну я не знаю, может, так будет лучше…

— Чего? — спросил Моше.

— Чего? — спросил он и снова зевнул.

Она пошла в спальню и взяла свою одежду в охапку. Потом вернулась в кухню. Она бросила одежду на стол.

— Моше, послушай, я тебя так люблю, — сказала она. — Я не хочу тебя бросать, но. Не подумай, что я тебя бросаю. Я просто все думала про Папу, мне надо быть с ним. А ты и Анджи. Вам с Анджали надо быть вместе.

— Чего? — спросил Моше.

Он никак не мог проснуться. Он только что встал. В восемь утра Моше не блистал интеллектом.

— Прости, — сказала Нана, — прости, мне просто надо я думаю нам надо пожить немножко врозь. Мне нужно. В общем сейчас немножко. Может мы можем. Я не хочу делать тебе больно.

Она помолчала и добавила:

— Прости, что я так…

— Ну почему, — сказал Моше, — почему, я не понимаю почему, почему мы должны все бросить.

Это особенно сложно — порвать с человеком, я имею в виду — когда не хочешь этого всей душой. Нана хотела разрыва, она очень этого хотела. Она хотела быть с Папой. Но она все еще любила Моше. Она все еще считала Моше привлекательным. Просто теперь Нана думала, что Моше будет счастливей с Анджали.

Вместо того чтобы помочь Нане в деликатном деле разрыва отношений, он затеял щекотливый диалог. А такой разговор Нана вообще не планировала. Взвешенное, рациональное обсуждение всех за и против было ей совсем не нужно. Она хотела порвать все раз и навсегда. Ввязавшись в диалог, ей пришлось бы все объяснять. Пришлось бы сказать, что она хочет уйти навсегда. А Нане не хотелось этого говорить. В частности потому, что Нана была доброй. Она не хотела делать ему больно. И еще потому, что это было не совсем так.

Главная трудность в том, чтобы порвать с кем-нибудь, если вы не уверены — а люди редко бывают до конца уверены в таких вещах, — состоит в том, что вам надо убедить вашу половину.

Вам надо убедить вашего бывшего или бывшую в том, что так всем будет лучше. И если вы не смогли убедить себя, то вам будет сложно убедить его. Особенно мудрено сделать это в голом виде, за варкой кофе.

Нана передала Моше его чашку. Он ушел с ней в гостиную. Нана пошла за ним. Она собрала свою одежду и пошла за ним.

— Но я люблю тебя, — сказал Моше. Мне лично кажется, что это сильный аргумент. Может показаться, что Моше сказал банальность, но, по-моему, он просто докопался до сути. Он сказал правду. Он любил ее. Это достойная причина, чтобы не расставаться.

Моше сидел на диване. Радости он не чувствовал. Кому понравится сидеть голым на диване и слушать, как высокая красивая блондинка пытается с ним порвать. Поэтому Моше ловко, как бы невзначай, прикрылся Наниной блузкой. Блузка скрыла складки жира, собиравшиеся на его теле, как только он садился.

Нана надела черные брюки. И остановилась. Одеваться в такой напряженный момент было как-то неправильно. И даже бессердечно. Поэтому Нана остановилась.

Остаток этого разговора Нана провела полураз-

детой, с голой грудью и расстегнутой ширинкой. Моше были видны бирюзовые кружавчики ее трусиков. Трусики были с дорогих прилавков “Маркс-энд-Спенсер”.

На столе лежало складное зеркальце. Нана подцепила его крышечку ногтем. Зеркальце было в стальной оправе. На коробочке было написано “Зеркало”. Нана закрыла его. Она сказала: “Моше”. Он смущенно прикрыл рукой увесистую мошонку. Моше чувствовал себя голым. Чрезвычайно голым. Нана взяла новую губную помаду, которую она купила вчера. Помада называлась “Дерзость”. По цвету она напоминала “Рубиновый взгляд”, только светлее. Сейчас ее цвет казался неинтересным. Совершенно неинтересным. Моше взглянул на часы. Часы стояли на плетеной салфеточке на маленьком откидном столике. У них были желтые светящиеся стрелки. Часы показывали полдевятого.

— Опоздаешь, — сказал Моше.

— Неважно, — сказала она.

— Важно. Тебе надо идти. Мы можем. Можем поговорить потом.

— Моше, это ж просто зубной.

— Я знаю, — сказал он, — это важно.

Нет, я не издеваюсь. Моше внезапно воспылал

заботой о ее зубах. Внезапно это показалось ему очень важным. Надо было просто проявить к ней внимание. Если Нана заметит его внимание, думал Моше, может, она передумает. Может, она заметит, какой он хороший, если он будет хорошо себя вести.

— Слуш, — сказал он, — тя штот заботит, я вижу. Скажи мне.

— Да нет, — сказала она, — нет, ничего. Просто. Я. Ну не знаю, просто хочу.

— Скажи, ну скажи, в чем дело.

Не слишком-то членораздельная беседа, правда? Но так уж обычно выходит в подобных ситуациях. Разговор редко идет как задумано.

Моше встал и подошел к окну. Ему была неприятна эта утренняя сцена. Этой сцене, подумал он, не хватает элегантности. Элегантности и утонченности. Особенно ее не хватало Моше. Ему надо было *спасти ситуацию.* Но он не видел способа этого сделать. Он стоял, голый, у окна и смотрел на улицу. По улице шел мальчик, держа над головой теннисную ракетку. На ней было написано “Уилсон”. Пластиковый футляр ракетки, отделанный под кожу, служил ему импровизированным плащом.

Моше было так жаль этого промокшего маль-

чика. Бедный, бедный Моше. Очень, очень скоро он поймет, что разрыв никогда не бывает элегантен. Он не бывает ни изящным, ни забавным. Разрыв полон лжи и уверток. Ну да, в этой сцене не хватало той самой элегантности 30-х, как надеялся Моше. Вместо этого он голышом стоял у окна. Угрюмый, грустный, опустошенный.

Нане тоже было несладко. Она снова подумала об Анджали, которая одиноко лежала за дверью спальни. Вот уж чего Нане совсем не хотелось, так это того, чтобы Анджали вышла в гостиную и услышала, как Моше и Нана обсуждают свой разрыв. Но с другой стороны, думала она, им с Моше действительно надо было все обсудить. До сих пор разговор шел в одни ворота. Моше тоже имел право высказаться.

Бедная, бедная Нана. Она не знала, что предпринять. Она спросила:

— Проводишь меня к стоматологу?

Моше взглянул на нее. Такого разрыва он не ожидал. То есть он, разумеется, совсем не ожидал от Наны разрыва. Но если бы вы спросили его, как он представляет себе уход Наны, его ответ вряд ли включал бы в себя визит к стоматологу.

— К стоматологу? — спросил он.

— Ну, если не хочешь, — сказала она, — мо-

жешь просто проводить меня до метро. Ну, я. Не хочу, чтобы Анджали слышала. По-мойму, это будет нечестно.

Это неплохая идея, подумал Моше. Вполне разумная.

Разговор прервался на интерлюдию неторопливого одевания в реальном времени. Потом Нана и Моше ушли. Не взяв зонтика, они вышли под дождь.

5

В 1920 году, когда в коммунистической России шла Гражданская война, Николай Бухарин написал небольшую книгу под названием “Экономика переходного периода”. Бухарин был большевиком. Поэтому он был на стороне недавней революции. В своей книге он пытался объяснить, почему все идет как надо. Он пытался объяснить, почему, несмотря на кажущийся развал страны, на самом деле все просто замечательно. Революция продолжается. Некоторые люди умирают, и пролетарии умирают, но все это часть великого плана. Все идет по плану.

“С более широкой точки зрения, — писал Бухарин, — т. е. с точки зрения большего по своей

величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи".

На полях своего экземпляра книги Ленин написал: "превосходно!"

Но я не уверен, что Бухарин выражается здесь совершенно точно. Мне кажется, что его слова можно уточнить.

Бухарин пишет: да, ну да, многих расстреливают или заставляют работать по двадцать часов в сутки. Но это само по себе не плохо. Это коммунизм. Если бы только люди посмотрели на все *с точки зрения исторического масштаба,* думал Бухарин, если бы только они перестали думать только о себе, они могли бы увидеть, как прекрасна такая жизнь.

Я не уверен, что Бухарин выбрал для своей книги правильное название. "Экономика переходного периода" не совсем точно отражает ее содержание. Правильнее было бы назвать ее "Психология переходного периода". Психология переходного периода — это слепой оптимизм.

Люди убеждают себя в том, что все меняется к лучшему, когда на самом деле все в жопе. Вот некоторые цифры времен Великой октябрьской социалистической революции.

В 1917 году в Петрограде проживало 2,5 миллиона человек. В 1920 году — 700 тысяч. В 1913 году в России было 2,6 миллиона рабочих. В 1920 году — 1,6 миллиона. В 1920 году потребление пищевых продуктов находилось на уровне 40 процентов от предвоенных лет. С января 1918 по июль 1920 года от голода и эпидемий умерло 7 миллионов человек. Смертность возросла вдвое. С 1921 по 1928 год на Украине было убито 200 тысяч евреев, 300 тысяч стали сиротами, 700 тысяч лишились крова.

Вы скажете, что Моше — отнюдь не бездомный и убитый украинский еврей. Я этого и не говорю. Я хочу провести другую аналогию.

Моше был похож на Николая Бухарина. Посреди революции, рядом с магазином косметики “Американа” на Пентонвилл-роуд, Моше исповедовал слепой оптимизм.

6

— Послушай, я ничего не понимаю, — сказал Моше. — Я люблю тебя.

Один раз он действительно это уже сказал, но Моше было нетрудно повторить это еще раз. Это был его главный козырь. Главный, неопровержимый факт. Поэтому Моше сделал паузу. Он помолчал, чтобы произвести впечатление. Он молчал и слегка пожевывал свою нижнюю губу.

— Я тоже тебя люблю, — сказала Нана.

— Тогда зачем нам расходиться? — спросил Моше.

Он слегка пожевывал свою нижнюю губу.

У Наны зазвонил телефон. Моше бросил на него взгляд. Нана бросила на него взгляд. Она ответила.

— Привет, — сказала она, — нет, нет, я. Да, завтра. Ну, в общем. Да, конечно. Точно. Пока-пока.

Моше рассматривал витрину магазина косметики “Американа”. В витрине были выставлены орудия маниакальных страстей. Даже в этот кризисный момент Моше заинтересовался рекламой:

Парики В стиле Унисекс Афро и Европа

Моше изучал парики, раскинувшиеся на полистироловых головках манекенов. Тут были Синди и Эдна, Симона и Роза. Все несимпатичные. Отрезанные “хвостики” были развешаны по цвету. В витрине также лежал пластиковый пакетик с “Ресницами Натуральными”, раскрашенными в радужные цвета. Даже в этот кризисный момент в Моше взыграл домохозяин. Моше всегда поражало, что люди платят деньги за такие вот вещи.

Он сказал:

— Но ты же… Ну то есть если ты так решила. Ты, значит, меня больше не любишь.

— Нет, нет, это не так, — ответила Нана. — Я тебя люблю, я тебя всегда буду любить.

— Так не бывает, — сказал Моше.

Мне так жаль Нану. Мне очень жаль этих славных людей. Нане было слишком трудно объяснить, почему она хочет уйти. Ей было слишком трудно рассказать обо всех своих грустных думах.

Тут дождь перестал.

Моше стал еще печальней. Ему нравился эффект, создаваемый дождем. Моше нравилось, что в контексте *film noir*[9] дождь обозначал грусть.

---

[9] Примечания: 9
Стиль “фильм-нуар” (фр.).

Дождь, думал Моше, правильная погода для печалей.

7

Что ж. Давайте вернемся к Николаю Бухарину. Я перемотаю пленку, с 1920 до 1930-го.

К началу 30-х Бухарин начал немного беспокоить Сталина. Многие считали, что Бухарин любит Сталина меньше, чем полагается. Они утверждали, что Бухарин террорист и заговорщик.

Разумеется, такое положение дел не устраивало Бухарина. И он позвонил Сталину.

— Здравствуй, Коля, — сказал Сталин. — Не волнуйся, все в порядке. Конечно, я не верю, что ты враг.

— Но как вы могли, — пискнул Бухарин, — как вы могли подумать, что я пособник террористических групп?

Сталин решил, что это просто восхитительно. Он разогнул скрепку и сказал:

— Спокойно, Коля, спокойно. Разберемся.

Надо сказать, мне нравится телефонная манера Сталина. Я уже говорил это, и еще раз повторю. Сталин был телефонным гением.

В 1938 году Сталин отдал Бухарина под суд за

государственную измену.

Вот еще одна точка, в которой жизнь политика Николая Бухарина становится похожа на жизнь моих героев — Наны и Моше.

На показательном процессе 1938 года Бухарин совершил ложное признание. Он признал себя виновным “за всю совокупность преступлений, совершенных право-троцкистским блоком, независимо от того, знал ли я или не знал, принимал или не принимал прямое участие в том или ином акте”.

Разумеется, Бухарин утверждал, что это его ложное признание на самом деле истинно. В этом суть любого истинно ложного признания. Раньше Бухарин вел себя, как Моше. Теперь он вел себя, как Нана.

Разрыв с любимым человеком напоминает показательный процесс. И там и тут налицо показные проявления правосудия и рассудка. Тот, кто идет на разрыв, берет на себя всю ответственность. Он или она лжесвидетельствует. Делает ложные признания.

8

Стоя перед магазином косметики “Американа”, Нана сделала ложное признание.

— Может. Ну. Может, я просто тебя больше не люблю. Может, ты прав. Тебе будет лучше с Анджали, — сказала Нана. — Вот. Мне надо быть с Папой. Все станет проще. Может, ты прав.

Мне жаль Нану. Правда, жаль. Врать не очень-то приятно. Но Моше мне жаль куда больше. Пусть Нане было по-человечески трудно рвать с Моше, да и самой ей было несладко, но по крайней мере это было ее собственное решение. Ее мучительное и иррациональное решение. Моше было труднее. Его поставили перед фактом. Он был несчастен. Он был одинок. Он вдруг оказался в одиночестве. Моше был в отчаянии.

Он мог думать только об Анджали. И от этих мыслей он не чувствовал себя менее одиноким.

— Что, — сказал он, — что ты сказала про Анджали?

— Что я сказала, — ответила Нана. — Что сказала, то сказала. Тебе будет лучше с Анджали.

— Но я не хочу Анджали, — сказал Моше. — Я хочу тебя.

Крохотный треугольный заусенец, прямо рядом с ногтем среднего пальца на левой руке Наны, зацепился за синтетическую нитку, торчащую из подкладки кармана брюк. Нана не обратила на это внимания. Она смотрела на профессиональный клеевой пистолет “Джаззи” в витрине “Американы”. Интересно, подумала она, для чего нужна эта штука.

— По-моему, — сказала Нана, — все-таки тебе надо быть с Анджали.

— Я не хочу быть с Анджали, — сказал Моше, — я хочу быть с тобой. Это ты привела Анджали. Не я. Я этого не хотел.

Моше испытывал боль и смятение.

— Это ты ее хотела, — сказал он. — А у меня из-за нее были только проблемы. Это я. Это я должен был уйти давным-давно.

Разумеется, Моше иногда думал о том, чтобы уйти. Но только как о гипотетической возможности. Он любил Нану. Он хотел остаться с ней навсегда. Но я понимаю, зачем он это сказал. Я понимаю, почему ему хотелось объявить свою декларацию независимости. Он пытался поднять себе настроение. Он пытался не чувствовать себя униженным.

Потому что когда от тебя уходит девушка, это

унизительно. Это одно из самых неприятных ощущений.

— Нана, — сказал он, — мне пора. Тебе тоже надо идти. Тебе пора к зубному.

Несмотря на то что Моше кажется сейчас спокойным и благородным, внутри у него было совсем неспокойно. Честно говоря, для него это было катастрофой. Он был ужасно расстроен. Он не имел ни малейшего представления, что говорить дальше. И среди всей этой неразберихи он волновался о том, что Нана опоздает к стоматологу. Потому что он заботился о Нане. От чистого сердца.

— Я люблю тебя больше всего на свете, — сказал он.

Наступила пауза.

— Тебе пора, — сказал наконец Моше. И ушел.

9

Стоматолога Наны звали доктор Готлиб.

Доктор Готлиб принимал пациентов на Кэвендиш-сквер. Это звучит так, будто он принимал пациентов только из высших классов общества. В общем, так оно и было. Его приемная находилась по соседству с Харли-стрит. Но Нана ходила к

доктору Готлибу не поэтому.

Доктор Готлиб начинал свою практику скромным мелким дантистом в поликлинике в Эджвере. Теперь он стал известным частным дантистом в центре Лондона. Но он сказал, что по-прежнему будет лечить Нану. Потому что он был другом семьи. Он сделал это ради Папы.

В приемной доктора Готлиба стоял аквариум и лежали журналы. Нана выбрала журнал “Отдохни” за 1998 год. Журнал “Отдохни” был захватанный и липкий. Нане было все равно. Она начала читать журнал. Очень скоро ее глаза заслезились.

Нана читала реальную историю женщины по имени Мэнди, которая влюбилась в мужчину по имени Алан. Вскоре выяснилось, что Алан страдает смертельной болезнью — моторной невропатией. И у Наны потекли слезы. Она плакала, потому что Алан и Мэнди решили бросить вызов смерти. Они решили завести ребенка. Ребенок будет памятью об Алане. Рассказ заканчивался сценой у постели умирающего Алана.

Я показала ему конверт. Достала из него свидетельство.

— Это звезда, — сказала я. — Ее назвали в честь тебя и Джеймса.

Звезда имени Алана и Джеймса Уилсонов.

Алан улыбнулся.

— Ты расскажешь ему обо мне?

Я кивнула.

Я держала его за руку, когда он ушел.

Ему было 48. Джеймсу было 14 недель.

Доктор Готлиб вошел, когда Нана громко рыдала в окружении безгласных тропических рыбок.

— Нина, — сказал доктор Готлиб, — Нина.

Нана подняла на него глаза и вытерла лицо обратной стороной ладони.

— Нет, ничего, — сказала она, — просто, просто…

— Все нормально? — спросил доктор Готлиб.

— Да, да, все в порядке. Нормально.

— А как папа?

Нана, в расстроенных чувствах, забыла, что доктор Готлиб был не в курсе Папиной болезни. Она плакала. Она всхлипывала. Она попыталась сказать ему. Она пыталась произнести что-то вроде:

— Мне страшно, так страшно. Боюсь его смерти.

Говорить сквозь рыдания не слишком-то удобно. При этом особенно сложно выражаться ясно.

Доктор Готлиб был тактичен. Он не хотел

расстраивать Нану еще сильнее. Он не хотел выжимать из нее жуткие детали случившегося. Если Нана хочет вернуться к нормальной жизни после такого потрясения, она имеет на это право. Понятно, отчего она не в себе.

Не думаю, что стоит слишком уж винить доктора Готлиба за то, что он предположил, будто Папа умер.

— Может, тебе пойти домой? — спросил доктор Готлиб.

Да, он отправил скорбящую дочь домой. В присутствии смерти, считал доктор Готлиб, зубам места нет.

Он не был идеологическим маньяком. Он не переоценивал важность сияющей улыбки.

10

Позвольте мне прерваться еще на минуточку.

В 1975 году Энди Уорхол написал книгу “Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот)”. Вернее сказать, он ее не написал. Он ее продиктовал. В любом случае, одна из мыслей, которую он написал или продиктовал, звучала так:

Иногда секс — тоска по тем временам, когда тебе хотелось секса.

Секс — это тоска по сексу.

И мне кажется, что так оно и есть. По крайней мере, иногда. Например, после того, как Стейси и Хендерсон разошлись, Стейси встретила мальчика по имени Кваме. Он ей понравился. Кваме учился в Университете Миддлсекса на кафедре экологии. С Кваме было интересно. Он рассказывал ей про рыб Северного моря. Северное море очень загрязнено промышленными отходами. Это создает массу проблем для рыб. К сожалению, Кваме был мелковат и носил очки в тонкой серебряной оправе. Поэтому Кваме не слишком привлекал Стейси. Она любила крупных и крутых мальчиков. Но она все равно занималась с ним сексом. Кваме ей нравился. И ей казалось, что секс — это то, чем она любит заниматься с мальчиками, которые ей нравятся. То, чем она занималась с Хендерсоном. Секс, для Стейси, был тоской по сексу.

11

Предыдущий раздел был не просто отступлением. Я написал его не для того, чтобы повеселить вас и отвлечь от самого печального момента моего рассказа. У меня была причина поважнее.

Точно так же, как в случае с Энди, Стейси и Кваме, через несколько дней после ухода Наны в постели Моше оказалась Анджали. Они почти засыпали.

Может, вас это удивит. Может, вас удивит, что Моше и Анджали все еще вместе.

Может, вы полагаете, что если из ménage à trois уходит третий, то двое оставшихся почувствуют себя не слишком удобно. Сразу станет ясно, что они никогда не были парой. Они просто остатки от любви втроем. И такой паре придется туго.

В некоторой степени это так. Но вы забываете одну существенную деталь. Взять да и признать, что вы лишь две трети от трио, довольно неприятно. И даже стыдно. И даже если паре и приходится туго, ни один из них этого не признает. Ни один из них не признает, что в их отношениях наметились сложности. У обоих есть причины держать язык за зубами.

Какие причины? спросите вы.

Я думаю, лучше всего эти причины опишет сексуальная сцена. Да-да, сцена секса. Возможно, вам надоел секс. Хочу вас успокоить. Это последняя сексуальная сцена в книге. К тому же это приятная сексуальная сцена. В отличие от прочих сцен секса в этой книге, мы больше не станем

углубляться в анатомию. Это будет ностальгический секс. Вообще, сцену ностальгического секса трудно назвать сексуальной сценой. Это вам не великий акт соития.

Так вот, Анджали была в постели с Моше. Тому, что Моше держал язык за зубами, была одна простая причина. Вот она. Моше не был уверен, что Анджали стала совершенной гетеросексуалкой. Поэтому Моше помалкивал. Пораженный и сбитый с толку последними событиями, Моше решил: “поживем — увидим”.

И я уверен, что Моше поступил правильно. С практической точки зрения он выбрал верный образ действий. Анджали совсем не была уверена, что она совершенная гетеросексуалка. Но она была доброй девочкой. Она неспособна была вот так взять и сказать Моше, что он ей не любовник. Анджали боялась, что, сделав так, она признает весь их ménage абсолютным лицемерием. А потом у нее была еще одна причина. Ей было одиноко. Она очень скучала по Нане. А когда вам одиноко, всегда гораздо приятнее иметь кого-нибудь под боком, чем не иметь.

Вот почему Моше и Анджали все еще были вместе. Вот почему они старались не обсуждать странный характер своих отношений.

И вот что я еще думаю. Хотя Моше и Анджали не были счастливы (если не сказать сильнее) в своей *ménage*, я не вижу, почему бы им не быть счастливыми вдвоем. Чувства в новой жизненной ситуации могут меняться довольно быстро. Например, мне кажется, что когда двое случайно оказываются вместе, для них вполне естественно думать, что все образуется. Вполне естественно надеяться на лучшее. Людям свойственно все улаживать. Мне кажется, люди — прирожденные, инстинктивные оптимисты.

Анджали и Моше были оптимистами. В конце концов, они нравились друг другу. По секрету друг от друга они думали, что, возможно, смогут быть парой. Не слишком вероятно, но возможно.

Но где же обещанная сцена секса?

А вот она. Пока я рассказывал вам о чувствах Моше и Анджали, они тихонько трогали друг друга.

12

Через неделю-другую Нана и Моше шли по Хэттон-Гарден под дождем. Хэттон-Гарден — это улица лондонских ювелиров. А еще это очень еврейская улица. Мне кажется, это просто сов-

падение. Мне кажется, что в английских словах “jew” — “еврей” и “jeweller” — “ювелир” нет общего корня. Мне не нравятся утверждения Снуп Догги Догга, который построил целую филологическую теорию про евреев и ювелиров. Это простое фонетическое совпадение.

И тем не менее, шагая по еврейской улице Хэттон-Гарден, Моше разглагольствовал о своем еврействе.

Нана и Моше шли под дождем, и Моше при этом болтал о еврейских ортодоксах в широкополых черных шляпах, прячущихся от дождя под пластиковыми навесами. Я просто обожаю хасидов, говорил Моше. Он обожал в них все — от приземистого телосложения до завитых пейсов, свисающих на уши. Они очаровывали его своим стилем. Моше восхищался обшлагами их штанин, развевающимися над черными синтетическими носками в рубчик. Или тем, как они прикалывали свои кипы к пряди волос на голове. Они так мне нравятся, грустно говорил Моше.

Надеюсь, что вы оценили, что Моше вел себя по-доброму. Он был необычайно обходителен. Он был идеальным бывшим парнем.

Потому что Моше источал не только грусть, а еще и очарование. Ситуация была деликатная

— он прогуливался со своей прежней девушкой, будучи в связи с ее прежней девушкой. И это еще не все. Отец Наны, возможно, умирал. Поэтому, думал Моше, сегодня далеко не лучший день. Но Моше не был дурным человеком, он не был эгоистом. В этой деликатной ситуации Моше разболтался не на шутку. Он был словоохотлив и очарователен.

— Может, зайдем куда-нибудь поесть? — спросил Моше.

Нана кивнула в ответ. Она была, как обычно, захвачена врасплох погодой — белая блузка от Бодена в январский дождь. Фраза “зайдем поесть” сулила тепло.

У Моше была своя идея, где поесть. В вопросе было двойное дно. Он собирался повести Нану в “Кошерные кушанья”.

Хлюпая по лужам, они побрели на Гревил-стрит.

Перед входом в “Кушанья” стоял, сплющив шину о бордюр, черный автомобиль службы доставки. На правой дверце жирным лиловым курсивом было выведено: “Кушайте кошерное — днем и ночью”. “Здесь дают лучшую говяжью солонину в городе, — сказал Моше. — Лучше, чем на Брик-лейн”. Массивные серо-зеленые куски

солонины лежали в витрине, круглые сутки зазывая покупателей.

Они вошли и сели. Моше нервничал. Нана тоже.

Нана отлепила мокрую блузку от кружевной отделки своего лифчика. Моше сказал, что обожает это местечко.

Не думайте, что Моше вдруг обратился в иудаизм. Нет, разрыв с Наной не привел его к Яхве. Нет, он не стал евреем-ортодоксом. Отношения Моше с иудейской нацией и с иудейской верой оставались, как и прежде, чисто эмоциональными. “Кошерные кушанья” будили в нем эмоции. Среди охватившей его печали это было счастье. Ему казалось, что он обожает говяжью солонину. Откусывая от рогалика с полосками солонины в “Кошерных кушаньях”, Моше чувствовал себя душой и телом с Клевыми Еврейскими Парнями Ист-Энда. Человек с ушами, покрытыми светло-рыжим пухом, покупал рогалик со сливочным сыром.

— А мне нраыцца Стэнли Мэттьюз, — сказал он, открывая дверь на улицу.

— Ага, — отозвался из-за прилавка продавец.

— Вот он наманый мужик, не обнимается с каждым встречным-поперечным, — сказал мужчина,

вновь прикрыв дверь и жестикулируя кулаком с зажатым в нем пакетом с рогаликами. — Забил в ворота, дал пять, шлепнул по плечу, и давай дальше.

Моше взглянул в меню. Потом перевел взгляд на Нану.

— Я, — сказал он, — я. Ну то есть мы. Мы по тебе скучаем, вот.

— Я тоже по вас скучаю, — сказала Нана.

— Я тебя люблю, — сказал Моше. — Знаешь. Я тебя все еще люблю.

— Знаю, — сказала Нана.

— Помнишь, — сказал Моше, — как ты помогала мне учить роль? По-моему, Ноэль Кауард или что-то такое? Я так никогда в жизни не оттягивался.

Не думаю, что Моше отклонился от темы. Вы могли бы так подумать, но это было не так. Моше любил Нану. Он хотел, чтобы она затосковала. Он хотел, чтобы она тоже скучала по нему.

— А что ты будешь делать дальше? — спросила Нана.

— Я? Я ничего. Ну просто несколько встреч на той неделе и все. У Анджали вот что-то намечается. Опять съемки в рекламе чего-то там. Для не помню кого. Но обещали неплохо заплатить,

совсем неплохо.

Нана кивнула.

— А как твой папа? — спросил Моше.

— Папа. Папа нормально. Ну, как бы нормально. У него что-то со вкусом. Не может есть ничего острого, не может есть карри. Но так обычную еду уже ест. Только не может отличить лимон от лайма.

— Мгм, — сказал Моше. Не подумайте, что это было скучающее “мгм”, вовсе нет. Это было беспокойное, заботливое “мгм”.

— Знаешь, — спросила Нана, — знаешь, что первое вернулось?

— Что?

— Кальмар.

— Кальмар?

— Да, он ел чудесно приготовленного кальмара и снова почувствовал вкус. Ну, после простуды. Он сказал, что простудился и совсем не чувствовал вкус, а когда простуда прошла, то вкус вернулся снова. Даже лучше. Как ты думаешь, что это значит?

— Нана, — сказал Моше. — Нана, дорогая. Я не знаю.

Он взял меню. Он взял меню, чтобы отвлечь ее от того, что собирался сказать дальше, и чтобы

как-то замаскировать свои слова.

— По-моему, — сказал он, — у нас с Анджали все получится. Ну то есть. Без тебя странно. Грустно и вообще. Но может быть все станет. Ну, нормально.

Я даже немного удивился словам Моше. Если он хотел, чтобы Нана вернулась, с его стороны было совсем неблагоразумно сообщать ей, что они с Анджали могут быть счастливы вместе. Но, думаю, его странную логику в принципе можно понять. В конце концов, то, что он сказал, было почти правдой, и к тому же позволяло Моше выглядеть учтивым. Он пытался сделать так, чтобы для Наны этот поход в “Кошерные кушанья” не стал тяжким испытанием. Моше пытался изобразить спокойствие.

Но было и еще кое-что. Моше испытал радость, когда дал Нане понять, что она не уничтожила его. Это был крохотный миг учтивой мести.

Это была месть. Нана была неравнодушна к Моше. И даже больше. Благородство ей давалось нелегко. Ей нелегко было жить без Моше. Она ревновала Моше и Анджали. Ей не хотелось думать, что они могут быть счастливы вместе.

Нана кивнула. Она огляделась. Человек за соседним столиком поливал жареную картошку

кетчупом. На стенах висели гигантские головоломки-паззлы, вроде фресок. Справа от Наны было “Искушение святого Антония” Иеронима Босха. Название было написано под ним на трех языках: “Искушение святого Антония — Tentation de Saint Antoine — La Tentazione di Antonio”, каждое как бы на свитке пергамента. Рядом с паззлом висела табличка -

> “Миры”
> САМЫЕ БОЛЬШИЕ ГОЛОВОЛОМКИ
> Более 16000 частей

— а справа висел еще один паззл. Пейзаж с видом на озеро. Нана заинтересовалась, есть ли в Израиле озера. Она заинтересовалась, изображала ли эта картина озеро в Израиле. Она взглянула на закатанное в пластик меню в блестящем бордовом кожаном переплете. К меню была приколота копия вырезки из “Ивнинг Стандард” про лучшую говяжью солонину. Нана заказала рогалик и яйцо-пашот. Моше заказал рогалик с солониной. Вы больше не встретитесь с Моше. Вы видите его в последний раз сейчас, после того, как Нана ушла от него, заказывающим рогалик с солониной в “Кошерных кушаньях”.

Я понимаю, почему Моше испытывал здесь

наплыв эмоций. “Кошерные кушанья” — это еврейские пятидесятые. В центре каждой тарелки розовые слова “Вкус”, “Полез” и “Кошер” сходились веером к большим розовым буквам “НО”. Вокруг все было как в старые добрые времена. Ярко-розовая клеенка на столах, позолоченные завитки спинок. Мир безопасен и полон радости.

И я могу его понять. Когда я захожу в “Кошерные кушанья”, меня охватывают похожие чувства.

13

Но я не дам воли чувствам. Я не собираюсь ударяться в печаль. Нет. Вместо этого я опишу счастье. Хотя теперь, когда я дошел до этого места в моем рассказе, вариантов у меня не слишком много.

Я попробую описать счастье Наны.

Нана была рада жить в Эджвере. Ей нравилось там жить. А так как Папе нравилось жить в Эджвере, то и Нана считала, что Эджвер — клевое место.

Может, вы ни разу не были в Эджвере. Может, вам непонятно, что за странное счастье испытывала Нана. Эджвер находится на самом конце Северной линии метро. Это уже не совсем город.

Это совсем даже пригород. Станция метро была построена в 1923 году по проекту С.А. Хипа, в умеренно-нео-георгианском стиле. Каждый год, на праздник хануки, перед ней ставят огромную менору, десяти футов высотой. Если, выйдя из метро, повернуть налево, попадешь к “Макдональдсу” и супермаркету “Бродвок”. Субботними вечерами после окончания шаббата еврейские мальчики и девочки тусуются с чернокожими и желтокожими мальчиками и девочками у “Макдональдса”. Они продают друг другу наркотики. Иногда, чтобы провести время, они доезжают на метро до станции Голдерс-Грин, и тусуются там. Потом они возвращаются обратно в Эджвер.

Эджвер — приют мультикультурализма.

После “Макдональдса” вы пройдете мимо газетного киоска, который спонсируют “Еврейские новости”. Снаружи киоска прибит большой рекламный щит, который тоже спонсируют “Еврейские новости”. Рекламный щит — часть их договора с владельцем киоска. На этом щите вывешивают главные заголовки из свежего номера. Когда Нана возвращалась домой, чтобы ухаживать за Папой, главным заголовком “Еврейских новостей” был такой: ВЫИГРАЙТЕ ПЕСАХ НА ЧЕТВЕРЫХ НА МАЙОРКЕ!

Боюсь, что Нана загрустила именно из-за десятифутотовосемисвечника и всего прочего. Она почувствовала ностальгию. Ну, может быть, не совсем ностальгию. Нана не была еврейкой. Израиль не был ее землей обетованной. Она просто думала с грустью, горечью и печалью об одном милом еврее.

Не забывайте. Она любила Папу. Но она любила и Моше.

За газетным киоском, по правую руку, раньше стоял кинотеатр “Белль-вью”. Если пройти еще немного, вскоре вы окажетесь рядом с архитектурной феерией “Рейлвей-отеля”. “Рейлвей-отель” был построен в 1931 году Э.И. Сьюэлом в неумеренно-псевдо-тюдоровском стиле, включая даже поддельные виселицы. Здесь заканчивается Эджвер-Хай-стрит.

Эджвер — это пригородный район. Унылый, тихий, милый и полный китча.

14

Но вот что я вам скажу. В моей истории сейчас есть еще один счастливый человек. В чем-то даже счастливее Наны.

Анджали сидела в квартире Моше. Она была

немного сонная. Она сидела в квартире Моше и думала о Нане. Она думала о Нане и о Моше.

Анджали думала о любви.

Я хочу, чтобы вы вспомнили Анджали. Отнеситесь к этому серьезно.

Анджали вспоминала свои любимые болливудские фильмы. Самый чудесный болливудский фильм, который она видела, назывался “Девдас”. Это очень трогательный фильм. Последняя сцена “Девдаса”, в которой Шах Рух Хан умирает у ворот дома Аишварии Раи, показывает, как чудесна любовь и до чего она всемогуща. Она показывает, думала Анджали, что любовь сильнее всего на свете.

И мне кажется, что Анджали права. Мне нравится Анджали. Я особенно люблю ее за то, что, несмотря на овладевавшую ею сладкую дрему и мысли о красоте и могуществе любви, она не утратила своей практичности.

Практичность Анджали поставила ее в трудное положение. Она не могла до конца понять своих чувств. Это не любовь. Она это знала. Просто она вдруг ощутила счастье. Она вдруг почувствовала себя удивительно счастливой.

III

11. Финал
1

Папа сидел на одеяле, покрытом затейливым узором из беленьких львов, соколов и фруктовых деревьев на лиловом фоне, и разговаривал с Наной про ее приятеля Моше.

Моше Папе нравился. Очень нравился.

Анджали — это еще не все. Я думаю, вы это уже поняли. Я не собираюсь заканчивать свой рассказ отдельно взятой счастливой Анджали. Нет. Я начал со сцены в спальне и закончу я тоже сценой в спальне.

— Так что, как там Моше? — спросил Папа. — Когда ты собираешься обратно?

Прежде чем мы пойдем дальше, я хотел бы описать Папин наряд. Папа был одет довольно необычно. На нем был один красный носок, один темно-синий носок, черные брюки от костюма — с ширинкой, застегнутой на молнию, но с расстегнутой верхней пуговицей — и белая футболка с изображением сатира с волнистой бородой, которую Папа купил на Родосе в 1987 году.

Теперь можно продолжать. Мне просто хоте-

лось описать его одежду.

— Так что, как там Моше? — спросил Папа. — Когда ты собираешься обратно?

Папа, понимаете ли, не знал, что Нана ушла от Моше навсегда. Нана не стала говорить ему. Она не хотела впутывать Папу в свою любовную жизнь. Нана хотела, чтобы Папа чувствовал, что она любит его всем сердцем. Поэтому она не могла сказать ему, что они с Моше разошлись. Ее жест любви стал бы выглядеть более расчетливым. Он показался бы менее чистым.

А Нана сделала этот жест от чистого сердца. Правда-правда.

2

Мне кажется, не стоит строго судить Нану за то, что она скрыла от Папы свой разрыв с Моше. Высоко держать моральные знамена очень трудно. Мне даже кажется, что это почти невозможно. Приходится руководствоваться разными общими правилами и теориями.

Вот вам одно общее правило. Как правило, люди считают, что благородный жест по сути своей выше жеста прагматичного. Благородный поступок остается благородным и высокомораль-

ным, даже если он безрезультатен и может лишь навредить.

Следовательно, в системе понятий нашего романа, остаться с Папой лучше, чем остаться с Моше. Возможно, это путь к саморазрушению, возможно, этот поступок помешает окончательному счастью Наны, но он добродетельнее.

Нана могла бы найти еще одного поборника этой теории в Вацлаве Гавеле, чешском диссиденте и экс-президенте. 9 августа 1969 года, когда он был диссидентом, Гавел написал письмо бывшему президенту Чехословакии Александру Дубчеку. Прошел год с советского вторжения в Чехословакию. Русские предприняли это вторжение в ответ на дубчековский вариант коммунизма “с человеческим лицом”. Они заставили Дубчека подать в отставку с поста президента, но разрешили ему остаться в парламенте. Однако они не оставили его в покое. Они хотели, чтобы он публично отрекся от своего понимания коммунизма.

Гавел не хотел, чтобы Дубчек отрекался. Он хотел, чтобы Дубчек публично подтвердил свою веру в коммунизм с человеческим лицом, несмотря на то, что это подвергло бы его опасности, и, кроме того, ни на что бы не повлияло. Вот почему он написал Дубчеку письмо, в котором призы-

вал его сделать благородный жест. Поскольку, писал Гавел, “поступок, безупречный с точки зрения морали, даже если он не дает надежд на немедленный заметный политический эффект, может, постепенно и опосредованно, приобрести со временем политическую значимость”.

Гавел имел в виду, что мы не должны смеяться над бесполезными и вредными для себя нравственными поступками. Они вовсе не обязательно делаются напоказ. Они вовсе не обязательно являются жестами. Из них может со временем выйти что-нибудь хорошее.

К несчастью, теорию Гавела не удалось подвергнуть проверке. В сентябре 1969 года, через месяц после письма Гавела, русские убрали Дубчека из парламента. Гавел так и не получил от него ответа.

3

Нана ответила на Папин вопрос не сразу. Она не сказала ему, когда вернется к Моше. Вместо этого, сидя рядом с Папой на его постели, она взяла свежую почту. Почта этим утром состояла из одной открытки. Это была открытка с соболезнованиями от друга семьи, стоматолога доктора

Готлиба.

Дорогая Нина,

Как жаль, что твоего папы больше нет.

С наилучшими пожеланиями,

Люк Готлиб.

Нана засмеялась. Она прочла открытку вслух. Они оба засмеялись.

— Нет, каков негодяй! — сказал Папа. — Это что, все его соболезнования? Одно предложение? Дай-ка сюда.

Он прочитал открытку. Потом еще раз.

— Вот ублюдок! — сказал Папа.

Нана поставила открытку на подоконник. Она упала. Нана согнула открытку и поставила снова. Открытка осталась стоять.

— А ты, — спросил Папа, — это ты ему, что ли, сказала, что я умер? С чего он вдруг прислал открытку, вот что мне интересно.

— Не помню, — сказала Нана, — вроде ниче. Нет, ниче такого не говорила.

Конечно, все было не так. Она плакала и говорила доктору Готлибу, что боится смерти Папы. Доктор Готлиб, должно быть, ослышался. Но Нана не могла сказать Папе, что она боится, что он умрет. Нет. Для этого она была слишком осторожна. Она была слишком добра.

— Ну, так что, — спросил Папа, — как там Моше? Ты так и не ответила. Когда ты собираешься к нему?

— Не собираюсь, — сказала Нана.

Папу это удивило. Он спросил:

— Как?

— Я, — сказала Нана, вздохнув, — я ушла от Моше.

Это удивило Папу еще больше. Его это расстроило. Он попытался сказать что-нибудь успокаивающее.

— Ты? — спросил Папа.

— Мы разошлись, — сказала Нана.

— Но почему? Он был такой милый. Почему ты от него ушла?

— Я так хотела.

— Но почему? — спросил Папа.

— Я хотела быть с тобой, — сказала Нана.

Я делаю это из чистой любви, подумала она.

Но Папа не хотел, чтобы Нана делала жесты чистой любви. Я, в общем-то, тоже. Папа был поражен. Он был в шоке. Папа не был эгоистом. Папа не был эгоистичным пациентом. В мыслях он не мог допустить, чтобы Нана так поступила.

— Со мной? — спросил Папа. — Но тебе надо быть с Моше.

Я не могу допустить, чтобы она со мной нянчилась, подумал Папа. У нее есть мальчик, есть своя жизнь. Папа не мог допустить, чтобы она теряла на него время.

— Нет, я хочу быть с тобой, — сказала Нана.

— Возвращайся к Моше, — сказал Папа. — Возвращайся к нему и попроси прощения. Скажи, что ты передумала. Ты не можешь уйти от Моше из-за меня. Это просто безумие, — сказал Папа. — Когда ты все это решила? Как давно ты решила остаться со мной?

Внезапно Папа почувствовал себя обессиленным. Он был опечален и устал.

Я слишком зажился, подумал Папа.

Понимаете ли, Папин удар — и подозрение на опухоль — поставили его в тупик. Врачи могли предсказать ход болезни лишь приблизительно. Даже если это опухоль, сказали они, Папа может прожить еще двадцать лет. А может умереть на следующий день. Эти туманные прогнозы мучили Папу. Он ничего не имел против того, чтобы Нана ухаживала за ним неделю. Но тут речь могла идти о годах. Папа был в смятении. Он подумал, что слишком зажился на этом свете. Своей жизнью он растрачивает жизнь Наны. Он растрачивает все, все. Даже деньги. Уход за ним

стоил немалых денег. А Папа не хотел в следующие двадцать лет растратить деньги, которые могли бы послужить его любимой девочке.

Папа — ангел-благодетель нашей истории. Помните об этом.

Он сказал:

— Послушай, это безумие. Мне не нужна сиделка. Ко мне каждый день ходит медсестра. Мне не нужна даже медсестра. Все в порядке. Ты не должна со мной сидеть.

Это было и великодушно, и низко. Может показаться, что я сам себе противоречу, но это так. С Папиной стороны это было великодушно. По отношению к Нане это было низко.

4

Мне кажется, что в письме Гавела Дубчеку был скрытый смысл. Гавел пытался возразить другой, соперничающей теории благородства. Согласно этой теории благородные, но бесполезные жесты вовсе не благородны. Они просто форма эксгибиционизма. Поступок, кажущийся благородным, на самом деле эгоистичен.

Разумеется, Гавел не мог даже представить себе, что кто-то может сомневаться в мотивах

благородных поступков. То есть он мог себе представить такую возможность. Но не видел в этом смысла. Наш Вацлав верил в трансцендентную мораль. В своем интервью “Возмутитель беспорядка” он сказал: “Я верю, что ничто не проходит бесследно, особенно наши деяния…” Ему не о чем было говорить со скептиками. Он не хотел кланяться чешским диссидентам вроде Милана Кундеры, которые все усложняли.

Потому что в 1968 году, за год до письма Гавела Дубчеку, Вацлав Гавел поссорился с Миланом Кундерой. Вот вам очерк их конфликта.

В декабре 1968 года Кундера написал статью под названием “Český úděl”. То есть, как вы и подумали, “Чешский удел”. В этой статье Кундера не встал на позицию пораженчества. Он не собирался капитулировать перед советским вторжением. Дубчековские политические реформы, заметил он, пока что не прекратились. Чехословакия не стала полицейским государством. В ней осталась свобода слова. В первый раз в “мировой истории”, думал Кундера, возникла возможность создания демократического социализма. Поэтому те, кто публично выражает беспокойство по поводу советизированного будущего, заключил Кундера, “просто слабые люди, которые могут жить лишь

если у них есть иллюзия уверенности, заключил Кундера. Они не моральны."

А Гавелу эта статья не понравилась. В феврале 1969 года он написал статью под названием “Český údĕl?”. То есть “Чешский удел?”. Он не соглашался с тем, что публично требовать от власти гарантий — это плохо. Он считал, что важно утихомирить вполне понятное беспокойство чехов. Взгляд Кундеры на Чехословакию как на центр мировой истории был, по мнению Гавела, основан на чувствах. В ответ Кундера написал еще одну статью. Под названием “Radikalismus a Exhibicionismus”. То есть “Радикализм и эксгибиционизм”. В ней Кундера попытался объяснить, что он имел в виду. Он думал, что публичное беспокойство по поводу русского вторжения и полицейского государства было всего лишь симптомом “морального эксгибиционизма”. Вот что ему не нравилось. И Гавел, утверждал Кундера, тоже страдал этим “недугом людей, озабоченных демонстрацией своей честности”.

Несмотря на свое кажущееся благородство, Гавел оказался обычным эксгибиционистом.

Мне не слишком интересно, кто из них был прав. Оглядываясь назад, можно подумать, что Кундера ошибался. Когда советские танки раска-

тывают по пражским улочкам, не до этической софистики. Но на самом деле, мне кажется, что Кундера все же не ошибался. Он не был морально наивен. Он обратил внимание на одну очень важную вещь. Поступок может казаться бескорыстным, но на самом деле быть эгоистичным.

Вот в этом-то и сложность.

К примеру, в системе понятий нашего романа то, что Нана осталась с Папой, казалось благородным поступком, но на самом деле могло быть проявлением эгоизма. Мнимое благородство Наниной жертвы могло быть продиктовано простым нежеланием смотреть, как Моше доводит Анджали до оргазма. Я не утверждаю, что так оно и было. Я говорю, что так могло быть.

Но Гавел не мог этого признать. Поэтому я не люблю Вацлава Гавела. Но я люблю Милана Кундеру. Я очень его люблю.

5

— Ты не хочешь, чтобы я была с тобой? — спросила Нана. Она была в шоке.

И Папа ответил:

— Милая моя, конечно, я хочу, чтобы ты была со мной. Ну, то есть я не хочу, чтобы ты со мной

была. Не потому что я не хочу тебя рядом. Я хочу, чтобы ты вернулась к Моше. Ну что за бред. Безумие какое-то.

Вот и финал. Тут все окончательно перевернулось с ног на голову.

— Я не могу вернуться, — сказала Нана.

— Ты не можешь вернуться, — повторил Папа. — Ты не можешь вернуться к Моше.

— Потому что у него уже есть другая.

— Другая? Так сразу?

— У него, у него есть Анджали.

— Ох ты ж, — сказал Папа. — Прости, прости.

— Ничего, — сказала Нана, — ничего. Я могу остаться с тобой.

— Так он от тебя ушел, — сказал Папа.

— Нет, — сказала Нана, — нет. Это я от него ушла.

— Ну, мне так кажется, что Моше ловко вывернулся, — сказал Папа. — Он вроде неплохо устроился.

6

Слушайте, я мог бы завязать с финалом прямо сейчас. Если бы я на этом и закончил, это был бы очень печальный рассказ. Это был бы рассказ

о Нанином одиночестве. Будь я злым, я бы так и сделал. Но я не злой. Я добрый. Вся эта книга — добрая. Я надеюсь, что вы уже ожидаете от меня только хорошего. Поэтому я продолжу.

7

— Нет, нет, — сказала Нана, — все — ну знаешь — сложно так. Мы. Мы.

Она запиналась, запиналась, запиналась.

— Мы как бы все жили ну типа вместе, — сказала Нана. И запнулась.

Прежде чем продолжать, мне стоит немного объяснить про Нану, Папу и секс. Папа и Нана не были ханжами. Они относились к сексу сочувственно. Может, секс и не был обычной темой их разговоров, но когда они все-таки говорили о нем, то разговор был спокоен и ненапряжен. Секс был для них улыбчиво-нейтральной темой. Но это не значит, что Нане было так уж легко объяснить все Папе. Очень непросто рассказать Папе о том, что жила в *ménage à trois.*

— Понимаешь, — сказала она, — мы жили как бы втроем.

— Втроем? — спросил Папа. — Как “семья втроем”?

— Типа да, — сказала Нана.

И запнулась. В этом разговоре было много пауз. Вам придется воображать запинки и паузы самостоятельно. Я не смогу описать все эти паузы.

— Почему ты мне не сказала? — спросил Папа.

— Не знаю, — сказала Нана, — просто, ну. Просто как бы не надо было, что ли.

— И долго вы жили втроем? — спросил Папа.

Секс был нейтральной темой, но обнаружить, что Нана некоторое время жила “втроем”, было для Папы, конечно же, шоком. Но это был не моральный шок. Папа не осуждал Нану. Он был вовсе не таким отцом. Просто для него это оказалось полным сюрпризом. Он не понимал в точности, почему разговаривает с ней именно так. Он говорил с ней так же, как прежде расспрашивал о школьных делах. Но Папа не был уверен, какой тон взять. В конце концов, ему не каждый день приходилось говорить с дочкой о ее необыкновенной половой жизни, оправляясь от инсульта или опухоли.

— Да несколько месяцев, — сказала Нана. — С тех пор, как мы вернулись из Венеции.

— Несколько месяцев. Понятно, — сказал Папа.

Папа чувствовал себя очень усталым. Он был ошеломлен и совершенно без сил.

8

Вот в этом самом месте романа вы не должны позволить вашим внутренним установкам влиять на восприятие прочитанного. И не давайте воли вашим теориям о родителях и о родительской любви. На свете множество родителей. У каждого из них свои пунктики. Поэтому не думаю, что существует единое правило, предписывающее, как родителям должно поступать в подобной ситуации. Когда дочка говорит вам, что только что порвала с любовью втроем, у вас есть масса вариантов ответа.

Я просто расскажу вам, что ответил Папа. Я не собираюсь описывать какие-то общие правила.

— Я, — сказал Папа, — я не хочу совать свой нос…

— Да нет, нормально, — сказала Нана.

— Я. Разумеется, я удивлен.

— Угу.

— Так… это все… это все закончилось?

— Ага.

До сих пор Папа до конца не понимал всего. Он пытался понять. Он пытался получить от Наны определения почетче.

— Нет, послушай, — сказал папа, — что ты имеешь в виду? У вас что, был *ménage à trois?* Прямо настоящий ménage à trois?

— Ага, — сказала Нана.

— И вот когда ты переехала к Моше, вы, значит, переехали туда вместе, вместе с Анджали?

— Ну типа того. Не совсем. У нее был ключ.

— Ах вот как.

— Она в основном жила там.

— Господи, — сказал Папа.

Папа не был ветхозаветным патриархом. Поэтому “Господи” прозвучало не гневно. “Господи” прозвучало изумленно. И даже где-то растерянно.

— Так… Так… значит… значит, ты не ушла от Моше? — спросил Папа.

— Ушла, — сказала Нана.

— Ну то есть я хотел сказать, ты и от Анджали тоже ушла?

— Ну да, в общем, да, и от нее тоже.

9

У Папы в голове сформировался небольшой эскиз. Похоже на классический ménage, думал он. Похоже на ménage в кино. Все как в фильме

“Жюль и Джим” (хочу вам напомнить, что кроме меня в этом романе “Жюль и Джим” смотрел только Папа).

Папа был растерян, но вместе с тем очарован.

— Как у вас все было? — спросил Папа. — Прости, прости. Мне не надо было это спрашивать.

— Да ладно, — сказала Нана.

— Но все-таки, как это было? — спросил Папа.

Я допускаю, что вас это шокирует. Вы считаете, что отец не должен расспрашивать свою дочь о деталях ее интимной жизни. Со стороны такой интерес может показаться похотливым. Ну так я с этим не согласен. У Папы был собственный порок: французский фарс, которым обернулась любовная жизнь Наны, показался ему очень смешным. Этот порок делал Папу любопытным. В чем-то это напоминает похотливость, но это не имеет значения. Все это просто показывает, как близки были Нана и Папа. Да и похотливость, по-моему, это тоже ничего. *M*énage завораживает окружающих. Теперь вы это понимаете. Человек, оставшийся бесстрастным при виде *ménage à trois*, мне бы скорее всего не понравился.

— Ну, довольно странно, — сказала Нана. — Это было странно. И спать было неудобно.

Честно говоря, это был не ответ. Не совсем тот

ответ, которого ожидал Папа. Он был слишком социологическим.

— Так вы спали вместе? — спросил Папа. — В смысле, всегда втроем в одной кровати?

— Мммм, — сказала Нана, — да.

— И это было сложно?

— У Анджали бывают кошмары. Ну, бывают. Кошмары у нее ночью.

— Эээээ…

— Она спала в середине.

— Ясно.

— Мы можем перестать, — сказал Папа. — Не будем говорить об этом.

— Да нет, ничего, — сказала Нана, — нормально, я же говорю.

Дело в том, что Папа считал Нану экспертом в вопросах секса. Он думал, что в постели она — королева. Любой, кто был одной третью *ménage*, думал он, должен быть секс-экспертом. Это же логично. К тому же и чувства не подавлены. Можно спрашивать что хочешь.

Но Нана не была секс-экспертом. Вы уже это знаете.

— Я все равно не совсем понимаю, — сказал Папа.

— Чего не понимаешь? — спросила Нана.

— Ну, мне просто. Мне интересно, как.

— Что интересно?

— Эээ, ну в общем. Моше смотрел, когда вы с Анджали? Или…

— Иногда да.

— Ага. А вместе? Вместе нет?

— Вместе?

— Ну, все втроем, вместе. Все сразу.

— Ну, в общем, иногда.

— Эээээ.

— Но там все так хитро.

— А! Позиции.

— Да, в общем. Ну да. Приходится аккуратно все.

— Конечно. Да. Позиции.

— И как, все получилось само собой? — спросил Папа.

— Что, секс? — спросила Нана в ответ.

— Ну да. Эээ, позиции. Само собой? У вас само собой все сложилось, кто куда и как?

— Да вроде. Не так уж и сложно все было.

— Не сложно?

— Да нет. Все как-то просто вышло.

— А как вы решились? — спросил Папа.

— Ну мы, — сказала Нана.

— То есть, я имею в виду, вы планировали зара-

нее, как и что?

— Ну мы. Не знаю, просто. Все кажется так сложно.

— А Моше? — спросил Папа. — Он тоже занимался сексом с Анджали?

— Да, — сказала Нана. — Да.

— Прямо перед тобой?

— Ну да. И без меня тоже.

— И ты не. Тебя это не задевало?

— С чего бы это?

Нана пыталась быть секс-экспертом. Она пыталась прикинуться секс-экспертом. И ей это неплохо удавалось. Но, по-моему, Папа относился к сексу спокойней, чем она.

— Это, наверно, неловко как-то? — спросил Папа.

— Что неловко? — спросила Нана.

— Ну, вместе.

— А, нет. Нет-нет.

— Правда?

— Нет, нет.

— Мне просто показалось, что это как-то сложно.

— Да нет. Конечно, нет.

— В смысле. Ну, и вдвоем-то все не просто.

Сидя на Папином одеяле, покрытом затей-

ливым узором из беленьких львов, соколов и фруктовых деревьев на лиловом фоне, Нана и Папа хихикали. Их вдруг разобрал смех.

— В смысле. Ты, ну, у тебя был раньше секс с девочками? Или ты? — спросил Папа.

— Я, нет, в общем, нет, — сказала Нана. — Нет.

— И как? Это было странно, как-то необычно?

— Что? С Анджали?

— Ну да.

— Ага. Забавно. По-другому совсем.

— Так тебе понравилось?

— Мне?

— Ну с Анджали тебе понравилось?

Нана сменила позу. Она положила ладонь на одеяло, прямо на величавого белого льва.

— Я не могу это сказать, — сказала она.

— Так что, это была идея Моше, да? — спросил Папа.

— Нет, — сказала Нана, — это была моя идея.

— Твоя?

— Да в общем ничья.

— Этот ваш. Как ты сказала. *Ménage?*

— *Да, ménage.*

— Но как это случилось? Как все началось?

— Послушай, Папа.

— Ну ладно, ладно.

— Вы выпили? — спросил Папа.

— Ты так и будешь задавать вопросы? — спросила Нана.

— Ну. Я просто. Ладно.

— Ну то есть можно. Задавай.

— Я хотел сказать, — сказал Папа. — Мне всегда нравился этот мальчик.

— Папа! — сказала Нана.

— Правда, правда. Он меня смешил.

— Так ведь. Господи, — сказал Папа.

Это было уже совсем другое “Господи”. Более уверенное, понимающее. В нем было восхищение.

10

Папа пребывал в греховном восхищении. Но он был внимателен. Ему хотелось защитить Нану. Он был серьезен и заботлив.

— Ты знаешь, меня это все не слишком радует, — сказал Папа. — Вот.

— Что не радует? — спросила Нана.

— Ну, понимаешь, я не совсем одобряю.

— Что, что я ушла от него?

— Нет-нет, не это. Ну, то есть. Твой уход я тоже не одобряю. Но вся эта ситуация.

— Это уже не эта ситуация. Все закончилось.

— Ну эта бывшая ситуация.

— Ситуации больше нет.

— И что, у вас получилось? — спросил Папа.

— Что получилось? — спросила Нана.

— Достичь идеала?

— Нет, конечно, нет. — Я думала, что так будет правильно, — сказала Нана.

— Правильно? — спросил Папа.

— Я думала, так он будет счастлив. Я думала, она будет счастлива.

— А ты, как же ты?

— Я думала, что я. Я. Я не знаю.

— Трудно об этом говорить, — сказала Нана.

— Ммммм, — сказал Папа.

— Это, некоторое время это было здорово. Может, это звучит странно, но было здорово.

— Да, да, я могу понять.

Я думаю, в этой сцене мы можем проследить, как изменяются Папины чувства. Эти перемены вполне понятны. Вначале Папа был в шоке. Потом шок перешел в легкое удивление. Потом удивление переползло в занятное любопытство. Потом превратилось в заботливость и беспокойство. Теперь беспокойство уступало место простой логике.

— Но ведь значит, Моше на самом деле не встречается с Анджали, — сказал Папа. — Ты его просто оставила с ней.

— Нет, нет, — сказала Нана, — она ему нравится. Они встречаются. Они вместе.

— А он ее любит? Они любят друг друга?

— Нинаю.

— Они любят друг друга?

— Нинаю. Может быть.

— Они ведь сколько времени? В смысле. Всего-то пару недель.

— Месяцев.

— Ладно, месяцев. Господи. Месяцев.

— Но все-таки, — спросил Папа, — милая моя, какого черта?

Нет, Папа несомненно был умен.

— А что у вас с Моше? — спросил Папа. — Моше тебя любит?

— Нинаю, — сказала Нана.

— Ты не знаешь?

— Ну, может быть. Да, наверное, да.

— Итак, — сказал Папа, — вот что мы имеем. Ты оставила Моше с другой девочкой, к которой он испытывает жалость, а любит все равно тебя. И ты это сделала, чтобы быть со мной.

Как вы помните, это было не совсем верно.

Слишком благородно, чтобы быть правдой. Это было верно с точки зрения Папы, который, разумеется, не знал о Наниной сексобоязни. Он не знал, что у Наны помимо доброты был еще и эгоистический повод для ухода от Моше.

— Ну, можно и так сказать, — сказала Нана.

11

Когда Нана была маленькой, она поднималась к себе в спальню и сворачивалась калачиком на кровати. Она делала это, потому что кто-то из одноклассников однажды сказал ей, что так чувствует себя в безопасности. Поэтому Нана сворачивалась калачиком. Она ложилась рано, еще засветло. Потом лежала в ожидании поцелуя на ночь. Она прислушивалась к скрипу лестничной площадки под ногами Папы. И притворялась спящей, когда он тихо приоткрывал дверь. Потом его лицо оказывалось совсем рядом, и приходилось держать глаза закрытыми плотно-плотно. Он целовал ее и уходил. Она ложилась рано, еще засветло, и занавески красили белые стены и потолок синим, так что если вдруг проснуться, то не поймешь — то ли это белые стены в синем свете, то ли синие в белом.

Когда Нана просыпалась, она шлепала через площадку в Папину комнату, где он спал на своей большой кровати. И если он спал с краю, повернувшись к двери, она заползала к нему, притулившись на самом краешке кровати. Она заботилась о нем. Она заботилась о нем, притулившись рядом во сне. А когда Папа вставал на работу, Нана быстро перекувыркивалась на то место, где он спал. Через приоткрытую дверь ванной она смотрела на его склоненную грудь, на его кисточку для бритья, на его странно изогнутый член. Два раза в неделю Папу отпускали с работы пораньше, и, приходя домой, он смотрел, как Нана делает уроки за кухонным столом. Он вынимал запонки из манжет и заваривал ей чай.

Когда Нана представляла себе счастье, она видела себя на кухне с Папой.

Это был ее любимый дом. Куст шиповника на углу. Перед домом — пара “лежачих полицейских” из красного кирпича с желтой каймой. Зеленая гостиная и желтая кухня с обоями в одуванчиках. Белые доски пола наверху лестницы застелены мятым ковром цвета овсянки. За ними витражное окно с тюльпаном. К тюльпану Нана прилепила скотчем птичку, вырезанную ею из картона; обведенный черным фломастером силу-

эт почти скрыт клейкими перьями.

Она любила этот дом. Она любила Папу. Вам не стоит все это недооценивать, особенно теперь, когда Папа, добрый, практичный, щедрый Папа, пытался заставить ее передумать.

12

Папа сказал:

— Ты должна вернуться к Моше.

Нана сказала:

— Не могу.

— Нана. Ты возвращаешься к Моше.

— Я правда не могу.

— Почему?

— Я не могу, потому что там Анджали, — сказала Нана.

— А в чем проблема, дорогая моя? — спросил Папа. — Ты любишь Анджали?

— Нет.

— Ты любишь Моше?

— Да.

— Тогда что?

— Я не могу сделать ей больно.

— Нана, Нана. Проблема не в Анджали.

Разумеется, Нана это и хотела услышать. Имен-

но этого она и хотела. Она хотела снова быть с Моше, вдвоем с Моше. Но ей было сложно, очень сложно так поступить. Это было особенно сложно, потому что то, чего она хотела, принесет другому боль. Но вот вам финал. Здесь все переворачивается с ног на голову. Нана будет эгоисткой. Вот почему это финал.

Может, вы не согласны с тем, что это эгоизм. Может, вы думаете, что раз Папа хотел, чтобы Нана вернулась к Моше, то это не слишком болезненный моральный вопрос. Но вопрос не в Папе. Вернее, не только в Папе. Вопрос в Анджали.

Вспомните про Анджали. Анджали была как-то странно счастлива. И Нана об этом знала. Моше ей об этом сказал. Нана знала и о том, что если она вернется, то Моше уйдет к ней от Анджали. Моше ей и об этом сказал. Так вот что. Нана знала обо всем и все же собиралась вернуться. Она собиралась сделать все, что нужно.

— Я так тебя люблю, — сказал Папа. — Ты же знаешь.

И Моше вернется к ней. Конечно, вернется. Я знаю все. Я знаю Моше. Я очень хорошо его знаю.

13

Петра, чешская подруга моей мамы, не любила Милана Кундеру. Она считала, что он не должен был бросать свою страну. Она считала, что он был эгоистом.

У меня есть второй роман Милана Кундеры “Вальс на прощание”, в очень странном французском издании. Он был напечатан в 1979 году. Он переплетен в дешевый красный кожзаменитель с тисненым орнаментом и дешевой позолотой. Вместо предисловия — интервью с Кундерой. Я хочу процитировать одну фразу из этого интервью. “Никто даже не подозревает, чего мне стоило покинуть мою страну, — сказал Кундера. — Я поседел”.

Я хочу, чтобы вы вспомнили кое-какие даты. Кундера родился в 1929 году. Значит, когда он уехал из Чехословакии в 1975-м, ему было сорок шесть лет. Приличный возраст для того, чтобы потерять родную страну. Кундера был вынужден уехать после семи лет, проведенных под надзором в лесу под Брно, в уединении, без права печататься. Семь лет в одиночестве — приличный срок.

Мне кажется, что люди не слишком разумно

относятся к эгоизму. Мне кажется, они не видят, насколько нравственным он может быть. Потому что сопротивление саморазрушению — нравственно. Это безупречная нравственная позиция.

14

Папа — ангел-благодетель нашей истории.

Я постоянно говорил вам об этом. Не только из доброжелательности. Это действительно так. Папа творил добро, когда уговаривал Нану быть эгоисткой. Папа творил добро, когда просил ее уйти. Бывают ситуации, когда нельзя быть альтруистом. Бывают ситуации, когда это приводит к саморазрушению. Это может показаться кощунственным, это может оскорбить чье-то нравственное чувство. Но я прав.

Это универсальная книга. Я так вам сразу и сказал. Сколько она универсальна, столько же и неоднозначна. В ней есть что-то для каждого. И вот вам последняя неоднозначность.

Я — разумеется! — за Папу. Меня восхищают его любовь и великодушие. Я лично верю в великодушие. Но я не только за Папу. Я еще и за Нану. Потому что я понимаю толк в доброте. Доброта — восхитительная штука.

Но что плохого в эгоизме? Эгоизм тоже может быть нравственным.

Благодарности

Автор и издатели выражают благодарность за разрешение на перепечатку материалов: издательству Verso Books за разрешение на перепечатку из книги “Изучая секс: изыскания сюрреалистов 1928–1932” под редакцией Жозе Пьера в переводе Малкольма Имри; Random House Group Ltd. за разрешение на перепечатку из книг “Литературный архив КГБ” Виталия Шенталинского и “Утраченная надежда” Надежды Мандельштам, опубликованных The Harvill Press, и из книги “Частная жизнь Мао Цзэдуна: записки личного врача Мао” доктора Жи-суи Ли и профессора Тай Хун-чао, опубликованной Chatto Windus.

Мы приложили все усилия к тому, чтобы отследить владельцев авторских прав, и будем счастливы исправить ошибки и неточности в последующих изданиях.